

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

**Политическая
наука 2**
2016

POLITICAL SCIENCE (RU)

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Москва
2016

УДК 32
ББК 66.0
П 50

ИНИОН РАН

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел политической науки

Редакционная коллегия:

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, главный редактор, зав. отделом политической науки ИНИОН РАН, *Л.Н. Верчёнов* – канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, *И.И. Глебова* – д-р полит. наук, руководитель центра россииеведения ИНИОН РАН, *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук, зам. директора ИНИОН РАН, *В.Н. Ефремова* – канд. полит. наук, ответственный секретарь, научный сотрудник ИНИОН РАН, *М.В. Ильин* – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, *О.Ю. Малинова* – д-р филос. наук, зам. главного редактора, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, *П.В. Панов* – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН, *С.В. Патрушев* – канд. ист. наук, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии РАН, *Ю.С. Пивоваров* – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН, *А.И. Соловьёв* – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова, *Р.Ф. Туровский* – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, *И.А. Чихарев* – канд. полит. наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. Ломоносова

Редактор-составитель номера –
д-р полит. наук О.В. Гаман-Голутвина

Ответственные за выпуск –
канд. полит. наук *О.А. Толтыгина, И.А. Помигуев*

П 50 **Политическая наука:** Научный журнал / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-инф.м. исслед. Отд. полит. науки; Росс. ассоц. полит. науки; Ред. кол.: Мелешкина Е.Ю., гл. ред., и др. – М., 2016. – № 2: Политическая наука в современной России / Ред.-сост. Гаман-Голутвина О.В. – 290 с.

Рассматриваются достижения и проблемы развития политической науки в России, ее отдельных субдисциплин и тематических областей. Выявляются состояние и перспективы развития политических исследований в академических институтах и образовательных учреждениях.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ НФС77–36084.

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. It was founded in 1997 and is well known among foreign researchers. The journal is quarterly published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) and with the assistance of the Russian Political Science Association (RAPN).

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the leading academic journals that are recommended by High Certification Commission (VAK) of the Ministry of Education and Science of Russian Federation.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – Elena MELESHKINA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Political Science Department, INION RAN (Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Olga MALINOVA, Dr. Sci. (Philos.), Chief Researcher, Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Executive secretary – Valentina EFREMOVA, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Research Fellow, INION RAN (Moscow, Russia)

Lev VERCHENOV, Cand. Sci. (Philos.), Leading Researcher, INION RAN (Moscow, Russia)

Irina GLEBOVA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Center of Russian Studies, INION RAN (Moscow, Russia)

Dmitry EFREMENKO, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Deputy Director, INION RAN (Moscow, Russia)

Mikhail ILYIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Petr PANOV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Leading Researcher, Department of Research of Political Institutions and Processes, Perm Scientific Center of Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)

Sergey PATRUSHEV, Cand. Sci. (Hist.), Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yuriy PIVOVAROV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, INION RAN (Moscow, Russia)

Aleksandr SOLOVYEV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Rostislav TUROVSKY, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Ivan CHIHAREV, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Comparative Political Science Department of Political Science, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер	9
--------------------------	---

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: РАЗВИТИЕ СУБДИСЦИПЛИНАРНЫХ И ТЕМАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

<i>A.B. Глухова, Л.Н. Тимофеева.</i> Российская политическая конфликтология: Состояние и проблемы	13
<i>О.В. Гаман-Голутвина.</i> Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке	38
<i>Л.Н. Тимофеева.</i> Политическая коммуникативистика: Мировая и российская проекции	74
<i>Г.Л. Купришин.</i> Публичное управление	101
<i>А.В. Дахин.</i> Политическая регионалистика в России: На пути к устойчивой научной полноте	132

ИДЕИ И ПРАКТИКА: ВЗАИМОСВЯЗЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

<i>Л.А. Фадеева.</i> Идентичность как категория политической науки: Исследовательское поле и когнитивный потенциал.....	164
<i>Л.В. Сморгунов.</i> Знание и публичное управление: От утверждения нормы к суждению	181

РАКУРС: НАУЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

<i>Ю.Г. Коргунюк, О.В. Попова, Я.Ю. Шашкова.</i> Изучение зарубежных партийных систем российскими исследователями (2000–2015)	198
<i>В.С. Авдонин, Е.Ю. Мелешикина.</i> Политическая наука в институтах РАН сквозь призму экспертного опроса	232

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>A.C. Дёгтев.</i> Отечественная политология об отношениях власти и бизнеса в России	247
<i>И.А. Заранкин.</i> Исследование рекрутации элит в российской политической науке	259
<i>Я.А. Чижевский.</i> Развитие военно-политического дискурса: представляем неологизмы «асимметричный конфликт» и «гибридная война»	269

ОБСУЖДЕНИЯ

Политическая наука перед вызовами современной политики (VII Всероссийский конгресс политологов, 19–21 ноября 2015 г., Москва, МГИМО МИД РФ).....	284
--	-----

CONTENTS

Introducing the issue	9
-----------------------------	---

STATE OF THE DISCIPLINE: DEVELOPMENT OF SUBDISCIPLINE AND THEMATIC RESEARCHES IN RUSSIA

<i>A.V. Glukhova, L.N. Timofeeva.</i> Russian political conflictstudies: State and problems	13
<i>O.V. Gaman-Golutvina.</i> Political elites as an object of research in national political science	38
<i>L.N. Timofeeva.</i> Political communication studies: World and Russian perspectives	74
<i>G.L. Kupryashin.</i> Public administration.....	101
<i>A.V. Dakhin.</i> Regional political studies in Russia: Towards sustainabil- ity and completeness	132

CONCEPTS AND PRACTICIES: INTERRELATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND POLITICAL PROCESSES

<i>L.A. Fadeeva.</i> Identity as political science term: Research area and cognitive resource	164
<i>L.V. Smorgunov.</i> Knowledge and public administration: From ordered rule to judgment	181

ACCENTS: SCIENTIFIC EXPERTISE

<i>Y.G. Korgunyuk, O.V. Popova, Y.Y. Shashkova.</i> Study of foreign party systems by Russian researchers (2000–2015).....	198
<i>V. Avdonin, E. Meleshkina.</i> Political science in the institutes of Russian Academy of Sciences in the light of an expert poll.....	232

FIRST DEGREE

<i>A.S. Degtev.</i> Russian political science analysis of government-business relations in Russia	247
<i>I.A. Zarankin.</i> Studying of elite recruitment in the Russian political science.....	259
<i>Y.A. Chizhevskiy.</i> The development of military-political discourse: Introducing neologisms «asymmetric conflict» and «hybrid war»	269

DISCUSSIONS

Political science: facing the challenges of politics (VII All-Russian Congress of political Scientists, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia, November 19–21, 2015)	284
--	-----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Данный номер «Политической науки» представляет достаточно широкую панораму современного состояния отечественной политической науки. Особенностью подборки статей является широкое тематическое разнообразие и различие ракурсов рассмотрения; наряду с установившимися тематическими направлениями представлены также новые сюжеты.

В первом разделе представлены тематические направления исследования, имеющие длительную историю. В статье А.В. Глуховой и Л.Н. Тимофеевой «Российская политическая конфликтология: Состояние и проблемы» выявляются факторы актуальности конфликтологического знания в современном мире, прослеживается эволюция зарубежной конфликтологии, проясняются границы предметного поля субдисциплины, на обширном материале рассматривается теоретический и практический фундамент российской политической конфликтологии.

Г.Л. Купряшин в статье «Публичное управление» определяет предметное поле и проблематику теории публичного управления. Автор выделяет исследовательские области публичного управления («public administration»), (или «государственное и муниципальное управление»). Это *государственный менеджмент (public management)*, *аналитика государственных программ и политик (public policy)*, *взаимодействие государства и граждан (public affairs)*. В статье выявляются проблемы развития данной субдисциплины в России. Автор отмечает, что для дальнейшего развития области требуется тесная совместная работа теоретиков и практиков по формированию политического курса на федеральном, региональном и местном уровнях на базе рационального политico-управленческого анализа с ориентацией на общественное благо.

Публичное управление является объектом рассмотрения и в статье Л.В. Сморгунова. В противоположность нормативному и структурному подходам в статье предлагается рассмотреть роль и значение фактора знания в развитии коммуникационных процессов публичного управления. Современное публичное управление перестает ориентироваться только на нормативные условия устойчивого порядка, а все более использует суждение для достижения управляемости.

О.В. Гаман-Голутвина анализирует баланс достижений и проблем в изучении субъекта политического управления – политических элит – в отечественной политологии и констатирует ощущимый перевес в пользу первого. Совокупность значительного числа работ представляет довольно подробный портрет высшего политического эшелона российского общества. При этом, несмотря на существенное разнообразие используемых методологических подходов и методов, можно говорить о консенсусе исследователей по ключевым сюжетам (понятийный аппарат, др.). Среди позитивных результатов отмечается вовлеченность отдельных отечественных элитологов в международные исследовательские сети и проекты и их сотрудничество с рядом ведущих мировых центров по изучению элит. Среди проблем – преобладание описательных работ, слабое знание современных зарубежных разработок, недостаток эффективных эвристических моделей интерпретации процессов элитогенеза, рассогласование теоретических и эмпирических подходов.

В статье Л.Н. Тимофеевой рассматривается институциализация политической коммуникативистики как субдисциплины. Показан многосоставный характер предметного поля политической коммуникативистики. Выделена специфика коммуникативного метода исследования и коммуникативной методологии познания социальных и политических институтов и процессов.

Важным институциональным актором политического поля являются политические партии. Коргунюк Ю.Г., Попова О.В., Шашкова Я.Ю. представили результаты исследования содержательной, структурной и методической эволюции изучения зарубежных партийных систем российскими учеными с 2000 по 2015 г. Анализ был предпринят с целью выяснить, насколько такое изучение интегрировано в мировую науку. Авторы приходят к выводу, что интерес российских исследователей сохраняет «европоцентричность», – почти половина публикаций касаются Западной Ев-

ропы, стран Британского Содружества и США. При этом лишь менее четверти работ выполнены с применением современных инструментов политической науки, и только три публикации основаны на оригинальных авторских методиках.

Наряду с общефедеральным срезом политики несомненный интерес представляет ее региональный ракурс. А.В. Дахин в своей статье приходит к выводу о том, что современная российская политическая регионалистика представляет собой достаточно разветвленную и динамичную часть политической науки. В ней представлена совокупность различных уровней и направлений анализа, обладающих известной самостоятельностью и в то же время связанных некоторыми общими предметными рамками, познавательными интересами и интеграционными тенденциями.

Л.А. Фадеева обращается к анализу эволюции предметного поля категории идентичности. В статье показано, что популярность данной категории обусловила вал публикаций, которые посвящены идентичности в разных ее измерениях и проявлениях. При этом эта категория не перестала быть проблематичной и состоятельной. Состязательность термина усиливается по мере нарастания важности политики идентичности, что ставит перед исследователями новые задачи как по развитию концепта идентичности, так и по анализу процессов ее конструирования в современном мире. За последнее время предприняты серьезные усилия по концептуализации идентичности в качестве категории политической науки, заметный вклад в которые принадлежит российским ученым. Этот вклад стал предметом рассмотрения в статье.

Существенное системное значение для темы номера имеет статья В.С. Авдонина и Е.Ю. Мелешкиной, в которой представлены результаты экспертного опроса в рамках проекта «Политическая наука в институтах РАН». Авторы отмечают, что значение институтов Академии наук для становления и развития политической науки в современной России трудно переоценить. Однако актуальный анализ, проведенный в рамках проекта, показывает, что политическая наука в этих институтах сегодня находится в сложном положении, о чем свидетельствуют и представленные в статье результаты экспертного опроса. Авторы приходят к выводу, что политическая наука в институтах РАН по-прежнему остается ключевым компонентом российской политической науки как в институциональном, так и в исследовательском плане. В институтах

Академии производится большая часть наиболее цитируемых монографий в области политической науки, работает большинство наиболее цитируемых ученых, издаются основные рейтинговые журналы в данной научной отрасли. В то же время в ее актуальном развитии обнаруживается немало проблем, которые освещаются в статье. Авторы предлагают возможные механизмы стимулирования политических исследований в академических структурах.

В нашей традиционной рубрике «Первая степень» представлены работы молодых исследователей. И. Захранкин обращается к рассмотрению рекрутования элит в отечественной литературе, а А. Дегтев фокусирует внимание на том, какое отражение в литературе получают перипетии отношений власти и бизнеса. Учитывая изменения в военно-политической обстановке, наука реагирует на формирование в российском военно-политическом дискурсе неологизмов, сложно поддающихся концептуализации и операционализации. Представленный в статье Я. Чижевского анализ дискурсивного поля, сложившегося вокруг одного из таких неологизмов – термина «гибридная война», – позволяет сделать вывод о шаткости понятия вне его привязки к изученным феноменам, таким как «асимметричный конфликт».

Надеемся, что тематика номера вызовет интерес у читателей, а знакомство с его материалами будет способствовать стимулированию научной саморефлексии.

*O.B. Гаман-Голутвина,
E.YO. Мелешико*

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

А.В. ГЛУХОВА, Л.Н. ТИМОФЕЕВА*

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье проанализировано состояние мировой и российской политической конфликтологии. В научных и интеллектуальных кругах обсуждаются перспективы крушения современной миросистемы и формирования нового миропорядка. Авторы раскрывают этапы развития теории конфликтов в мире и России, специфику становления политической конфликтологии и образования конфликтологического научного сообщества в стране, исследуют те проблемы научного плана, которые стоят перед конфликтологией.

Ключевые слова: конфликт; теория конфликтов; политическая конфликтология; российская школа конфликтологии.

**A.V. Glukhova, L.N. Timofeeva
Russian political conflictology: State and problems**

Abstract. The article examines the state of the global and Russian political conflictology. Century of two world wars and the Cold War is over, but the beginning of the XXI century – the century of new tests mankind. Scientists, who study political conflicts, have to give your answer to the challenges of this new reality.

* **Глухова Александра Викторовна**, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и политологии Воронежского государственного ун-та, e-mail: avgglukhova@mail.ru; **Тимофеева Лидия Николаевна**, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, вице-президент, председатель Правления РАПН, e-mail: timofeeva-lidiya@inbox.ru

Glukhova Alexandra, Voronezh State University (Voronezh, Russia), e-mail: avgglukhova@mail.ru; **Timofeeva Lidiya**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Moscow, Russia), Russian Political Science Association (Moscow, Russia), e-mail: timofeeva-lidiya@inbox.ru

The authors talk about the stages of development of the theory of conflict in the world and Russia, on the establishment of political conflict resolution and education scientific community of scientists, who study political conflicts in the country, about the problems of scientific plan, which stand in front of them.

Keywords: conflict; conflict theory; Political Conflict; Conflict Russian School.

Актуальность конфликтологического знания в современном мире

Понятие «конфликт» является сегодня едва ли не самым распространенным как в публицистической, так и в научной литературе. XX век («преступное столетие», по определению З. Бжезинского) характеризуется невиданным ранее по масштабам и глубине противоборством социальных сил в ходе борьбы за переустройство миропорядка и человеческих отношений. Начавшись кровавым катаклизмом Первой мировой войны, переросшей затем в революции и локальные гражданские конфликты в рамках национальных государств, подошел к концу XX в. В научных и интеллектуальных кругах обсуждаются перспективы крушения современной миросистемы и формирования нового миропорядка. «Мир подходит к точке бифуркации, и эффект беспорядочных колебаний будет огромен» – такова доминирующая точка зрения. Окончание холодной войны явилось завершением одной мировой трагедии и началом новых испытаний человечества. Пятидесятилетнее мировое противостояние по социальному признаку, казавшееся всепоглощающей осью мировой политики, явилось на самом деле гигантской ширмой, за которой скрывались и другие, не менее острые конфликты. Сегодня одни авторы (С. Хантингтон) прогнозируют обострение борьбы между нациями и группами, представляющими различные цивилизации; другие полагают, что главной сферой противостояния и конфликтов в XXI в. станут вопросы распределения и контроля над ресурсами, что приведет к новому виду социальной напряженности внутри общества и потенциально – к напряженности международной (Ф. Фукуяма). В свете сказанного совсем не случайным выглядит тот факт, что проблематика конфликтов неоднократно оказывалась в центре внимания различных научных организаций, включая Международную ассоциацию политической науки, объявившую 1997 г. годом изучения социального конфликта.

Особую остроту конфликты приобрели в так называемых транзитных обществах, каковыми в конце XX в. стали государства Центральной и Восточной Европы, Россия, государства постсоветского пространства, а также ряд других. Эта конфликтность связана с трудностями кардинальной ломки всей системы общественных отношений, происходящей в этих странах, характером переживающего ими как экономического, так и политического кризисов, трудными поисками путей выхода из них. Следует признать, что эти процессы застали политологов врасплох. Только недавно стали появляться глубокие исследования причин, форм, типов развертывающихся в политической сфере конфликтов. Отчетливо прослеживается тенденция к политизации большинства современных конфликтов – от производственных до этноконфессиональных, от межгрупповых до межорганизационных, включая межгосударственные.

В последние годы объектом повышенного внимания конфликтологов стали государства Северной Африки и Ближнего Востока, в которых под давлением массовых протестных движений ушли в отставку или были смешены представители коррумпированных правящих элит, долгие годы сохранявших за собой монопольную власть. Феномен «арабской весны» остается предметом ожесточенных теоретических споров и политических дискуссий.

Сказанное означает наличие острой потребности в объяснении происходящих социально-политических процессов, прогнозировании траектории развития возникающих конфликтов, своевременном применении политических и иных технологий по их регулированию и минимизации негативных последствий. Как никогда остро в политической повестке дня стоит вопрос о мерах по ограничению использования насилиственных методов разрешения конфликтов, по воспитанию уважительного отношения к иной позиции или точке зрения, но при этом неприятию экстремистских, расистских идей, идеологий и их носителей. В век растущего культурного разнообразия, в условиях глобальной цивилизации ведение комплексных культурных диалогов – это теперь наша судьба [Бенхабиб, 2003, с. 222]. Вместе с тем, как справедливо отмечал бывший президент Международной ассоциации политической науки (МАПН) Т. Лоуи, политологам должен быть ближе пессимистический взгляд на проблему, поскольку «нам, занимающимся политической наукой, следует быть специалистами по изучению патологий. Мы неизбежно являемся функционалистами, но нас

должны волновать прежде всего дисфункции; нам больше следует интересоваться противоречиями и побочными последствиями системы, чем тем, как она работает» [Лоуи, 1999, с. 110–111]. Полагаем, что в еще большей степени такая методологическая посылка справедлива для политических конфликтологов.

Предметная область политической конфликтологии

Теоретико-методологические подходы к исследованию политических конфликтов исходно разрабатывались в рамках социологической науки, переживавшей процесс становления в последней трети XIX в. В современной перспективе социология сама может быть представлена как осмысление фундаментального социально-политического конфликта, возникшего при переходе от традиционного общества к гражданскому массовому обществу в Новое и Новейшее время. Смена парадигм исследования конфликтов всегда была тесно связана с динамикой общественных изменений, а сами методологические подходы – вне зависимости от артикуляции в них собственно политической проблематики – являлись теоретическим ответом на два вопроса: *как возможно целостное (стабильное) существование общества и как соотносятся общественный порядок и его изменение*.

Заслуга *К. Маркса*, создавшего одну из самых влиятельных конфликтологических теорий, заключалась в признании естественной конфликтности социальных отношений и характеристик конфликтов как неизбежного свойства и источника изменения социальных систем. В ней были представлены как структурные компоненты конфликта (объект, предмет, субъекты), так и факторы, влияющие на его формирование и динамику. Несмотря на потерю былой популярности в силу ряда известных слабостей (экономический детерминизм и т.д.), теория классового конфликта К. Маркса содержит важный методологический прием, использующийся в современной политической конфликтологии, – прием *доминантного размежевания*, т.е. выделения основного противоречия, главного конфликтного раскола (кливажа), играющего значимую роль в идентификации конкретного политического конфликта и выборе способов и методов его урегулирования.

Наследниками основанной К. Марксом *структуралистской парадигмы* исследования политических конфликтов стали мыслители XX в. – Р. Дарендорф, Й. Галтунг, А. Турен. *Р. Дарендорф* предложил вариант политической трактовки дихотомического отношения классов, взяв за основу заимствованное у М. Вебера понятие господства. Классы, выделяемые по чисто экономическим признакам, являются для Дарендорфа лишь частным случаем феномена класса. Согласно Дарендорфу, общественный порядок поддерживается при помощи процессов, создающих отношения авторитета в различных типах императивно координированных ассоциаций (ИКА), т.е. союзах господства. Последние представляют собой хорошо различимую организацию ролей в системе властных отношений: роли управляющих и управляемых, которые борются и конкурируют между собой за дефицитные ресурсы – власть и авторитет, являющиеся главным источником конфликтов и общественных перемен. Таким образом, социальная действительность служит прообразом этих бесконечно повторяющихся конфликтов по поводу авторитета в различных типах ИКА, из которых состоит социальная система [см.: Дарендорф, 1994 а; Дарендорф, 1994 б; Дарендорф, 2002: Dahrendorf, 1957; Dahrendorf, 1989; Dahrendorf, 2003].

Методологические установки Дарендорфа прослеживаются в рамках так называемой динамической социологии *А. Турена*. Автор исходит из той же дихотомической модели общества и концентрирует свое внимание на современных формах конфликтов. Вместе с тем общество рассматривается Туреном не через социальную структуру, а через *социальную динамику*, благодаря чему оно становится историческим движением, *историчностью*. Необходимо изучать не классы сами по себе, но их отношения как социальных акторов, являющиеся *отношениями конфликта* между господствующим классом, который служит историчности и использует ее в своих интересах, и подчиненным классом, который сопротивляется этому господству и оспаривает присвоение первым социальной динамики. «Он (господствующий класс) впервые порождает глобальное, культурное, а не только экономическое или политическое сопротивление, которое не является защитой групп или особых социальных интересов, но протестом всех управляемых против технократической доминации», – считает А. Турен [цит. по: Ансар, 1996, с. 118; Турен, 1998].

Норвежский ученый **Й. Галтунг** известен своей концепцией структурного насилия и структурных конфликтов. Последние становятся следствием структурных диспропорций, порождающих напряжения и насильтственные воздействия как на отдельных индивидов, так и на целые социальные группы. Под структурным насилием автор понимает социальную несправедливость в смысле неравного распределения ресурсов и неравных жизненных шансов. В противовес «узкой» концепции насилия, принимающей во внимание только прямое, физическое насилие, он формирует «широкую» концепцию насилия, ориентированную на выяснение как общей природы этого феномена, так и его специфических типов. Структурное насилие является не менее распространенным и значимым, чем прямое (физическое) насилие. Отсюда наиболее эффективным способом разрешения структурных конфликтов является систематическое изменение сети взаимодействий в социальной структуре, т.е. ее реорганизация [см.: Galtung, 1994; Галтунг, 2004].

Другим парадигмальным подходом в рамках политической конфликтологии является **функционализм**, рассматривающий конфликты как функцию человеческого поведения. Основоположник этой парадигмы **Г. Зиммель** трактовал социальный конфликт не просто как столкновение интересов, но как нечто большее, возникающее на основе *инстинктов враждебности*. Отсюда конечным источником конфликтов является внутренняя биологическая природа людей, в то время как столкновение интересов лишь обостряет борьбу, но не является ее основной причиной. В отличие от макроконфликтов, исследованных Марксом, Зиммель чаще всего анализировал явления противоположного характера – менее интенсивные и острые конфликты, которые укрепляли прочность и интеграцию системы, стимулировали ее упорядоченные изменения. Вместе с тем он выявил ряд условий, влияющих на остроту конфликта, т.е. на степень прямой конфронтации борющихся партий [Зиммель, 1996].

Наследником Г. Зиммеля в рамках так называемого *конфликтного* («позитивного») функционализма стал **Л. Козер**, рассматривавший социальный мир как систему взаимосвязанных частей, характеризующуюся напряженностью и конфликтными интересами. Задачу науки Л. Козер видел в том, чтобы выявить интегративные, стабилизирующие систему функции конфликтов и минимизировать их негативные последствия. Он четко выводил зависимость

функций конфликта от типа социальной системы, в которой конфликт происходит. Чем менее жесткой является ее внутренняя организация, тем вероятнее, что именно конфликт может установить равновесие и иерархию власти, способствовать созданию ассоциативных коалиций, которые увеличивают сплоченность и интеграцию системы. Чем чаще конфликты и чем они мягче, тем вероятнее, что они должны содействовать нормативному регулированию. Таким образом, Л. Козер в большей степени исследует интеграцию и адаптивность системы как результат конфликта, чем нарушение равновесия, аномалии и антагонизмы между подгруппами [см.: Coser, 1957; Козер, 2000].

В политическую науку конфликтный функционализм был привнесен **С. Липсетом** [см.: Липсет, 1987]. Последний предпринял анализ путей и способов, с помощью которых ценностные системы и политические институты противостоят конфликтам и служат поддержанию порядка и консенсуса. С. Липсет решительно выступает против преувеличения различий между конфликтной и консенсусной парадигмами. Признание общих ценностных систем, по его мнению, еще не означает снижения уровня внутренних конфликтов. Даже ценности, принятые во всем обществе, могут на практике порождать острую борьбу, революционное и отклоняющееся поведение. Следовательно, одни и те же институты можно рассматривать и как средства интеграции, и как факторы конфликта. Это относится, прежде всего, к политическим партиям и профсоюзам. Неорганизованные люди потенциально являются гораздо большей опорой для революционных и экстремистских движений левого и правого толка, чем те, кто принадлежит к определенным группам. Эмпирические исследования 1950-х годов привели западных политологов к выводу о том, что происходит смещение линий конфликтов с межгрупповых на межличностные (интерперсональные) отношения, и в этом – одно из существенных условий стабилизации современных демократических обществ. Еще одним условием стабилизации плуралистической демократии является так называемое «текущее членство»: члены общества принадлежат к множеству не только действительно существующих, но и потенциальных групп интересов. В концепции Д. Трумена конфликт групп динамизирует политику и социальные изменения. Но сам по себе конфликт всегда содержит в себе тенденцию к равновесию, балан-

су интересов, а социальная система корректирует структурные диспропорции.

Функционализм оказался весьма плодотворной методологией в исследовании политических конфликтов не только на внутриполитической арене (т.е. в рамках отдельного государства), но и на международном уровне. Возникшие под сильным влиянием бихевиористской методологии общая теория конфликта *К. Булдинга*, теория *К. Митчелла* исходили из общности поведенческих моделей людей вне зависимости от микро- или макроуровня их взаимодействия [см.: Boulding, 1988; Mitchell, 1989]. В конце XX в. научный мир столкнулся с более сложной и многообразной политической реальностью, в которой более значимую роль, чем прежде, стал играть культурный фактор как средство идентификации и политической мобилизации. Отражением этой новой реальности стала концепция столкновения цивилизации *С. Хантингтона* как наиболее вероятного (хотя и далеко не предопределенного) основного конфликта XXI в. [см.: Хантингтон, 2003]. «Подробный, богатый информацией анализ Хантингтона ни в коем случае не является подстрекательским, как можно подумать исходя из призыва автора и названия его книги. Пока ислам остается исламом (а он им останется) и Запад остается Западом (что гораздо проблематичнее), этот фундаментальный конфликт между двумя большими культурными кругами и жизненными формами будет и дальше определять их взаимоотношения, как он определял их на протяжении минувших 1400 лет», – отмечал Р. Дарендорф [Dahrendorf, 2006, с. 211]. Имеется в виду конфликт между либеральным и фундаментально нелиберальным порядком.

Повышенное внимание к макроконфликтам, в особенности к феномену современной войны, включая ее новые, гибридные формы, уделяют также немецкие исследователи, в частности *Х. Мюнклер* [см.: Muenkler, 2003; Muenkler, 2005].

Наряду с изложенными основными конфликтологическими подходами (структурализм и функционализм) большой вклад в исследование политических конфликтов внесли представители историко-сравнительного метода в политической науке, специализировавшиеся на изучении революций и модернизаций, – *П.А. Сорокин*, *Т. Скокпол*, *Ш.Н. Айзенштадт* [см.: Сорокин, 1992; Skocpol, 1979; Айзенштадт, 1993], а также те авторы, которые сегодня пытаются в рамках этой парадигмы («догоняющих революций») ос-

мыслить события 1989–1990 гг. в странах Центральной и Восточной Европы, – **Т.Г. Аш, Х. Фишер, У.К. Пройс, К. фон Байме, Ю. Хабермас** и др. [см.: Ash, 1990; Fischer, 1990; Preus, 1990; Habermas, 1990; Дарендорф, 1994, с. 39; Rischer, 1993; Beyme, 1992].

Кроме того, проблематика политических конфликтов активно рассматривается в рамках демократических транзитов, большой вклад в изучение которых внесли **Ф. Шмиттер, А. Пшеворский, Д.А. Растоу, В. Банс, Р. Саква, Ф. Рюб** и др. [см.: Пшеворский, 1993; Банс, 199; Шмиттер, 1996; Рюб, 2003]. Особое внимание здесь уделяется функциональной роли конфликта как механизма поставторитарных трансформаций.

Следует также обратить внимание на ту эвристическую роль, которую в политической теории сыграли труды ведущих европейских социологов и политологов, работающих в рамках постструктуртуралистской научной парадигмы. Это **П. Бурдье, Ж.-М. Денкэн, М. Доган, У. Матц** и т.д. [см.: Бурдье, 1993; Бурдье, 1996; Денкэн, 1993; Доган, 1994; Матц, 1992]. «Открытие» этими авторами поля политики как процессирующей структуры со свойственными ей дифференциациями, ассоциациями и диссоциациями политических субъектов способствовали выходу на новый нетрадиционный уровень в трактовке политического конфликта не только как практическо-политического, но и теоретического, и символического (культурного) противоборства за доминирование в социальном пространстве и возможность влиять на модификации и трансформации последнего. Несмотря на то что эти работы не исследуют непосредственно политический конфликт, но представляют собой социологический анализ политики, изложенные в них подходы представляются весьма перспективными в отношении интересующей нас проблематики.

Таким образом, история возникновения и развития политической конфликтологии как самостоятельной отрасли политической науки свидетельствует о ее междисциплинарном характере, последовательном вычленении конфликтологических аспектов политической реальности из таких смежных наук, как политическая социология, политическая психология, теория международных отношений, и объединение их в рамках полиструктурной научной отрасли с собственным объектом, предметом и методами исследования.

Теоретический и практический фундамент российской политической конфликтологии

Было бы несправедливым утверждать, что изучением политических конфликтов в России занялись только в 90-х годах XX в. Автор книги и докторской диссертации, защищенной в 2007 г. в Москве по теме «Становление социологии конфликта в России (теоретико-методологические и институционально-организационные основы)», С.Л. Прошанов убедительно показал, что в нашей стране социологическое знание о конфликтах начало формироваться еще в XIX в. в русле мировой тенденции, хотя и имело свои отличительные черты. На базе библиографического и научометрического анализа динамики ежегодного количества публикаций по проблеме конфликта исследователь выделяет два больших периода: прединституциональный (с 60-х годов XIX в. до 1991 г.) и институциональный (с 1991 г. по настоящее время) и четыре этапа зарождения и становления конфликтологии как науки [Прошанов, 2008, с. 9].

Первый этап – с 1860-х годов по 1917 г. – был связан как с усвоением привнесенных с Запада идей О. Конта и К. Маркса, распространение которых было связано с надеждами передовой русской интелигенции на социальные перемены в российском обществе, так и с идеями пионеров российской социологии конфликтов, таких как Я. Юделевский, П. Сорокин, А. Звоницкая.

Несмотря на то что идеи революции и классовой борьбы нашли живой отклик в России (Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров, русские марксисты), тем не менее они не были однозначно восприняты всем научным сообществом. С 1890-х годов началась конфронтация между теорией марксизма и немарксистскими учениями (М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, В.М. Хвостов и др.), фактически отразившая и общемировой тренд, вылившийся в 50-е годы XX в. в борьбу двух научных школ – диалектического и структурно-функционального анализа – и завершившийся созданием общей теории конфликтов, где были восприняты от одной из школ – идея борьбы, возникновения и разрешения противоречий как источника социального развития, а от другой – идея равновесности, устойчивости, связей, компромисса и консенсуса на основе общих норм в социальных отношениях.

Вместе с тем российской общественной мысли вообще и конфликтологической мысли в частности была присуща самобыт-

ность, а в некоторых своих действиях и открытиях она не раз опережала западную науку. Например, еще в начале XX в. во время организации Русской высшей школы общественных наук в Париже (при Парижской всемирной выставке) в 1900–1902 гг., основателями которой стали российские социологи М.М. Ковалевский и Е.В. Роберти, для почти 500 слушателей читался курс *«Мирное разрешение народных конфликтов»*. В 1910 г. российский социолог **Я.Л. Юделевский** (1868–1957) пишет книгу «Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории» [Делевский (Юделевский), 1910], где возводит в абсолют и наделяет признаками борьбы весь живой и неживой мир, разделяет понятия «антагонизма» и «борьбы», групповые и индивидуальные интересы; выделяет стадию осознания противоречия, присутствия инцидента в поведении конфликтантов, который открывает путь к конфронтации; подходит к типологизации конфликтов по характеру интересов, в том числе и политических. Тем самым он предвосхитил идеи американского социолога К. Боулдинга, который в 1950-е годы фактически повторяет основные постулаты российского ученого. Юделевский предвосхищает и общеизвестный «Зиммельевский парадокс» – уступи сильному сопернику.

В 1913 г. будущий основатель современной социологии **П.А. Сорокин** (1889–1968) публикует в России труд, где исследует социальную роль кар и наград [Сорокин, 1999] и признает неизбежность конфликтов в обществе, хотя и не считает тогда их нормой жизни, как впоследствии. Он замечает сигнальную функцию социального конфликта; обращает внимание на то, что чем устойчивее шаблоны противоборствующих групп, тем ожесточеннее война между ними, которая может привести к трем исходам: разъединению столкнувшихся центров, уничтожению одного из них либо к насилиственному принуждению побежденного центра к исполнению шаблонов победителей. Фактически он предсказывает исход будущей социалистической революции и гражданской войны «красных» и «белых».

Необходимо указать и на фундаментальный научный труд П.А. Сорокина, написанный им на русском языке в 1923 г. и опубликованный в эмиграции в США, – «Социология революции» [Сорокин, 2008]. Он заложил *оригинальное учение об интегрализме*, в основе которого лежит не учение о революции и классовой борьбе, как у Маркса, связанный впоследствии с обобществлением собст-

венности, и не примат либеральных ценностей со всеохватывающим капиталистическим рынком, с приоритетом индивидуализированного «*Homo economicus*», а *социогенетика*, сопряженная с *плурализмом* общества, его многомерностью, предполагающей множественность социальных сил и граней общественной жизни. Именно в отрицании коммунистического и либерального монизма, в отрицании унификации, в наличии различных, борющихся между собой и в то же время неразрывно связанных между собой в едином синтезе сил и элементов Сорокин видел движущие силы, источник саморазвития многомерного общества [Яковец, 2004].

Пророческими для современного политического противостояния России и Запада оказывается его мысль о том, что ни один рецепт того, как избежать международных военных конфликтов или других форм человеческих междуусобиц, не может их уничтожить: «Под такими популярными рецептами я подразумеваю, прежде всего, уничтожение войн и конфликтов политическими средствами, особенно вследствие демократических политических преобразований. Даже если завтра весь мир станет демократическим, все равно войны и кровавые стычки не исчезнут, поскольку демократии оказываются не менее воинственными и неуживчивыми соседями, чем автократические режимы» [Сорокин, 1992, с. 195].

Среди пионеров отечественной социологии конфликтов и первая женщина-социолог *А. С. Звоницкая* (1897–1942), которая в своей книге «Опыт теоретической социологии» систематизирует социологические знания о социальном конфликте, представляя его как разрыв в социальных связях, убеждая, что конфликты могут случиться в любой сфере, включая политическую, приняв в последствие форму кризиса [Звоницкая, 1914], и получает одобрение П.А. Сорокина.

Второй этап – с 1917 по 1961 г. – этап победившей марксистской парадигмы в исследовании истории и политической практики. Многим ученым, не согласным с тем, что происходило в стране и в общественных науках после прихода большевиков к власти, пришлось уехать. Покинули Россию П.А. Сорокин и Я.Л. Юделевский.

Дело в том, что марксизм на всех уровнях познания общественных процессов – сущностном, всеобщем и конкретно-историческом, социологическом и политологическом – признает социальные конфликты, коллизии и антагонизмы как возможные, а в условиях острой классовой борьбы в рамках так называемых анта-

гонистических формаций – и как неизбежные явления общественной жизни. Однако он оказался не в силах выйти за пределы воззрений своего времени. А его последователи в России не решились на критический пересмотр ряда постулатов. Одним из таких предрассудков было убеждение о возможности в будущем исключить социальные конфликты из жизни общества. Именно с этим и столкнулись исследователи социальных и политических конфликтов после победы социалистической революции. И хотя российские ученые не прекращали своих исследований (в частности, в 1917 г. выходит книга **Н.И. Бухарина** (1888–1938) «Классовая борьба и революция в России», в 1918 г. – труд одного из первых преподавателей социологии **К.М. Тахтарева** (1871–1925) «Общество и государство и законы борьбы классов», действует кафедра социологии, основанная в 1919 г. П. Сорокиным, в 1923 г. издается первый труд Г. Зиммеля на русском языке «Конфликт современной культуры», в 1924 г. выходят массовым тиражом первые публикации о проблемах социальных конфликтов в Советской России), но со временем становится ясно, что вопрос о политических, а затем и трудовых конфликтах для них закрыт, «исчерпан с победой революции». После острых споров, дискуссий и политической борьбы начала 1920-х годов в 1930-х утверждается бесконфликтная парадигма развития социалистического общества, выполняющая идеологическую функцию и как бы иллюстрирующая выводы марксизма о возможности построения бесклассового общества, а также то, что между рабочим классом и крестьянством не может быть антагонистических противоречий. По этой причине в 1933 г. из Устава профсоюзов было убрано положение о праве работающих на забастовки, прекращается учет трудовых конфликтов. Вплоть до 1960 г. не появляется практически ни одного исследования, касающегося конфликтов при социализме.

Третий этап начинается в 1960-е годы. Возрождается интерес к проблематике конфликтов, поскольку практика противоречит выведенным постулатам. Скрытые от публики факты о выступлениях рабочих против снижения тарифов и подъема цен на товары первой необходимости, против задержки выплаты зарплат, волнения в ряде закавказских республик на этнической почве не давали возможности правящему режиму игнорировать исследования этого вопроса. Однако для него задается определенный идеологический коридор. Автор книги о конфликтах в условиях социализма Г.М. Штракс

предложил рассматривать конфликты как микросоциальное явление, характерное лишь для некоторых конфликтных ситуаций, возникающих между личностями в коллективах [Штракс, 1960]. Причины конфликтов связывались с отклонением от «нормального» хода развития, с пережитками прошлого. Конфликт считался ненормальным для социалистического общества, дисфункцией. А социальный конфликт рассматривался как «прямое порождение эксплуататорского общества, закономерное выражение его классово-антагонистической структуры, детерминированной господством частной собственности» [Нечипоренко, 1977, с. 37]. Эта трактовка стала фактически нормой для советских ученых.

Разумеется, в рамках отдельных дисциплин конкретные виды конфликтов все же были объектом исследования. Психологи изучали внутренние конфликты, философы – общественные противоречия и трудовые конфликты, историки – войны и другие виды борьбы. Представители правовых наук традиционно изучали разноуровневые конфликты (международники – конфликты между государствами, криминалисты – преступные деяния, «цивилисты» – имущественные споры и т.д.). Более того, ряд исследователей указывали на положительную роль моральных конфликтов в развитии нравственности в советском обществе, не считая их аномалией. Некоторые ученые, например Л.А. Петровская [Петровская, 1977], занялись проблемами теоретико-методологического и общетеоретического характера конфликтов.

В 1970-е годы выводы ученых относительно социальных конфликтов стали более решительными. Например, они консолидировались в своем понимании того, что социальные конфликты как явление и процесс присущи любому социально-политическому строю и выступают атрибутом социального бытия человеческого общества.

С началом перестройки в СССР бурные социально-политические события заставляют отечественных исследователей плотнее заняться проблематикой конфликтов. В 1985 г. выходит книга американского социолога *Дж. Тернера* «Структура социологической теории» [Тернер, 1985], благодаря которой научный мир Советского Союза получает возможность ознакомиться с системой взглядов на конфликт современных зарубежных ученых и в которой подробно обоснованы две ведущие конфликтологические концепции: диалектическая теория конфликтов К. Маркса и теория

конфликтного функционализма Г. Зиммеля. Она тоже способствует активизации научных исследований в этой области. С 1986 по 1990 г. в стране по теме конфликтности публикуется научных статей, монографий, сборников больше, чем за весь предыдущий период [Прошанов, 2008, с. 42]. В одном из ведущих обществоведческих журналов страны в 1990 г. выходит знаменательная статья Овчинникова В.С. «Политические конфликты и кризисные ситуации», где предлагается рассматривать политический конфликт как сложносоставной феномен, как вершину айсберга, который скрывает в себе конфликты разных уровней и сфер [Овчинников, 1990]. Он же потом одним из первых в стране начнет преподавать курс политической конфликтологии в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

С 1991 г. – переломного для политической системы страны – начинается пристальное изучение политических конфликтов. В 1992 г. в Ростовском государственном университете защищает докторскую диссертацию по теме «Социальный конфликт (политологический анализ)» Ю.Г. Запрудский, который обосновывает тезис о том, что феномены политики и социального конфликта связаны генетически и функционально и взаимопроникают друг в друга. Институты политики предполагают конфликтность, а крупные социальные конфликты требуют политических средств решения. Формы проявления конфликтности в обществе зависят от особенностей материальной и духовной культуры общества, исторических и политических традиций, норм организации общественной и политической жизни. Методы предупреждения и регулирования конфликтов дают эффект в том случае, когда они учитывают особенности общественной среды, в которой происходят [Запрудский, 1992].

В этом же году в Российской академии управления защищает кандидатскую диссертацию по теме «Социально-политический конфликт: особенности диагностики и управления» А.Н. Чумиков, а уже в 1995 г. – диссертацию на соискание степени доктора политических наук на тему «Конфликт в системе социально-политических процессов переходного периода». Среди выводов ученого – важный тезис о том, что политическими конфликтами можно управлять. Вехой в теоретическом осмыслении политических конфликтов стала докторская диссертация А.В. Глуховой (1997). Автор уделила пристальное внимание актуальным проблемам переходных обществ, и прежде всего России, разрабатывая

общие теоретико-методологические параметры исследования переходной политической конфликтогенности. Разработанная ею типология политических конфликтов дает возможность прогнозировать вероятные конфликтные размежевания по тем или иным основаниям и своевременно реагировать на те проблемные области, которые уже несут в себе латентный потенциал конфликтов [Глухова, 2010].

В центре докторской диссертации Никовской Л.И. на тему «Конфликтное измерение политической трансформации в России» (2004) – динамическая модель морфологического анализа сложносоставных конфликтов. Автор показала, что пространство сложносоставных конфликтов образуется пересечением полей разнотипных моноконфликтов – политических, экономических, социокультурных и т.п., образуя подвижную структуру конфликтного взаимодействия. На основе дескриптивного анализа политической трансформации в России она выделила детерминанты главного конфликта демократического перехода: между моноцентричной политической властью и плюрализмом гражданских интересов, за которыми стоят общественно-политические группы гражданского общества. На основе данных многолетнего мониторинга региональной конфликтности зафиксировано своеобразие отражения общеполитической специфики развертывания политической конфликтности на уровне региона. Разработана качественная шкала конфликтности, содержащая спектр из девяти различных характеристик межсекторных взаимодействий, упорядоченных по степени возрастания конструктивности [Никовская, 2004].

Докторская диссертация Л.Н. Тимофеевой «Власть и оппозиция: конфликтно-дискурсный анализ: теория, история, методология» (2005) позволила в новом ракурсе увидеть отношения власти и оппозиции, в первую очередь – как отношения субъектов политического дискурса – публичного, многостороннего и конфликтного по своей форме диалога с четко противопоставленными позициями и пропозициями, цель которого прояснить суть происходящего, дать адекватный ответ на вызовы времени, разоблачить «симулакрумы» – подделки, вымысел, ложь в политике, найти новые идеи для принятия более эффективных политических решений на теоретическом уровне, обоснованы плодотворность и эвристический потенциал конфликтно-дискурсного метода анализа диады «власть и оппозиция», в котором объединяются конфликтологиче-

ский и дискурсный или субъектно-деятельностный и коммуникативный способы изучения их отношений, что позволяет сравнивать слово и дело двоицы. Доказана необходимость соединения историко-диалектической парадигмы исследования с системно-функциональной, ибо изменения и стабильность диалектически привязаны друг к другу и лишь в такой комбинации помогают адекватно описывать общественные процессы: через конфликты к стабильности и снова к конфликтам и стабильности с помощью политического дискурса [Тимофеева, 2004].

Перечисленные ученые составили костяк Секции политических конфликтов в организованной в 2000 г. Международной ассоциации конфликтологов (МАК, президент Е.И. Степанов).

Необходимо заметить, что институционализация конфликтологии вообще и политической конфликтологии в частности связана с созданием в Российской академии наук в 1992 г. первого в постсоветской России Центра конфликтологии Отделения общественных наук, который возглавил вначале член-корреспондент РАН Г.Х. Шахназаров, в 1993 г. – член-корреспондент РАН В.Н. Кудрявцев, а с 1998 г. – член-корреспондент РАН А.В. Дмитриев. Этот центр должен был координировать работу исследовательских центров и групп в профильных институтах РАН. В 1992 г. создается Центр конфликтологии в Институте социологии РАН, который долгое время возглавлял Е.И. Степанов. Именно по инициативе А.В. Дмитриева и Е.И. Степанова состоялись три Всероссийских конгресса конфликтологов. Основой для этого стали региональные отделения МАК в Казани (Татарстан), Санкт-Петербурге, Астрахани, Воронеже, Йошкар-Оле, Нижнем Новгороде, Ставрополе, Ярославле и других городах.

В каждом из этих городов сложилась своя школа преподавания и исследования политических конфликтов.

Казань стала местом проведения первого (2000) и третьего (2010) Всероссийских конгрессов конфликтологов, где активно работали секции политического конфликта. В городе действуют три наиболее известных центра по исследованию конфликтов. Э.Р. Тагиров создал и возглавил первый и единственный в нашей стране Институт культуры мира (1999) [Тагиров, 1996; Тагиров, 2007; Тагиров, 2014 и др.], А.Л. Салагаев и С.А. Сергеев создали в 2006 г. и в разное время возглавили кафедру социальной и политической конфликтологии в составе социально-экономического факультета КГТУ, а затем – Казанского национального исследова-

тельского технологического университета, много сил отдавая исследованию политического и этнического экстремизма, конфликтов миграции [Салагаев, Ловчев, 2011; Сергеев, 2011 и др.]. А.Г. Большаков возглавил кафедру конфликтологии в Казанском федеральном университете (2011), под его руководством развиваются многие инновационные проекты: создан Центр медиации, урегулирования конфликтов и профилактики экстремистской деятельности при Институте непрерывного образования КФУ (центр нацелен на получение навыков практической конфликтологии и медиации студентами отделения конфликтологии); виртуальная научно-исследовательская лаборатория конфликтологии; Конфликтологическая клиника – некоммерческая организация, целью которой является оказание помощи населению при разрешении конфликтов. Открыта Лига медиаторов Поволжья [Большаков 2009; Большаков, 2010].

Большой вклад в популяризацию конфликтологии и технологий управления конфликтами внесла первая в России кафедра конфликтологии (заведующий кафедрой – профессор А.И. Стребков) Философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. За 10 лет своего существования она подготовила более 200 специалистов-конфликтологов. На ее базе был проведен второй Всероссийский конгресс конфликтологов в 2004 г. На кафедре читается курс по политической конфликтологии, защищаются диссертации, выпускаются книги и монографии и издается рецензируемый научный журнал МАК «Конфликтология» с рубрикой, посвященной политическим конфликтам. Действует Центр медиации.

В Ставрополе сложилась известная всей стране школа этнополитической конфликтологии, которая успешно работает под руководством профессора А.В. Авксентьева [Авксентьев, Гриценко, Дмитриев, 2008; Этнополитические процессы… 2011 и др.].

Воронежская конфликтологическая школа прославилась в 2000-е годы, когда созданный в городе Межрегиональный институт общественных наук (МИОН) избрал одним из направлений своей исследовательской деятельности политическую конфликтологию. За 10 лет работы МИОНа было проведено несколько всероссийских конференций, издано около 10 коллективных монографий, учебных пособий, статей, позволивших институционализировать политическую конфликтологию как самостоятельное направление в рамках общей конфликтологии и превратить Воронеж (ВГУ) в ее опорный

пункт [см.: Политическая конфликтология, 2001; Демократия... 2002; Глухова, Рахманин, 2002; Конфликты и диалог... 2005; Социальные конфликты... 2005 и др.].

В МГИМО (У) МИД России в течение последних двух десятилетий сформировалась научная школа по изучению миротворческих операций и урегулирования международных политических конфликтов усилиями международных организаций. Становление этой школы прежде всего связано с деятельностью и работами Почетного президента Российской ассоциации политической науки, директора Центра евро-атлантической безопасности МГИМО (У) МИД России проф. А.И. Никитина. Теоретические вопросы систематизации и междисциплинарного изучения миротворческих операций нашли отражение в монографиях «Миротворческие операции: концепции и практика» [Никитин, 2000], «Конфликты, терроризм, миротворчество» [Никитин 2009], «Евразия: новая повестка дня по достижению мира» [Eurasia, 2005] и др. Были выпущены серии теоретических статей в журналах «Мировая экономика и международные отношения», «Полис», «Мир и согласие», «Индекс безопасности» [Никитин, 2001] и др.

В Российской академии государственной службы при Президенте РФ (ныне – РАНХиГС) с начала 1990-х годов на кафедре политологии и политического управления одними из первых в стране стали преподавать политическую конфликтологию, давшую ныне старт магистерской программе «Политико-административное управление и посредничество в регулировании конфликтов». Благодаря члену Президиума МАК, профессору Л.Н. Тимофеевой здесь создана экспериментальная учебная программа дисциплины «Политико-административная конфликтология» [Тимофеева, 2006; Тимофеева, 2009].

Сегодня в России сформирована солидная библиотека учебников и учебных пособий по политической конфликтологии, политическим переговорам [Коваленко, Пирогов, Рыжков, 2002; Козырев, 2008; Политическая конфликтология... 2008; Лебедева, 1999; Василенко, 2006 и др.], позволяющая вести обучение по данному направлению.

Теперь в России ни один Всероссийский конгресс политологов не проходит без работы секции по исследованию политических конфликтов.

Об эвристических возможностях российской политической конфликтологии

1. Современные политические процессы на национальном, региональном и международном уровнях ставят перед политическими конфликтологами новые непростые задачи, гораздо более масштабные, хотя отчасти и напоминающие те, которые вызвали к жизни диалектическую теорию конфликта К. Маркса или концепцию вертикальных политических конфликтов в императивно-координированных ассоциациях Р. Дарендорфа. Сегодняшние конфликтологи должны исходить из учета взаимодействия между универсальными и региональными факторами в генезисе политических конфликтов; из анализа динамического напряжения между сходством и различием в протекании конфликтов в различных культурных контекстах; из поиска условий и факторов политической институционализации конфликтов, прежде всего на макро- и мегауровне; из учета ценностной чувствительности локальных и групповых структур, прежде всего этноконфессионального свойства. Эти проблемы становятся наиболее характерной чертой современного политico-культурного ландшафта и, следовательно, предметом особого внимания политической конфликтологии.

2. Накопленный отечественной политической конфликтологией теоретико-методологический багаж позволяет ей быть полезной и чрезвычайно актуальной в новой политической реальности, предъявляющей повышенный спрос на конфликтологическую экспертизу. Возникает вопрос о том, что сегодня составляет предметность политических конфликтов, как изменились субъекты и формы конфликтов в начале XXI в., какие факторы обусловили эти изменения и каково их дальнейшее вероятное воздействие. Вполне релевантным остается прием доминантного размежевания, предложенный К. Марксом и приобретающий особое значение в эпоху растущего культурного, экономического, политического многообразия. Однако востребованность в подобной экспертизе со стороны властных структур пока оказывается явно недостаточной. Отсюда в кризисных ситуациях многие политические решения принимаются спонтанно, без достаточного научного обоснования. Между тем эвристический потенциал политической конфликтологии позволяет ей вооружить и государство, и общество надежными

рекомендациями по профилактике и урегулированию политических конфликтов.

3. Опыт преподавания конфликтологического знания в других странах (например, в Германии) демонстрирует тесную связь между диагностикой политических конфликтов и формированием культуры мира как необходимой предпосылки профилактики и ненасильственного разрешения политических конфликтов. В учебных планах западных университетов нет предмета «Политическая конфликтология», но есть основательный курс «Исследование мира и конфликтов» [см., напр.: Frieden und Konflikt... 2005]. Полагаем, что расширение конфликтологического дискурса в направлении формирования у молодежи конфликтологической парадигмы мировосприятия и воспитание культуры мира – это оправданный шаг в совершенствовании преподавания политической конфликтологии.

Список литературы

- Аксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. М.К. Горшкова. – М.: Альфа-М, 2008. – 368 с.
- Айзенштадт Ш.Н. Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М., 1993. – Т. 1., Вып. 2. – С. 190–212.
- Ансар П. Современная социология. Глава 6. Конфликты и сдвиги // Социологические исследования. – М., 1996. – № 8. – С. 111–119.
- Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Полис: Политические исследования. – М., 1993. – № 1. – С. 44–51.
- Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
- Большаков А.Г. Политический конфликт: академические исследовательские традиции: Курс лекций. – Изд. 2-е, доп. – Казань: Центр инновационных технологий, 2010. – 230 с.
- Большаков А.Г. Этнические вооруженные конфликты посткоммунистических государств европейской периферии [Текст]. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2009. – 466 с.
- Бурдье П. Оппозиции современной социологии // Социологические исследования. – М., 1996. – № 5. – С. 36–50.
- Бурдье П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 333 с.
- Василенко И.А. Политические переговоры: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2006. – 271 с.

- Галтунг Й. Йохан – гражданин мира. По пути к миру через земной шар / Пер. с норвежск. С.В. Карпушиной. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 336 с.*
- Глухова А.В., Рахманин В.С. Политическая конфликтология: Учебное пособие. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – 295 с.*
- Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 280 с.*
- Дарендорф Р. Размышления о революции в Европе // Путь: Международный философский журнал. – М., 1994 а. – № 6. – С. 37–127.*
- Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: Очерк политики свободы / Пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2002. – 288 с.*
- Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – М., 1994 б. – № 5. – С. 142–147.*
- Делевский Ю. (Юделевский Я.Л.). Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. – СПб.: Общественная польза, 1910. – 387 с.*
- Демократия: конфликтность и толерантность / Под ред. В.С. Рахманина. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – 402 с.*
- Денкэн Ж.-М. Политическая наука. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1993. – 162 с.*
- Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. – М., 1994. – № 6. – С. 147–156.*
- Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт: политологический анализ. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – 120 с.*
- Звоницкая А.С. Социальная связь: Опыт теоретической социологии. – Киев: Книгоиздательство И.И. Самоненко, 1914. – Т. 1. – 301 с.*
- Зиммель Г. Избранное. – М.: Юрист, 1996. – Т. 2: Созерцание жизни. – 607 с.*
- Коваленко Б.В., Пирогов А.И., Рыжков О.А. Политическая конфликтология. – М.: Ижица, 2002. – 400 с.*
- Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.*
- Козырев Г.И. Политическая конфликтология. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2008. – 432 с.*
- Конфликты и диалог политических культур в современной России / Под ред. А.В. Глуховой. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. – 216 с.*
- Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. Подходы, решения технологии: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 271 с.*
- Липсет С.М. Консенсус и конфликт: Очерки по политической социологии. Реферат / РАН. ИНИОН. – М., 1987. – 33 с.*
- Лоуи Т. Глобализация, государство, демократия: образ новой политической науки // Полис: Политические исследования. – М., 1999. – № 5. – С. 110–111.*
- Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис: Политические исследования. – М., 1992. – № 1–2. – С. 130–142.*
- Нечипоренко Л.А. Социальный конфликт как социологическая категория // Философские науки. – М., 1977. – № 4. – С. 32–49.*
- Никитин А.И. Конфликты, терроризм, миротворчество. – М.: Навона, 2009. – 232 с.*

- Никитин А.И.* Миротворческие операции: концепции и практика. – М.: МОНФ, 2000. – 188 с.
- Никитин А.И.* Международные конфликты и их урегулирование // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2006. – № 2. – С. 3–16.
- Никитин А.И.* Участие России в международном миротворчестве и перспективы его реформирования // Индекс безопасности. – М., 2011. – № 2 (97). – С. 105–113.
- Никовская Л.И.* Трансформация в России в контексте социального конфликта. – М.: Ключ-С, 2003. – Ч. 1. – 232 с.; Ч. 2. – 316 с.
- Овчинников В.С.* Политические конфликты и кризисные ситуации // Социально-политические науки. – М., 1990. – № 10. – С. 23–33.
- Петровская Л.А. О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликтов // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. – М.: Изд. МГУ, 1977. – С. 126–143.
- Политическая конфликтология / Под ред. С. Ланцова. – СПб.: Питер, 2008. – 320 с.
- Политическая конфликтология перед новыми вызовами / Под ред. А.В. Глуховой. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – 284 с.
- Прошанов С.Л.* Социология конфликта в России: история, теория, современность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 227 с.
- Прошанов С.Л.* Социология конфликтов: История, теория, современность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 232 с.
- Пшеворский А.* Переходы к демократии // Путь: Международный философский журнал. – М., 1993. – № 3. – С. 3–56.
- Рюб Ф.В.* Три парадокса консолидации в новых демократиях Центральной и Восточной Европы // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. – СПб.; М.; Берлин: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге: Летний сад: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 2003. – Т. 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. – С. 435–473.
- Салагаев А.Л., Ловчев В.М.* Социальные девиации в молодежной среде: конфликтологический подход: Учебное пособие. – Казань: КГТУ, 2011. – Ч. 2. – 208 с.
- Сергеев С.А.* Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках // Конфликтология. – СПб., 2011. – № 3. – С. 1–17.
- Сорокин П.А.* Социология революции // Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992 а. – С. 266–294.
- Сорокин П.* Социология революции. – М.: Астрель, 2008. – 784 с.
- Сорокин П.А.* Дальняя дорога: Автобиография / Пер. с англ. – М.: Моск. Рабочий: ТЕРРА, 1992 б. – 304 с.
- Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. – 448 с.
- Социальные конфликты в условиях системных трансформаций / Отв. ред. А.В. Глухова. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. – 360 с.
- Тагиров Э.Р.* На перекрестке цивилизаций: история татар в контексте культуры мира. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2007. – 389 с.

- Тагиров Э.Р. Планетарная цивилизация в зеркале глобалистики. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2014. – 336 с.
- Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция: взаимодействие, взаимоограничение, взаимоконтроль, коммуникация. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 241 с.
- Тимофеева Л.Н. Конфликты на государственной службе (основы государственно-административной конфликтологии): Учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – 66 с.
- Тимофеева Л.Н. Политическая конфликтология: Учебно-методическое пособие. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – 64 с.
- Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 603 с.
- Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис: Политические исследования. – М., 1996. – № 5. – С. 16–27.
- Штракс Г.М. Воспитание человека и проблема конфликта в условиях социализма // Совещание зав. кафедрами обществ. наук вузов РСФСР. – М., 1960. – Т. 2. – С. 48–54.
- Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам / В.А. Авксентьев, С.Н. Зинев, В.Н. Лавриненко, О.И. Лепилкина, Э.Т. Майборода. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 202 с.
- Яковец Ю.В. Эпохальные научные инновации XXI в. – М.: Экономика, 2004. – 439 с.
- Ash T.G. Eine Jahrhundert wird abgewählt. – München; Wien: Piper, 1990. – 112 S.
- Beyme K. Von Auf dem Weg zur Wettbewerbdemokratie: Der Aufbau politischen Konfliktstrukturen in Osteuropa. – Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1992. – 158 S.
- Boulding K. Conflict and defense: A General theory. – N.Y.: St. Martins press, 1988. – 289 p.
- Coser L. Social conflict and the theory of social change // British journal of sociology. – London, 1957. – N 8. – P. 197–207.
- Dahrendorf R. Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Eine Politik der Freiheit für das 21 Jahrhundert. – München: Verlag C.H. Beck oHG, 2003. – 157 S.
- Dahrendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikte in der industriellen Gesellschaft. – Stuttgart: Enke, 1957. – 280 S.
- Dahrendorf R. Versuchungen der Unfreiheit (die intellektuellen in Zeiten der Prüfung). – München: Verlag C.H. Beck oHG, 2006. – 239 S.
- Dahrendorf R. Zu einer Theorie des sozialen Konflikts // Theorien des sozialen Wandels / Ed. by W. Zapf. – Königstein, 1989. – S. 108–123.
- Eurasia: New peace Agenda / Ed. by M. Tehranyan, A. Nikitin, M. Intriligator. – N.Y.; London; Amsterdam: Elsevier, 2005. – 260 p.
- Fischer H. Sozialdemokratie und Osteuropa. Die revolutionäre Evolution // Europäische Rundschau. – Wien, 1990. – N 2. – S. 9–17.
- Frieden und Konflikt: Beiträge zur historischen Friedensforschung. – Essen: Klartext Verlag, 2005. – 406 S.
- Galtung I. Human rights in another key. – London.: Policy press, 1994. – 184 p.

- Habermas J.* Die nachholende Revolution. – Frankfurt: Suhrkamp, 1990. – 180 S.
- Mitchell C.R.* Part 1: The structure of conflict // The Structure of international conflict / Ed. by C.R. Mitchell. – N.Y.: St. Martins press, 1989. – P. 15–70.
- Muenkler H.* Die neuen Kriege. – Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH, 2003. – 285 S.
- Muenkler H.* Weder den Krieg. Stationen der Kriegsgeschichte im Spiegel ihrer theoretischen Reflexion. – Verlagsleitung: Velbrück Wissenschaft, 2005. – 294 S.
- Preus U.K.* Revolution, Fortschritt und Verfassung. Zu einem Verfassungsverständnis. – Berlin: Dietz, 1990. – 124 S.
- Rischer G., Gabriel R.* Die Politikwissenschaft und der Systemwandel in Osteuropa. – München: Minerva, 1993. – 213 S.
- Skocpol T.* State and social revolutions. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1979. – 327 p.

О.В. ГАМАН-ГОЛУТВИНА*

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ КАК ОБЪЕКТ
ИССЛЕДОВАНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Аннотация. В статье представлен анализ изучения феномена элит в современной зарубежной и отечественной политической науке. Предметом изучения стали эволюция элитологии, ее повестка, методологические подходы, тематическая специализация изысканий. На основе изучения массива публикаций автор приходит к выводу, что элитология предстает одной из наиболее развитых субдисциплин отечественной политической науки. Наиболее заметные результаты получены в изучении региональных элит, управлеченческой бюрократии высшего уровня, в политико-психологическом изучении властных групп. Автор выделяет следующие направления: политико-психологическое, политико-социологическое, компаративное, изучение внутриэлитных отношений.

Ключевые слова: элита; политическая компаративистика; политическая социология; политическая психология.

* Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ, Президент Российской ассоциации политической науки, профессор-исследователь НИУ ВШЭ, председатель Федерального учебно-методического объединения по политическим наукам и регионоведению, e-mail: ogaman@mail.ru

Gaman-Golutvina Oxana, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), Russian Political Science Association (Moscow, Russia), National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Federal educational and methodical association of political sciences and regional studies (Moscow, Russia), e-mail: ogaman@mail.ru

O.V. Gaman-Golutvina

Political elites as an object of research in national political science

Abstract. The article presents an analysis of the studies of the elite phenomenon in contemporary foreign and domestic political science. The subject of investigation – the evolution steel elitological studies, its agenda, methodological approaches, thematic specialization. On the basis of an array of publications, the author concludes that elitology in the moment is one of the most advanced sub-disciplines of domestic political science. The most significant results were obtained in studies of the regional elite, top-level management of the bureaucracy, in the political-psychological study of power groups. Autor identifies the following areas: political-psychological, political, socio-logical, comparative, study of intra-relationships.

Keywords: elite; comparative politics; political sociology; political psychology.

Обращение к анализу хода и результатов исследований политических элит в отечественной политологии правомерно начать с характеристики, данной одним из пионеров этого направления в нашей стране Г.К. Ашиным, который в начале 2000-х годов сформулировал такую оценку: «Ныне Россия – уже не периферия мировой элитологии, какой она была в советское время, школа российской элитологии по праву заняла ведущее место не только в исследовании российских элит. Еще пару десятилетий назад о российских элитах можно было узнать лишь из работ зарубежных советологов и российских политэмигрантов, но сейчас она лидирует, по крайней мере, в трех важных областях элитологии – в общей теории элитологии, в истории элитологии... и в области исследований региональных элит» [Ашин, 2006, с. 6–7]. Не случайно сам термин «элитология» стал российской новеллой, хотя и не бесспорной.

Изучение массива отечественных публикаций позволяет выделить несколько содержательных блоков. Во-первых, это относительно немногочисленные работы, посвященные историческим, теоретическим и методологическим аспектам темы. Во-вторых, это изучение сущностных и функциональных особенностей различных сегментов элит (федеральная, региональная, административная, парламентская) посредством использования социологических (теоретических и эмпирических), политico-психологических и политико-компаративных методов. В-третьих, это отношения между различными фракциями элиты. Данная дифференциация определяет структуру статьи.

Изучение политических элит в России

Среди факторов, обусловивших продуктивное развитие элитологии, на наш взгляд, следует, прежде всего, выделить объективное возрастание роли и влияния элит на политические процессы в российском социуме. Парадоксальным образом победное шествие демократии отчасти совпало с «революцией элит». Эта тенденция весьма рельефно проявилась в России в значительном масштабе: в постсоветский период элиты – политические и экономические – представали важнейшим актором отечественного политического процесса постсоветской России. Целый ряд эмпирических проектов подтверждает, что несмотря на многообразие социальных расколов и размежеваний в современном российском обществе (богатые – бедные; Центр – регионы; идеологические или этно-конфессиональные диверсификации), наиболее значимой демаркационной линией останется дихотомия элиты – внеэлитные массовые группы. Именно доминирование элит стало важнейшим фактором, определившим интерес к элитистской проблематике.

Термин «элита» в нашей стране не использовался вплоть до последнего десятилетия XX в., прежде всего в связи с длительным доминированием марксистской парадигмы, а также в связи с недемократическими коннотациями термина «элита» в доминировавшем дискурсе. Термин не использовался даже для изучения властных групп капиталистического общества и употреблялся исключительно в качестве объекта критики. Использование понятия элиты в отечественном дискурсе 1990-х годов возросло революционно.

Среди факторов, способствовавших успешному развитию отечественной элитологии в течение последних 15 лет, следует назвать также длительное доминирование эгалитарной парадигмы в отечественном обществознании, что в соответствии с законами маятника стимулировало развитие альтернативных подходов.

В перечне благоприятных факторов развития направления следует упомянуть также довольно быстрое формирование профильной сети исследователей. Институционализирующими центрами стали Москва, Санкт-Петербург, Пермь (усилиями В.П. Мохова), а также Исследовательский Комитет РАПН «Политические элиты». Не случайно на всех конгрессах РАПН проблематика изучения политических элит и лидерства, как правило, выделялась в качестве самостоятельного направления. Особо следует выделить работу

ежегодного семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации», который проводит Социологический институт Санкт-Петербурга совместно с РАПН с 2001 г. Благодаря настойчивости и компетентности А.В. Дуки этот формат сыграл существенную роль в консолидации элитологического сообщества. Система эффективных профессиональных сетей стала матрицей развития элитологии.

Первое в нашей стране исследование – причем эмпирическое – было осуществлено еще в советское время: под руководством профессора А.А. Галкина в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР в начале 1970-х годов. Предметом исследования были динамика изменения и эволюция различных групп правящей элиты США, Великобритании и Германии 1950-х – 1960-х годов. Результаты были опубликованы А.А. Галкиным в Ежегоднике «Рабочий класс в мировом революционном процессе» и частично – в совместной с Бурлацким книге «Современный левиафан» [Бурлацкий, Галкин, 1985].

В том же году вышла книга другого видного ученого Г.К. Ашина, содержавшая анализ развития концепций элит в западной политической науке [Ашин, 1985] и положившая начало системному изучения теорий элит в нашей стране.

В течение последующих трех десятилетий изучение элит претерпело значительную эволюцию. Начало 1990-х годов ознаменовалось возраставшими по численности, но невысокими по качеству и крайне фрагментарными с точки зрения методологических и теоретических аспектов публикациями. Следующее десятилетие было посвящено освоению потенциала классических и современных западных теорий элит и интенсивному накоплению эмпирических данных относительно процессов рекрутования и ротации отечественных элит. В конце 1990-х годов стали появляться систематизированные исследования. Произведенная усилиями А.В. Дуки и его коллег в 2001 г. своеобразная «инвентаризация» сделанного в элитологии с 1990 по 2000 г. включила 460 источников; к концу первого десятилетия нового века это количество превысило 1000. Однако изменения не ограничились количественными показателями: возросло не только число исследователей – сформировалось несколько точек роста субдисциплины [Ашин, 2005, с. 239].

Теоретические и методологические сюжеты в отечественной элитологии

Важным содержательным фактором становления элитологии, структурировавшим ее проблемное поле, стала дискуссия по ключевым теоретическим и методологическим сюжетам: содержание концепта «элита» и возможности его использования в методологическом и прикладном аспектах [Гаман-Голутвина, 1996]. В упомянутой дискуссии можно выделить для аспекта. Первый касается широкой и узкой интерпретации термина «элита». Сторонники «широкой» трактовки полагают, что элита – это высшая страта, существующая в любой системе социальной стратификации, определяющая функционирование и развитие общества в целом или отдельных его подсистем и выступающая ключевым субъектом выработки норм и ценностей общества. В узком смысле концепт «элита» используется для характеристики управленческой, политico-административной категории [Ашин, 2008].

Есть и иные трактовки «узкого» и «широкого» понимания термина «элита». Согласно первому, элита есть исторический социальный субъект, рождающийся в Новое время. Согласно другой позиции, возможно использование термина в более широком значении: элита – это социальная константа всех эпох, сообщество лиц, осуществлявших управление на различных этапах политической эволюции [Мохов, 2007.]. В частности, очевидно, что возникновение и генезис института государства были сопряжены с формированием аффилированной с ним социальной категории, осуществлявшей функции управления. Исследование закономерностей обретения и удержания власти, особенностей рекрутования и ротации составляет предмет элитологии как комплексной научной дисциплины. Важным этапом дискуссии стало выделение отдельных категорий в структуре элиты (политическая, экономическая, духовно-идеологическая, профессиональные) [Гаман-Голутвина, 2013].

На наш взгляд, востребованность широкой трактовки элиты объясняется тем, что выявление атрибутивных характеристик элит вызывало включение в орбиту рассмотрения их генезис: очевидно, что *процесс* формирования субъекта определяет его *сущность*. И в этом случае оказывается востребованным обобщающий понятийный конструкт, пригодный для «кросстемпорального» исследования, открывающего возможности выявления атрибутивных

характеристик. Комментируя упомянутый сюжет дискуссии, можно отметить, что монополия той или иной позиции вряд ли оправдана; использование того или иного методологического подхода зависит от конкретных исследовательских задач и избранной методологической системы координат. А.В. Дука показал, что в эмпирических и теоретических исследованиях властных элит возможны три невзаимоисключающих типа исследований. Во-первых, элиты могут быть представлены как функциональные группы. Во-вторых, элиты могут быть проанализированы как определенный социальный слой. В-третьих, элиты могут быть рассмотрены как институты. Каждый из указанных вариантов исследований тяготеет к определенным теоретическим основаниям и обладает собственными объяснятельными возможностями и ограничениями [Дука, 2005].

Второй сюжет профильной дискуссии касался соотношения ценностного и структурно-функционального подходов к дефиниции. Во многом диссонирующее звучание термина было определено слабой укорененностью функционального подхода в отечественной политической мысли [Тощенко, 2008].

Для прояснения теоретических контекстов элитологии существенное значение имели публикации Г.К. Ашина, который подверг детальному анализу теоретический потенциал классической и современной элитологии, предложив ряд продуктивных подходов к систематизации эвристического потенциала этого наследия [Ашин, 2006]. Предметом исследований в работах Ашина стали содержательная и функциональная специфика элитологии в системе социального знания; генезис элитологии и ее типология; методологические установки элитизма; история российской и американской элитологии. Существенное внимание Г.К. Ашин уделил исследованию возможностей совмещения элитистской парадигмы с демократической, изучению истории, теории и практики элитного образования в США и европейских странах.

Близка этому подходу тематика работы А.П. Кочеткова, который рассматривает исторические и современные практики взаимодействия элитных и массовых групп на различном материале, уделяя особое внимание влиянию элит на характер политического режима применительно к российским реалиям в условиях перехода мирового сообщества в глобально-информационное общество [Кочетков, 2009].

Вклад В.Г. Ледяева в прояснение теоретических аспектов дискуссии определяется, прежде всего, содержащимся в его рабо-

так основательным анализом классических и современных концепций власти [Ледяев, 2000; Ледяев 2008; Ледяев, 2010; Ледяев, 2012]. В последних по времени публикациях В.Г. Ледяев обращается также к анализу современного российского политического режима. Осужденный с помощью трех базовых концептов – господства, конфигурации форм власти и эффективности власти, – этот анализ выявляет противоречивость административно-политического класса в качестве субъекта политического господства.

Существенным результатом данной дискуссии можно считать консенсус большинства исследователей (О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Дука, Н.Ю. Лапина, В.Г. Ледяев, А.Е. Чирикова и др.) относительно необходимости отказа от использования нормативного критерия в определении элиты в пользу аналитического подхода в рамках социологических и политических исследований [Гаман-Голутвина, 1996; Дука, 2005; Чирикова, 2008], что способствовало продвижению в изучении процессов элитогенеза.

Следует признать безусловно продуктивными усилия А.В. Дуки по разработке институционального подхода в политико-социологическом анализе властных элит [Институционализация... 2003; Проблемы институционализации... 2003; Элита третьего пути... 2006]. Институционализацию он рассматривает, во-первых, как способ обретения новыми властными группами финансового положения, необходимого для создания социальной дистанции, символических механизмов идентификации и демаркации; во-вторых, как сплочение элиты в условиях разрушения идеологии и механизмов сдерживания конкурирующих групп; в-третьих, как снижение неопределенности во внутргрупповом и межгрупповом взаимодействии на фоне ослабления традиционных для сообщества нормативных регуляторов. Исследования А.В. Дуки показали, что институциональный фактор связан с общим институциональным дизайном и возникновением структуры институциональных возможностей для появления и закрепления новых институтов. Структурный контекст институционализации властных групп определяет возможности элиты обеспечивать себе легитимизацию, социальную поддержку и социальную базу своего воспроизводства, а борьба за ресурсы выступает необходимым элементом процесса институционализации. При этом монополизация власти является не столько следствием привычки монопольно управлять, сколько необходимостью институционализации элиты: последняя должна структурировать социальное и поли-

тическое пространство «под себя». Представляет интерес также выявление в работах А.В. Дуки функций коррупции в процессе институционализации элиты.

Основатель пермского центра элитологических исследований В.П. Мохов сосредоточил усилия на анализе трансформации проблемного поля элитистских исследований. Мохов разделяет подход Г.К. Ашина в его различении понятий элитизма и элитаризма. На основе изучения современной литературы В.П. Мохов выделил шесть основных значений понятия «элитизм», присутствующих в современном научном дискурсе [Властные элиты... 2004]. В настоящее время В.П. Мохов работает над уточнением критериев циркуляции элит [Мохов, 2014].

Объектами исследований А.М. Старостина [Старостин, 2003] стали уточнение основных принципов элитистской парадигмы; изучение социального и антропологического факторов детерминации элит, цивилизационного своеобразия и принципов циркуляции элит, механизмов элитогенеза, а также разработка проблемы идеалов и норм научной рациональности; выявление методологической референтности исследований. Обобщения в этой области позволили авторам прийти к выводу о формировании в политической науке последнего времени элитологической исследовательской парадигмы [Элиты и будущее России... 2007].

Центральным объектом работ М.Н. Афанасьева стало изучение патрон-клиентских отношений внутри массовых и элитных групп в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе [Афанасьев, 1997]. М.Н. Афанасьев показал, что в условиях быстрой смены привычных ролей и статусов отношения личной зависимости и покровительства остаются устойчивой матрицей социального поведения [Афанасьев, 1996]. Афанасьев показал, что на федеральном и региональном уровнях реальными структурными единицами, образующими ткань существующей элиты, являются клиенты, положение которых всецело зависит от влиятельности и популярности их лидеров. Однако, на наш взгляд, для данной работы характерна ретроспективная экстраполяция всеобъемлющего в постсоветской России влияния клиентельных отношений на предшествующие исторические периоды.

Особенностью аналитического подхода М.Н. Афанасьева стало включение в политологический дискурс исторического исследования. В связи с этим заметим, что разработка историко-

политических аспектов процессов элитаобразования в целом стала важным этапом развития элитологии. Подобного рода исследования способствуют разработке серьезных теоретических подходов к пониманию системных особенностей процессов элитного рекрутинга.

По мнению экспертов, наиболее масштабным концептуальным исследованием с разработкой оригинальной авторской концепции стала работа О.В. Гаман-Голутвиной: «После классических работ по элитам начала XX в. и современных европейских и американских разработок трудно было предположить, что можно написать что-то концептуально новое. Однако это оказалось возможным» [Дука, 2008].

Парадоксальным образом концептуальные интерпретации элитогенеза в постсоветской России оказались невозможными вне широкого исторического контекста. Использование историко-политологического подхода открыло возможности концептуального осмыслиения современного российского элитогенеза, позволило сформулировать продуктивный методологический подход в исследовании процессов элитаобразования, выявляющий определяющее значение моделей социального развития в качестве фактора детерминации элитаобразования; определить механизмы взаимосвязи моделей социального развития и моделей элитаобразования; разработать типологию процессов элитаобразования с ее использованием для сравнительного анализа различных форм элитогенеза [Гаман-Голутвина, 2006]. Осуществленный с использованием обширного исторического материала анализ позволил проследить модификацию базовых принципов рекрутирования субъектов политической власти и представить содержательные интерпретации современного политического процесса [Gaman-Golutvina, 2007]. Разработка корректной методологии исследования позволяет использовать ее для анализа актуальных процессов рекрутирования, ротации и трансформации элит на глобальном и национальном уровне [Гаман-Голутвина, 2012; Смирнов, 2012].

Характеризуя разработку историко-политологического направления, успешными следует признать только некоторые попытки. К числу наиболее серьезных недостатков можно отнести слабое владение методологией и методами политологических исследований. Порой авторы *исторических по предмету, методологии и методам* исследований ограничивались использованием термина «элита», полагая, что в этом и заключается политологическое ис-

следование. Ничего, кроме досадного лексического «дребезжания» и очевидного методологического диссонанса, подобные попытки не вызывают.

Завершая краткий эскиз теоретического дискурса отечественных элитологических исследований, следует отметить: плюрализм методологических подходов не является исключительной характеристикой данного направления. Причем множественность теоретико-методологических оснований является не ее недостатком, а достоинством, а разработка новых концептуальных моделей предстает наиболее востребованным – но и наиболее сложным – сюжетом элитологических исследований. При этом необходимость разработки теоретических моделей анализа вызвана не невозможностью использования сформулированных в рамках зарубежной политологии концепций – а дефицитом таких концепций. В современной мировой элитологии накоплен значительный эмпирический материал, однако концептуальное осмысление этого материала остается актуальной задачей. В рамках конгрессов МАПН в 2000–2014 гг. востребованность подобных обобщающих концепций обсуждалась неоднократно.

Элитные группы в фокусе теоретического и эмпирического анализа

Структура элитного пула определила направленность исследовательской рефлексии. Можно выделить следующие объекты изучения: федеральная власть в лице президента, политico-административной бюрократии и парламентского корпуса; региональная администрация (губернаторы, управленческий корпус, персональный состав легислатур); иные сегменты властных групп (массмедиа); модели лидерства. При этом широкое применение находили как теоретические, так и эмпирические методы, что позволяет сгруппировать проведенные исследования на основании использовавшихся методов.

Политико-психологические исследования

Одним из важных направлений изучения лидеров страны и управленческого корпуса является изучение психологического

профиля элит средствами политической психологии. В нашей стране сложилась школа политической психологии, создателем которой стала профессор Е.Б. Шестопал. Становление этой школы в начале 1990-х годов происходило благодаря ее работам, написанным еще в 1980-х [Столбун, Шеркович, 1980]. К концу 1980-х вышли уже серии ее статей и монография «Личность и политика» [Шестопал, 1988]. С 1993 г. ведется преподавание университетского курса. В 1990-е годы вокруг профессора Е.Б. Шестопал сложился круг молодых исследователей и преподавателей, которые разрабатывали проблематику политического восприятия, лидерства, психологии демократии и др. В 2000 г. в МГУ была создана кафедра политической психологии. За 15 лет кафедра стала настоящим научным центром политической психологии со сложившейся школой исследований и международно признанным лидером. С 1993 г. школа Е.Б. Шестопал реализовала немалое число инновационных проектов, ряд из которых имели пролонгированный характер, что позволяло получать уникальные результаты. Основные результаты были изложены в серии индивидуальных монографий Е.Б. Шестопал и книг под ее редакцией [Психология политического восприятия... 2012; Человеческий капитал... 2012; Перспективы развития... 2014]. Она же стала автором первого в стране учебника по политической психологии, изданного в 2002 г. и впоследствии многократно переиздававшегося [Шестопал, 2007]. Подготовлены к печати и до конца т. г. выйдут новые работы: монографии «Путин 3.0. Власть и общество в новейшей истории России» и «Психология российских политических элит». Первая из этих работ выходит на английском языке, в американском издательстве Lexington books.

Следует отметить, что в фокусе политико-психологических исследований были президенты (Б.Н. Ельцин, В.В. Путин, Д.А. Медведев), премьер-министры (В.С. Черномырдин), ведущие парламентские политики (Г.А. Зюганов, В.В. Жириновский, О.В. Морозов, Н.В. Левичев, С.В. Миронов и др.), многие губернаторы и иные влиятельные фигуры. Особо следует отметить коллективную монографию «Человеческий капитал российских политических элит: политико-психологический анализ», в которой предметом изучения стали типы социализации, мотивационный профиль, Я-концепция (совокупность представлений политиков о себе), поведенческий стиль, политические ценности, статусно-ролевые и социально-демографические характеристики представителей элиты.

Термин «человеческий капитал», по мнению экспертов, не вполне удачен в силу излишнего прагматизма. Но при всех недостатках данный концепт работает. В нем заложен большой потенциал, связанный с «человеческим измерением политики» [Шестопал, 2013], куда включается целый набор психологических параметров, таких как цели и ценности, мотивы и стиль политического поведения и другие, не менее важные психологические компоненты, на которые политологи начинают обращать все большее внимание. Такой интерес современной политологии к «человеческому капиталу» связан с тем, что институциональный анализ в условиях трансформирующейся политики и быстро меняющегося общества нередко либо недостаточен, либо просто не ухватывает источник происходящих перемен и не может объяснить их. Если же говорить о российской политике, для которой всегда было характерна порой даже избыточная персонифицированность, то объяснить ее в отрыве от того психологического содержания, которое входит в понятие «человеческий капитал», представляется весьма затруднительным.

Политико-социологические исследования элит

Изучение *федеральных* элит осуществлялось также социологическими методами – теоретическими и эмпирическими. Изучение *политико-административной бюрократии* [Гаман-Голутвина, 1997] и результатов реализации административной реформы в России в начале нового века [Гаман-Голутвина, 2007] показало, что вопреки распространенному суждению отнюдь не численность управлеченческого аппарата является главной проблемой: таковой являются неоптимальная система рекрутования управлеченцев в связи с размытостью критериев набора и отсутствием продуманной системы; неоптимальное сочетание мер поощрения и контроля по отношению к госаппарату; низкий престиж государственной службы и наличие негативного образа чиновника в массовом сознании.

В 2009 г. в связи с разразившимся кризисом резко актуализировалась тематика изучения системы государственного управления РФ в условиях кризиса. Исследования [Гаман-Голутвина, 2011] показали, что целый ряд ключевых параметров – численность управлеченческого аппарата, его эффективность и рациональность,

низкий уровень его материального обеспечения и высокий уровень коррумпированности, качество гражданского общества, его способность и готовность взять на себя выполнение ряда функций государства – таковы, что использование стандартных подходов и алгоритмов к реформированию бюрократии как субъекта антикризисного управления малопродуктивно. Более того, эти факторы существенно отличают стартовые условия реализации административной реформы в РФ от тех, которые стимулировали осуществление аналогичных реформ в духе Нового государственного управления (НГУ) в развитых странах. Это определяет необходимость и целесообразность содержательной интерпретации существования парадигмы НГУ. Узловой проблемой в неэффективной концептуализации современного управления является упрощенное понимание роли государства в современном мире: последнее нередко интерпретируется как совокупность учреждений и организаций или как репрессивный аппарат, имманентно не поддающийся рациональному реформированию. Данные подходы были использованы, в частности, при реализации проекта по изучению критериев эффективности антикризисной политики государства в рамках масштабного общероссийского проекта «Политическая система России», инициированного Институтом общественного проектирования на средства гранта президента РФ авторским коллективом в составе Л.В. Сморгунова, А.И. Соловьева и Р.Ф. Туровского с участием и под руководством О.В. Гаман-Голутвиной.

Пермский политолог В.П. Мохов в начале второго десятилетия нового века продолжил изучение численности и социальных ролей отечественной бюрократии и определил удельный вес «административной части» политического класса в диапазоне от 9 до 11% от численности работников, занятых в государственных и муниципальных органах. Особенность социального качества чиновничества состоит в том, что в лице своего руководящего состава оно превратилось в разновидность буржуа, которые используют власть либо как рыночный товар, продаваемый на административном рынке по монопольно высокой цене, либо как инструмент извлечения административной ренты, либо как средство лоббирования групповых интересов. Сам чиновник и его должность превратились в товар, «скупка» которого ведется как группами интересов, клиентельными группами, так и политическими силами. Поэтому в современных условиях традиционные методы реорга-

низации аппарата публичной власти без изменения социальной природы государственной и муниципальной бюрократии неэффективны [Мохов, 2012].

Относительно новым направлением анализа стало изучение элитных сетей, в рамках которых управленческая бюрократия является, как правило, заметным звеном. Одним из первых обращений к изучению данного феномена стала работа А. Барда и Я. Зодерквиста [Бард, Зодерквист, 2004]. В России данное направление только начало складываться, очевидно, что оно имеет перспективу [Соловьев, 2014; Кочетков, 2013; Смирнов, 2011].

В изучении отдельных фракций современных российских элит объектом наиболее интенсивных исследовательских усилий стали *региональные элиты* России – политические и экономические. Результаты многочисленных исследовательских проектов, реализованных на протяжении 20 лет, позволили получить довольно полную картину политических процессов в региональной власти. Детальному изучению был подвергнут целый ряд аспектов регионального элитогенеза.

Исследования Р.Ф. Туровского выявили специфику этапов эволюции региональных элит и обусловившие эту эволюцию факторы; базовые измерения российских региональных акторов и их отношения с Москвой [Туровский, 2006]. Темой недавних исследований Туровского стали особенности региональных партийных элит в современной России; региональное измерение российской оппозиции [Cameron, Turovsky, 2015; Turovsky, 2015.].

В работах В.Я. Гельмана был представлен анализ институционального дизайна и процессуальных характеристик трансформации региональных режимов в ходе изменения баланса отношений центр – регионы в постсоветский период [Россия регионов... 2000]. Изучение трансформации региональных политических режимов в системе ключевых переменных (акторы, институты, ресурсы и стратегии) подтвердили, что в пост-СССР массы являются субъектами политического процесса в той мере, в какой это могут допускать элиты. Сравнительное исследование трансформации шести региональных режимов в России 1990-х годов показало, что лишь в одном из шести исследуемых регионов массовые акторы играли определяющую роль в ходе трансформации политического режима [Россия регионов... 2000, с. 19–32]. Эти же исследования представили материал относительно способов замещения

формальных институтов неформальными практиками, а совмещение в анализе композиций акторов и используемых ими стратегий позволило представить идеально-тиpические модели сценариев выхода из неопределенности в процессах трансформации [Россия регионов... 2000, с. 45].

Д.Г. Сельцер обратился к изучению политической трансформации номенклатурной организации власти в России на субрегиональном уровне в период 1985–2005 гг. [Сельцер, 2007].

Предметом исследований А.М. Старостина стали система ориентаций региональных элит, динамика их структуры и этнополитические измерения, что в условиях пестрого этноконфессионального состава населения Северного Кавказа имеет особое значение. Отмечены существенные сдвиги в структурном, и в деятельностно-стилевом, и в ценностном измерениях федеральных и региональных элит. Современные элиты существенно менее гетерогенны по своим политико-идеологическим ориентациям, более четко идентифицируют свои интересы; более динамичны в процессах адаптации, в том числе в формате современной публичной политики. Статус устойчивого источника рекрутования в большей степени имеют бизнесструктуры.

Существенное значение для понимания персонального состава региональных элит и особенностей внутриэлитных отношений в российских регионах имел общероссийский проект «Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты российских регионов (СВЛР)», реализованный под руководством О.В. Гаман-Голутвиной [Самые влиятельные люди... 2004; Гаман-Голутвина, 2004]. Как отмечает В.Г. Ледяев, данный проект до сих пор остается самым масштабным в истории постсоветской России [Ледяев, 2012]. Существенным научным результатом данного проекта стала разработка в содружестве политологов и математиков модели политического и экономического влияния на региональном уровне и анализ обширного эмпирического материала на основе этой модели. Проект «СВЛР» выявил целый ряд значимых характеристик регионального элитогенеза, до того не очевидных. Так, было показано, что «перетекание» властных полномочий из центра в регионы на протяжении 1990-х годов имело временный характер и было обусловлено заинтересованностью федеральной исполнительной власти в политической поддержке со стороны региональной элиты в борьбе с конкурирующими группами центральной

элиты. Были выявлены факторы, способствовавшие сохранению приоритетной роли федеральной элиты в отношениях «центр – регионы» (исторические традиции политического развития и политической культуры России, особенности ее современной политической системы, специфика участия элитных групп в масштабных процессах приватизации и перераспределения собственности, соотношение ресурсов центра и регионов, слабая корпоративная консолидация региональных элит).

Другим чрезвычайно значимым результатом исследования стало то, что по итогам данного проекта О.В. Гаман-Голутвина первой из российских и зарубежных исследователей эмпирически доказала необоснованность мифа о власти милитократии в России. Характеристика изменений политической власти в пользу формирования власти военных – «милитократии» – возникла в 2002 г. после публикации О.В. Крыштановской, выдвинувшей этот тезис [Крыштановская, 2002]. Через год появилась совместная с С. Уайтом зарубежная публикация в «Post-Soviet Affairs» [Kryshtanovskaya, 2003]. За публикацией в научном журнале последовали несколько статей и интервью в печатных и электронных СМИ, которые широко тиражировались в Интернете [см., напр.: Крыштановская, 2003; Костюков, 2003]¹. В 2005 г. в монографии Крыштановской была продемонстрирована впечатляющая динамика проникновения людей в погонах в российскую власть [Крыштановская, 2005]. Термин «милитократия» вошел в активный публицистический оборот.

Реализация проекта СВЛР показала, что вхождение бывших и действующих военных в структуры гражданской власти на региональном и федеральном уровне не имело характер превалирующего тренда. Прежде всего, политический курс губернаторов, как и федеральных политиков, не обусловлен буквально их предшествующей политической биографией. Наиболее существенное возражение против тезиса о засилье милитократии в центре и в регионах России обусловлено тем, что темпы вхождения представителей бизнеса во власть в несколько раз опережали аналогичные показатели «силовиков». Наиболее заметным трендом эволюции региональной политической элиты в первом десятилетии нового века стало массовое вхождение в ее состав представителей бизнеса и

¹ Анализ концепта «милитократия» на основе интервью некоторым отечественным и зарубежным изданиям см.: [Кузнецова, 2004].

значительный рост их политического влияния на региональном уровне. Результатом стало формирование категории «универсалов» – сообщества лиц, влиятельных как в политике, так и в экономике. В 2000-х годах в регионах произошло фактическое слияние политической и экономической элит и формирование политико-финансовых конгломератов, претендующих на роль доминирующих акторов региональной политики и экономики¹, что не дает оснований для констатации господства милитократии в России.

Позже и сами расчеты О.В. Крыштановской были подвергнуты сомнению. Американские политологи Дэвид Ривера и Шарон Ривера усомнились в методической и методологической точности подсчетов Крыштановской и провели рекалькуляцию исходных данных, а также, используя иные источники, попытались определить некоторые характеристики более широкого круга элитных персон. Перерасчет показал существенную некорректность расчетов О.В. Крыштановской [Rivera S.W., Rivera D.W., 2006; Ривера Ш., Ривера Д., 2009].

Данный сюжет имеет принципиальное значение для понимания процессов рекрутирования и ротации элит в России, поэтому важным было последующее изучение темы. В начале второго десятилетия нашего века к ней обратился А.В. Дука на основании анализа биографических данных элитного пула 6 регионов: Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область, Костромская область, Ростовская область, Хабаровский край. Дука показал, что по-прежнему существенных свидетельств о наличии или складывающейся милитократии в регионах нет, что вхождение выходцев из силовых структур во властные позиции в регионах не связано с президентством Путина, а в пополнении региональной элиты силовиками можно зафиксировать достаточное разнообразие во времени [Дука, 2012].

Следует отметить, что схожие выводы были получены на материалах и других эмпирических проектов. Так, на протяжении нескольких лет было осуществлено наиболее масштабное в стране исследование депутатского корпуса постсоветской России, кото-

¹ К сегодняшнему дню ситуация изменилась: федеральный центр полностью вернул себе контроль за экономическими ресурсами регионов. Сегодня в еще в большей мере, чем в ранее, очевидно: на часах в российских регионах – время московское.

рое было частью общеевропейского проекта «Парламентское представительство в Европе. 1848–2014», в орбиту которого было вовлечено более 20 европейских стран. Предметом исследования в рамках этого проекта стало парламентское представительство на национальном уровне; при этом предмет исследования был рассмотрен в процессе полуторавековой эволюции. Автор этих строк была руководителем российской части проекта, предполагавшей исследование особенностей российского парламентаризма. По итогам реализации проекта было опубликовано несколько монографий за рубежом [Best, Cotta, 2007; Gaman-Golutvina, 2014] и в России. Исследование показало, что во всех созывах Государственной Думы ФС РФ удельный вес предпринимателей не только многократно превышал удельный вес этой категории в социальной структуре населения и удельный вес других профессиональных категорий в российской Думе, но также превышал соответствующие европейские показатели и определял доминирование в России функционального представительства по сравнению с территориальным и партийным [Gaman-Golutvina 2014; Гаман-Голутвина, 2006 б; Пляйс, Гаман-Голутвина, 2006]. Аналогичные данные на другом материале получил выдающийся отечественный исследователь С.П. Перегудов [Перегудов, 2011].

Интенсивный интерес крупного бизнеса к политике побудил исследователей к изучению корпоративных элит [Кочетков, 2012], а активное вхождение бизнеса в региональные управленческие структуры стимулировало исследовательский интерес к отношениям крупнейших игроков региональной политики – власти и бизнеса, что стало предметом изучения в работах Н.Ю. Лапиной и А.Е. Чириковой [Лапина, Чирикова, 2000]. Исследование системы отношений региональных властей и групп интересов [Особенности активности групп... 2000] дало основание Н.Ю. Лапиной выделить четыре основных модели отношений властных элит регионов с элитой бизнеса (модели «патронажа», «партнерства», «приватизации власти», «борьба всех против всех»), подвергнув детальному анализу использовавшиеся игроками ресурсы и технологии [Лапина, 1997]. А.Е. Чирикова идентифицировала в качестве наиболее распространенного типа организации власти в российских регионах модель корпоративно-бюрократической полиархии, выделив основные типы управленческих команд областных администраций (интегрированные, фрагментированные и коалиционные). Под-

твердив доминирование неформальных практик, Чирикова отметила, что в 2000-е годы модель явного доминирования неформальных практик в управлении региональными процессами сочетается с моделью «двойного действия», при которой формальные и неформальные практики сосуществуют одновременно и дополняют друг друга [Чирикова, 1997]. Результаты своих многолетних исследований региональных элит А.Е. Чирикова обобщила в работе «Региональные элиты» [Чирикова, 2010].

В недавних работах А.Е. Чирикова, В.Г. Ледяев и Д.Г. Сельцер обратились к эмпирическому изучению организации власти в малых городах на примере двух небольших городов Пермского края. Исследование показало, что структура власти очень узка (имеет элитистский характер). Конфигурация наиболее влиятельных акторов в городах отражает доминирование двух групп – руководства исполнительной власти и представителей крупного бизнеса. В этой паре лидирует политическая (административная) элита. Ключевыми фигурами являются мэры, хотя в иных городах вполне вероятно лидерство руководителей районных администраций, обладающих сопоставимыми или большими ресурсами влияния. Крупный бизнес остается значимым актором городской политики. Возможности и политический потенциал других групп весьма ограничены; при этом они существенно варьируются и могут меняться в зависимости от персональных характеристик их представителей. Взаимодействие между акторами весьма разнообразно, динамично и обуславливает возможность складывания различных видов коалиций. Коалиции оказались весьма распространенными, довольно прочными и вполне эффективными. Таким образом, несмотря на авторитарную природу российского политического режима, накладывающую ограничения на различные аспекты городской политики, локальные акторы сохраняют значительную автономию [Ледяев, Чирикова, 2015; Ледяев, Чирикова, Сельцер, 2014 а; Ледяев, Чирикова, Сельцер, 2014; Чирикова, Ледяев, Сельцер, 2014 б].

Осуществленное А.В. Дукой и его коллегами по Социологическому институту в Санкт-Петербурге изучение ценностных ориентаций региональных элит (на примере санкт-петербургского и ленинградского властных сообществ) [Власть и элиты, 2012; Властные структуры... 2012; Российские властные институты... 2011; Региональные элиты... 2011; Российская региональная эли-

та... 2002] позволило определить основные дифференцирующие переменные: принадлежность к поколению, условия семейной социализации, профессиональная социализация и опыт деятельности во властных структурах. Исследователями выявлена связанность политических и экономических ориентаций; определено (при сравнении с данными массовых опросов), что в целом элита, по сравнению с населением, в большей степени ориентирована на рыночные механизмы в экономике. Однако уровень терпимости в отношении политических оппонентов остается достаточно низким; пока рано говорить о наличии единых, разделяемых большинством региональной элиты ценностей; политическая культура остается весьма гетерогенной.

Содержательная «объемность» отечественной региональной элитологии определена тем, что объектом анализа стали также идеологические инструменты легитимации власти региональных лидеров эпохи 1990-х годов (работы А.К. Магомедова) [Магомедов, 2000; Магомедов, 2012]. Целый ряд существенных аспектов – характеристики местных элит, исторические аспекты формирования региональных властей в стране – стали предметом исследований В.П. Мохова [Мохов, 2012; Мохов, 2010; Мохов, 2008; Мохов, 2003]. На конкретном историческом материале В.П. Моховым проведен социополитический анализ динамики региональной номенклатуры России за послевоенный период. На основе статистического анализа социальных характеристик, биографий и карьерных стратегий региональных руководителей выявлены основные тенденции социальной динамики данной группы по основным социально-демографическим параметрам, образованию, а также параметрам политической социализации.

Несомненно, региональные элиты представляют собой наиболее основательно изученный сегмент российских элит. Особенностью данных исследований стала множественность использовавшихся методов: глубинные неформализованные интервью, экспертные и массовые опросы, case-studies, анализ биографий, включенное наблюдение и др.

Существенное значение для системного осмысления темы имел первый в отечественной элитологии проект по изучению политического класса. Эта тематика крайне редко встречается и в мировой науке – не случайно изданная в 2012 г. по итогам проекта монография стала первой и пока единственной в России по данной

теме [Гаман-Голутвина, 2012]. Политический класс в данной монографии определяется как сообщество лиц, профессионально работающих в сфере политики. Иначе говоря, *политический класс есть сообщество людей, живущих «для политики» и «за счет» политики* [Вебер, 1990], что существенно отличает их от политиков «по случаю» и от политиков «по совместительству». Полагаем, что структура политического класса представляет собой концентрические круги, окружающие ядро, в качестве которого выступает политическая элита. Последняя является собой многосоставное образование, включая высший эшелон исполнительной, законодательной и судебной властей; участвующих в политике влиятельных предпринимателей; немногочисленных в современном обществе представителей аристократии; экспертов высокого уровня; немногочисленных влиятельных представителей медиасферы. В качестве «спутников», располагающихся на окружающих ядро орбитах, выступают различные категории политического класса: управлеческая бюрократия среднего уровня – центральная, региональная и местная; политические эксперты; политические консультанты; политические технологии; партийные функционеры; профессиональные лоббисты; высший эшелон групп давления; политические журналисты. Доминирование той или иной категории определяется политической конфигурацией государства, историческими традициями политического развития. Знание состава политического класса информативно: он многое может дать для понимания сущности политического режима. При этом границы самого политического класса размыты, а грани между его отдельными категориями предельно подвижны. Общность политического класса и политической элиты определяется их локализацией в сфере политики; в качестве критерия их различия выступают их функции в процессе принятия решений: политическая элита является непосредственным субъектом принятия решений, тогда как в задачи политического класса входит сопровождение этого процесса.

Данное исследование сочетало изучение теоретико-методологических аспектов и рассмотрение конкретных сегментов политического класса, включая его ядро – политическую элиту. Другой особенностью данного проекта было сочетание теоретического и компаративного анализа с эмпирическими методами (социологические, статистические, компаративные).

Политико-компаративные исследования элит

В свое время Г.-В.-Ф. Гегель писал, что сущность лучше всего познается при пересечении ее пределов, т.е. углубленное знание предполагает сопоставление сущности с тем, что ею не является. Не случайно сравнительный метод в политической науке является одним из наиболее востребованных. Приведем интересный факт: на состоявшейся в 2015 г. 111-й Ежегодной конференции Американской ассоциации политической науки порядка 40 % исследований было так или иначе выполнено в рамках сравнительной политологии.

В нашей стране компаративное изучение элит представлено, к сожалению, немногими авторами, что объясняется, по-видимому, организационными и иными сложностями в проведении политико-компаративных исследований. Однако, несмотря на немногочисленность, данное направление перспективно. Объектом изучения выступали политico-административные элиты и административные реформы; элиты массмедиа; персональный состав национальных легислатур; отношения центра и регионов; политические элиты постсоветских стран и стран БРИК; модели политического лидерства.

Хронологически первым политико-компаративным исследованием стало кросстемпоральное исследование [Гаман-Голутвина, 2006]. В целом данный формат очень редок. К сожалению автора этих строк, в отечественной компаративистике оно остается, пожалуй, единственным исследованием такого рода. Реализация эвристически сложных исследовательских задач, касающихся компаративной идентификации причинно-следственных связей в формировании властных сообществ, предполагала использование целого ряда стратегий и методов, прежде всего формата кросстемпорального анализа. Масштабное исследование эволюции властных сообществ России на протяжении периода почти в 1000 лет включало построение теоретической модели анализа, позволяющей сопоставлять различные по ряду существенных признаков, но единые по структурно-функциональным характеристикам модели элитообразования; идентификацию и сравнительный анализ механизмов и каналов рекрутирования властных групп в рамках различных форм отечественной государственности (Киевская Русь, Московское государство, Российская империя, СССР, Российская Федерация).

ция) с обоснованием единиц анализа; выявление моделей рекрутинга в различных социальных контекстах; определение базовых внутренних противоречий, влияющих на трансформацию властных групп и их последующую эволюцию; сравнительное изучение персонального и качественного состава властных групп, их структуры и внутриэлитных отношений на каждом этапе эволюции; выявление причинно-следственных связей и общих закономерностей эволюции властных групп, трансформационных тенденций и перспектив дальнейшего развития.

Благодаря изысканиям Р.Ф. Туровского, осуществившего изучение системы отношений центр – регионы в контексте сравнительного анализа российского и мирового опыта, сравнительные российские региональные исследования были «вписаны» в мировую палитру изучения центр – региональных отношений [Туровский, 2006 а; Туровский, 2006 б]. Были исследованы особенности российской модели отношений центр – регионы, которые заключаются в изменчивости баланса этих отношений. Одной из ключевых институциональных предпосылок для изменчивости этого баланса стала расплывчатость положений российской Конституции 1993 г., которая отличается от всех принятых в XX в. конституций федеративных государств тем, что устанавливает только общие рамки отношений центр – регионы. Это позволяет федеральной элите периодически менять систему этих отношений [Туровский, 2006 б, с. 226–227]. Р.Ф. Туровский в ряде работ представил детальный анализ этапов эволюции отношений центр – регионы, содержания и специфики этой эволюции.

Представляют несомненный интерес сравнительные исследования Н.Ю. Лапиной, которая сопоставляет сложившиеся в России и Франции методологические подходы; сравнивает функционирование социальных лифтов в России и Франции; рассматривает особенности восприятия двумя обществами друг друга [Политические институты... 2014].

Важным импульсом компаративных исследований стало участие отечественных политологов в международных проектах. Так, 15 лет продолжался вышеупомянутый общеевропейский мегапроект «Парламентское представительство в Европе. 1848–2012 гг.», который показал, что развитие парламентаризма в России сегодня во многом определяется теми же тенденциями, что и в других странах Европы. Наряду с тенденцией к профессионализации

ции парламентской деятельности к ним относится и тенденция к воспроизведству традиционных моделей парламентского представительства (хотя сами модели существенно разнятся), действие которой в немалой степени обуславливает специфику современного российского парламентаризма. При этом, несмотря на близость российского депутатского корпуса к европейским аналогам, его формирование определяется несколько иными принципами. Если в большинстве стран Европы доминирующую роль играет партийно-политическое и отчасти территориальное представительство, то в России – функциональное.

Значимым опытом стал сравнительный анализ административных реформ в постсоциалистических странах [Административные реформы... 2008; Gaman-Golutvina, 2009]. В опубликованной по итогам проекта книге рассмотрены осуществленные в постсоциалистических странах административные реформы в широком контексте отношений власти и господства. Избранный ракурс позволил выявить причины, определившие различия результатов реформ в странах Восточной и Центральной Европы, с одной стороны, и в постсоветских государствах – с другой. Используя междисциплинарные методы и сравнительный анализ, авторы привлекли философские, социологические, политологические и экономические подходы, а также результаты первичных и вторичных эмпирических исследований (в частности, углубленные интервью с представителями управленческих структур и экспертами, опыт включенного наблюдения и т.д.). Авторы анализируют актуальные российские тенденции посредством сравнения с опытом реализации административных реформ и трансформационных преобразований на Украине, в Болгарии, Польше, Германии и США.

Данная тематика получила развитие в последующих публикациях. В частности, критическое освещение получила система государственного управления РФ в качестве инструмента антикризисной политики [Элиты и общество, 2011]. Важным фактором успеха подобных публикаций явилась кооперация отечественных исследователей с зарубежными коллегами. Так, в упомянутую монографию были включены тексты ведущих в международном масштабе ученых Дж. Хигли (США), Х. Беста, У. Хоффман-Ланге (Германия), М. Котты (Италия), Н. Хайоза (Швейцария).

Еще более представительным стал состав международного коллектива авторов издания на русском и английском языках «По-

литические элиты в старых и новых демократиях» [Политические элиты... 2012]. Среди авторов – профессора Н. Хайоз (Швейцария); Дж. Хигли (США), председатель исследовательского комитета «Политические элиты» Международной ассоциации политических наук; Ursula Hoffmann-Lange (Германия); Андраш Бозоки (Венгрия); Хайнрих Бест (Германия); Михаэль Эдингер (Германия); Яцек Василевски (Польша); политолог Дж. Кьеза (Италия), Ирмина Матоните (Литва); Владас Гайдис (Литва); Рейн Мюллерсон (Эстония) и др. Рассматриваются не только структурно-функциональные изменения, через которые элиты как конечные драйверы социальных изменений проходят в условиях трансформации общества, но также и те вызовы, с которыми сталкиваются властные группы.

Другой международный проект был посвящен сравнительному изучению политического лидерства в различных культурных средах [Gaman-Golutvina, 2009].

Опыт компаративного изучения стран, объединенных географической близостью, общностью политических систем или политических культур является традиционным форматом исследования. В качестве прецедента таких исследований с участием отечественных специалистов можно привести реализованный под эгидой университета Фрибур (Швейцария) проект по сравнительному изучению конфигурации и роли массмедиа в постсоциалистических странах, результаты которого были изложены в обобщающей монографии, признанной лучшей публикацией российского политолога за рубежом [Media, freedom... 2009]. Этот проект также позволил избавиться от ряда не соответствующих реальности мифов. Так, оказалось, что в год проведения исследования темпы распространения Интернета были наивысшими в странах, которые, как правило, не относят к категории демократических, – в Беларуси и Китае.

В другом исследовании подобного формата объектом исследования стали элиты стран СНГ; была представлена типология их властных групп [Gaman-Golutvina, 2008; Gaman-Golutvina, 2007]. Еще одним перспективным объектом исследования представили управленческие группы стран БРИКС [Гаман-Голутвина, 2015].

Опыт компаративного изучения элит и лидерства был обобщен в недавно изданном учебнике [Гаман-Голутвина, 2015].

Внутриэлитные отношения: Терраиум единомышленников?

Изучение внутриэлитных отношений затронуло такие сюжеты, как взаимодействие элит и групп интересов; отношения между политическими и бизнес-элитами; технологии межэлитных коммуникаций.

Центральным сюжетом в изучении различных фракций российских элит стало взаимодействие основных игроков – политических и бизнес-элит, поскольку именно эти два актора оказались основными бенефициарами происшедшей на протяжении последних 15 лет политico-экономической трансформации. Тема получила основательную разработку в публикациях И.М. Бунина, А.Ю. Зудина, Н.Ю. Лапиной, С.П. Перегудова, И.С. Семененко и др. [Бизнес... 2006; Бунин, 2003; Перегудов, Лапина, Семененко, 1999; Перегудов, 2003 ; Перегудов, 2006]. В целом исследователи вполне солидарно оценивали перипетии отношений государство – бизнес, будучи солидарны в признании характера эволюции отношений как перехода от модели «приватизации» государства, сложившейся в 1990-е годы, к формуле «государственного корпоративизма», подразумевающей возможности власти не выбирать преференциальных партнеров для диалога, но также контролировать в определенной степени артикуляцию их требований [Перегудов, с. 29]. Упомянутые эксперты также вполне единодушны в признании высоких издержек этой модели и, соответственно, весьма негативно оценивают ее возможные последствия. Анализ различных фракций внутри отечественного бизнес-сообщества показывает расхождение ориентаций различных его сегментов. Так, С.П. Перегудов выделяет две основных группировки корпоративного капитала, условно определяемых как неолиберальная (представляющая преимущественно корпорации сырьевого сектора) и неоэтатистская (значительная часть бывшего ВПК, машиностроения, ряда других отраслей обрабатывающей промышленности), которые, в свою очередь, неоднородны и включают приверженцев умеренных и радикальных модификаций каждой из экономических идеологий.

Эксперты констатируют, что взаимодействие бизнеса и бюрократии происходит в основном по линии распределения и перераспределения собственности [Перегудов, 2007], а переход от одной фазы перераспределения собственности к другой ведет к

изменению не только характера взаимодействия «игроков», но и их состава. Любопытно, что оценка экспертами данного процесса заставляет вспомнить позицию американских элитистов второй половины XX в., которые, в противовес плюралистам, настаивали на характеристике современной власти как единого конгломерата, объединяющего представителей бизнеса и политического истеблишмента. Сегодня С.П. Перегудов пишет: «Большой бизнес и госуправленческие кадры сплачиваются, а где-то и сливаются воедино, образуя тот самый «правящий класс», который вершил делами страны как бы от имени всего общества», тогда как общество обнаруживает себя отстраненным от каких бы то ни было управлеченческих функций. Даже организации гражданского общества, формально вовлеченные в систему государственных учреждений, реального участия в политическом управлении не принимают [Перегудов, 2008].

Вышесказанное дает основания экспертам квалифицировать преобладающие ныне тенденции как государственный корпоративизм, суть которого – во встраивании крупного бизнеса (не только государственного, но и частного) в вертикаль власти. Впрочем, эксперты неоднозначно характеризуют государственный корпоративизм и как концепцию, и как общественно-политическую практику, поскольку он оказывает в некоторых случаях весьма позитивное воздействие на национальное развитие. В частности, позитивный эффект данного феномена наблюдался в 70-е годы прошлого века в Южной Корее, где и государство, и крупный бизнес были нацелены на поступательный качественный рост экономики и превращение страны в современное, промышленно развитое государство. Наиболее существенные изъяны данной системы эксперты усматривают в ее неустойчивости вследствие слабости ее институциональных оснований.

В ряде публикаций получили освещение относительно новые тенденции в эволюции отношений бизнеса, власти и общества. В том числе это формирование новых стратегий бизнеса во взаимодействии с обществом и властью в целях повышения собственной репутации как ответственного «корпоративного гражданина» [Перегудов, Семененко, 2006].

Особенностью аналитического подхода А.Ю. Зудина является совмещение институциональных характеристик российских элит и параметров постсоветских политических режимов. А.Ю. Зудину

принадлежит получившая широкое распространение характеристика трансформации политического режима России в начале 2000-х годов как перехода от поликентрического режима к монополистическому. В последних работах А.Ю. Зудин, опираясь на разработанную Дж. Хигли типологию элит, представил анализ эволюции федеральной политической и бизнес-элит [Зудин, 2008]. Сильной стороной исследований А.Ю. Зудина следует считать также использование сценарного подхода [Зудин, 2007].

Важным сюжетом в исследовании внутриэлитных отношений стало изучение оснований внутриэлитной консолидации. Исследования показали, что несмотря на разнообразие данных оснований наиболее значимым принципом выступают клановые отношения, что определило повышенный интерес к изучению клановых образований на федеральном и региональном уровне. Оживленная дискуссия в литературе показала, что несмотря на относительную слабость собственно родственных и семейных отношений в рамках российских элитных кланов (составляющих существование клановых отношений) именно концепт клана является наиболее адекватным для характеристики российских элитных групп. Произошедшие на протяжении последнего десятилетия в структуре российской элиты изменения определяются переходом от системы «разделения кланов» (ставшей суррогатом разделения властей) к модели вертикали власти и встроенности разнообразных кланов в систему вертикали власти.

Изучение технологий внутриэлитных отношений в России показало, что наиболее устойчивой формой этих отношений были конфликты, разделявшие даже идеологических единомышленников и обретавшие порой более значительный масштаб, чем даже конфликты по линии элиты-массы. Не случайно метафора одной из знаковых публикаций 1990-х годов о российской элите – «терраrium единомышленников» – не только почти мгновенной стала общепринятой, но широко используется и сегодня [Гаман-Голутвина, 2009].

Баланс достижений и проблем

Несомненно, в целом баланс достижений отечественной элитологии и ее проблем склоняется в пользу первых, причем с ощутимым перевесом. Можно констатировать формирование оте-

чественной школы элитологии, обретшей к настоящему времени статус самостоятельного направления. Совокупность значительного числа работ представляет довольно подробный портрет высшего эшелона российского общества. При этом, несмотря на существенное разнообразие используемых методологических подходов и методов, на наш взгляд, можно говорить о консенсусе исследователей по ключевым вопросам (понятийный аппарат и др.).

Среди позитивных результатов следует отметить также вовлеченность отдельных отечественных элитологов в международные исследовательские сети и проекты и их сотрудничество с рядом ведущих мировых центров по изучению элит в США, Италии, Германии, Норвегии, Франции.

Однако, отдавая дань позитивным результатам развития отечественной элитологии, нельзя не отметить и определенные трудности этого процесса. Это, прежде всего, доминирование описательности во многих работах, слабое знание современных зарубежных разработок, недостаток эффективных эвристических моделей интерпретации процессов элитогенеза. Можно отметить также наблюдающееся порой рассогласование теоретических и эмпирических подходов: далеко не всегда предложенные теоретические конструкции выдерживают эмпирическую проверку, а собранные эмпирические данные не всегда получают адекватную концептуальную интерпретацию. Последнее нередко характеризует социологические исследования, результаты которых порой походят на статистические отчеты, интерпретированные в публицистическом духе или обходящиеся вовсе без внятных интерпретаций. Не случайно множественность откровенных заимствований касается именно методологических схем интерпретации процессов элитогенеза.

На наш взгляд, отмеченные сложности во многом обусловлены трудностями роста – научные революции не случаются ежегодно, они предстают результатом многолетнего кропотливого труда. Экстенсивное развитие и использование существующего эвристического потенциала – необходимый и естественный этап, за ним следует генерирование новых идей, концепций и, надеемся, теорий, вне которых полноценное и эвристически эффективное осмысление сложных политических процессов проблематично.

Перспективными направлениями дальнейших исследований элит представляются следующие: разработка новых методологиче-

ских подходов и исследовательских стратегий, позволяющих изучать современные элиты как сложносоставные и высокодинамичные образования; построение инновационных моделей теоретического и эмпирического анализа властных групп; сравнительное изучение механизмов и каналов рекрутирования.

Список литературы

- Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. – М.; Воронеж: Изд-во ИПК, 1996. – 223 с.
- Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. – 2-е изд., доп. – М.: Московский общественный научный фонд, 2000. – 318 с.
- Ашин Г.К. Введение // Элитологические исследования: Ежегодник – 2005: Сборник статей. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2006. – С. 3–9.
- Ашин Г.К. Современные теории элиты: Критический очерк. – М.: Международные отношения, 1985. – 256 с.
- Ашин Г.К. Элитология: Учебное пособие. – М.: МГИМО-Университет 2005. – 544 с.
- Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Пер. со шведского языка. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
- Бизнес, несмотря ни на что. 40 историй успеха / Отв. ред. Бунин И.М. – М.: ЦПТ, 2006. – 448 с.
- Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. – М.: Мысль, 1985. – 384 с.
- Бусыгина И.М. Политическая регионастика. – М.: РОССПЭН, 2006. – 208 с.
- Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–706.
- Властные структуры и группы доминирования: Материалы 10-го Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Интерсоцис, 2012. – 520 с.
- Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – 466 с.
- Гаман-Голутвина О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Полис: Политические исследования. – М., 2007. – № 4. – С. 24–45.
- Гаман-Голутвина О.В. Метафизика элитных трансформаций в России // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 4. – С. 23–40.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, 2006 а. – 448 с.
- Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Полис: Политические исследования – М., 2004. – № 2. – С. 6–19; № 3. – С. 22–32.

- Гаман-Голутвина О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (I, II) // Полис: Политические исследования. – 2006 б. – № 2. – С. 27–39; № 3. – С. 67–74.
- Гаман-Голутвина О.В. Терраиум единомышленников // Независимая газета. – 02.06.1999.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты: эволюция теоретических концепций. – М.: РАГС, 1996. – 416 с.
- Гаман-Голутвина О.В. Система государственного управления РФ как инструмент антикризисной политики: оценка эффективности // Элиты и общество в сравнительной перспективе. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 224–255.
- Гаман-Голутвина О.В. Элитообразование и внутриэлитные расколы относительно характера, направлений и скорости модернизации // Модернизация и демократизация в странах БРИКС: сравнительный анализ. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 93–120.
- Политические элиты в старых и новых демократиях / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. – 495 с.
- Сравнительная политология: Учебник / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Аспект-пресс. – М., 2015. – 752 с.
- Элиты и общество в сравнительном измерении / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина. – М.: РОССПЭН, 2011. – 430 с.
- Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология / Пер. с англ. – М.: Соц.-полит. журн., 1994. – 272 с.
- Дука А.В., Быстрова А.С. Коррупция в институционализации российской элиты // Финансы и бизнес. – М., 2006. – № 1. – С. 57–67.
- Дука А.В. Элита третьего пути: вызовы и ответы российской элиты // Властьные элиты современной России в процессах политической трансформации / Отв. ред. В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. – Ростов н/Д.: СКАГС, 2004. – 520 с.
- Дука А. Исследование элит: поиск теоретических оснований // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – С. 399–436.
- Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных элитах // Властьные структуры и группы доминирования: Материалы 10-го Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Интерсоцис, 2012. – С. 94–120.
- Дука А.В. Эволюция константы: российские элиты в историческом контексте // Полис: Политические исследования. – М., 2008. – № 6. – С. 180–185.
- Зудин А.Ю. Режим В. Путина: контуры новой политической системы // Общественные науки и современность. – М., 2003. – № 2. – С. 67–83.
- Зудин А.Ю. «Советское наследство» и особенности первичной дифференциации // Россия: вчера, сегодня, завтра. С точки зрения экспертов. – М.: ЦПТ, 2008. – С. 35–52.
- Зудин А.Ю. После Октября // НГ-сценарии. – М., 2007. – 23 декабря. – С. 3.
- Институционализация российской политико-административной элиты... элиты в Санкт-Петербурге // Полития. – М., 2003. – № 2. – С. 126–149.

- Костюков А.* Власть цвета хаки: Интервью с О. Крыштановской // Независимая газета. – М., 2003. – 19 авг. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2003-08-19/1_politelite.html (Дата посещения: 11.02.2016.)
- Кочетков А.П.* Власть и элиты в глобальном информационном обществе // Полис: Политические исследования. – М., 2011. – № 5. – С. 8–20.
- Кочетков А.П.* Нетократизм // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 4. – С. 111–121.
- Кочетков А.П.* Корпоративные элиты. – М.: РОССПЭН, 2012. – 220 с.
- Кочетков А.П.* Демократия и элиты. – М.: ПрофЭко, 2009. – 176 с.
- Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – С. 280–283.
- Крыштановская О.* Кадры: Люди Путина // Российская газета. – М., 2003. – 30 июля – С. 3.
- Крыштановская О.* Интервью на радиостанции «Эхо Москвы» // Эхо Москвы. – М., 2003. – 3 июля. – Режим доступа: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/22667.html> (Дата посещения: 11.02.2016.)
- Крыштановская О.* Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. – М., 2002. – Т. 7, N 4. – Режим доступа: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/2002/4/ProEtContra_2002_4_09.pdf (Дата посещения: 11.02.2016.)
- Кузнецова Е.С.* Путинская элита: модель «милитократии» Ольги Крыштановской // Политанализ.ру. – М., 2004. – 26 июля. – Режим доступа: http://www.politanaliz.ru/articles_354.html (Дата посещения: 11.02.2016.)
- Лапина Н.Ю.* Региональные элиты России / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. – М., 1997. – 63 с.
- Лапина Н.Ю.* Региональные элиты России: кто правит на местах // Россия и современный мир. – М., 1998. – № 1. – С. 98–120.
- Лапина Н.Ю.* Бизнес и политика в современной России / РАН. ИНИОН. – М., 1998. – 119 с.
- Лапина Н.Ю., Чиркова А.Е.* Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор / РАН. ИНИОН. – М., 2000. – 198 с.
- Политические институты России и Франции: традиции и современность: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН; Отв. ред.: Д.В. Ефременко, Н.Ю. Лапина. – М., 2014. – 256 с.
- Ледяев В.Г.* Власть, авторитет и господство в России: основные характеристики и формы // Административная реформа в контексте властных отношений: сравнительная перспектива / Под ред. А.Н. Олейника, О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 58–96.
- Ледяев В.Г.* Власть. – М.: РОССПЭН, 2001. – 384 с.
- Ледяев В.Г.* Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – М., 2010. – № 2. – С. 23–51.
- Ледяев В.Г.* Социология власти: Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. – 472 с.
- Ледяев В.Г., Чиркова А.Е.* Власть в малых российских городах: модели взаимодействия исполнительной и представительной власти // Мир России. – М., 2015. – № 3. – С. 6–32.

- Ледяев В.Г., Чиркова А.Е., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис: Политические исследования. – М., 2014 а. – № 2. – С. 88–105.
- Ледяев В.Г., Чиркова А.Е., Сельцер Д.Г. Локальные элиты в малых российских городах: формальные и неформальные ресурсы власти // Pro nunc. Современные политические процессы. – М., 2014 б. – Т. 13, № 1. – С. 12–162.
- Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии: Модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). – М.: МОНФ, 2000. – 224 с.
- Магомедов А.К. Элита и идеология. Как правящие элиты создают смыслы и систему идеологических координат // Властные структуры и группы доминирования / Под ред. А.В. Дуки. – СПб., 2012. – С. 190–211.
- Мохов В.П. Региональная политическая элита России, (1945–1991). – Пермь: ПермКИ, 2003. – 240 с.
- Мохов В.П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса // Власть и элиты / А.В. Дука (ред.). – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – С. 4–18.
- Мохов В.П. Введение в элитологию российского общества. – Пермь: ПНИПУ, 2007. – 231 с.
- Мохов В.П. Местная политическая элита в России: понятие, структура, численность // PolitBook. – М., 2012. – № 4. – С. 19–33.
- Мохов В.П. Региональные и местные элиты: трансформация статуса в период политических реформ 2000-х годов // Политика и общество. – М., 2010. – № 8 (74). – С. 32–37.
- Мохов В.П. Элитная консолидация: Государство и региональные элиты в России от Ельцина до Путина (По материалам дискуссии) // Два президентских срока В.В. Путина: Динамика перемен: Сб. науч. тр. // РАН. ИИОН – М., 2008. – С. 219–240.
- Образы российской власти. От Ельцина до Путина / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: РОССПЭН, 2008. – 416 с.
- Перегудов С.П. Бизнес и власть в России: к новой модели отношений // Властные элиты современной России. – Режим доступа: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_40_aId_297056.html (Дата посещения: 05.02.2016.)
- Перегудов С.П. Крупная корпорация как субъект публичной политики. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 168 с.
- Перегудов С.П. Конвергенция по-российски: «золотая середина» или остановка на попутки? // Полис: Политические исследования. – М., 2008. – № 1. – С. 91–108.
- Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. – М.: Наука, 2003. – 352 с.
- Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. Группы интересов и российское государство. – М.: УРСС, 1999. – 352 с.
- Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство как новая форма отношений бизнеса, общества и власти / РАН. ИМЭМО. – М., 2006. – 194 с.
- Перегудов С.П. Политическая система России в мировом контексте. Институты и механизмы взаимодействия. – М.: РОССПЭН, 2011. – 431 с.

- Перегудов С.П. Трипартистские институты на Западе и в России: проблемы обновления // Полис: Политические исследования. – М., 2007. – № 3. – С. 78–91.
- Перспективы развития политической психологии: новые направления / Под общ. ред. Е.Б. Шестопал. – М., 2014. – 488 с.
- Пляйс Я.А., Гаман-Голутвина О.В. Парламентаризм в России и Германии. – М.: РОССПЭН, 2006. – 584 с.
- Политический класс в современном обществе / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Российская ассоциация политический науки: Российская политическая энциклопедия, 2012. – 320 с.
- Проблемы институционализации российской политico-административной элиты: экономический и глобальный аспекты // Власть и элиты в современной России: Сб. науч. статей / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Социологическое об-во им. М.М. Ковалевского, 2003. – С. 162–186.
- Психология политического восприятия в современной России / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: РОССПЭН, 2012. – 423 с.
- Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – 352 с.
- Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформации в российской эли-те // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 5. – С. 149–157.
- Российская региональная элита в трансформирующемся обществе // Transition – Erosion – Reaktion: zehn Jahre Transformation in Osteuropa / Dittmar Schorkowitz (Hrsg.) – Frankfurt am Main; Berlin etc.: Lang, 2002. – S. 10–37.
- Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А.В. Дука. – СПб.: Интерсо-цис, 2011. – 326 с.
- Россия регионов: трансформация политических режимов / Общ. ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. – М.: Весь мир, 2000. – 375 с.
- Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты россий-ских регионов / Отв. ред. Гаман-Голутвина О.В. – М.: ИСАНТ, 2004. – 218 с.
- Сельцер Д.Г. Взлеты и падения номенклатуры. – Тамбов: ОГУП Тамбовполи-графиздат, 2006. – 592 с.
- Смирнов В.А. Политические элиты в трансформирующихся обществах // Полити-ческий класс в современном обществе / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Российская ассоциация политический науки: Российская политическая энци-лопедия, 2012. – С. 78–112.
- Смирнов В.А. Формирование политической элиты Литвы на рубеже 1980–1990-х гг.: роль «политиков морали» // Балтийский регион. – СПб., 2011. – № 4 (10). – С. 18–31.
- Соловьев А.И. Сетевая этика правящего класса в системе государственного управления // Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. – СПб.: Интер социс, 2014. – Т. 1. – С. 41–55.
- Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. – Ростов-на/Д.: СКАГС, 2003. – 365 с.

- Шерковин Ю.А., Столбун Е.Б. Ленинское наследие и психология политики // Вопросы психологии. – М., 1980. – № 5. – С. 5–14.
- Тощенко Ж.Т. Как же назвать тех, кто правит нами? // Независимая газета. – 1998. – 31.12. – С. 4–5.
- Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: Учебное пособие. – М.: ГУ ВШЭ, 2006 (а). – 792 с.
- Туровский Р.Ф. Центр и регионы. Проблемы политических отношений. – М.: ГУ ВШЭ, 2006 б. – 400 с.
- Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / Под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 342 с.
- Чирикова А.Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности / РАН. Институт социологии. – М., 1997. – 201 с.
- Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 2. – С. 88–105.
- Чирикова А.Е. Региональные элиты. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 271 с.
- Чирикова А.Е. Существует ли в современной России элита? // Полис: Политические исследования. – М., 2008. – № 6. – С. 99–112.
- Шестопал Е.Б. Введение в рубрику. Человеческое измерение политики // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 6. – С. 6–8.
- Шестопал Е.Б. Личность и политика. Критический очерк современных западных концепций политической социализации. – М.: Мысль, 1988. – 294 с.
- Шестопал Е.Б. Политическая психология. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 427 с.
- Элиты и будущее России: взгляд из регионов. Выпуск первый: Сб. материалов международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.Г. Игнатов. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2007. – 422 с.
- Burton V., Higley J. Invitation to elite theory. The basic contentions reconsidered // Power elites and organization / W.G. Domhoff, Th. Dye (eds). – Beverly Hills: Sage, P.U.F., 1987. – P. 219–238.
- Cameron R., Turowsky R.F. Centralized but fragmented: the regional dimension of «Russia's party of power» // Demokratizatsiya. – Washington, DC, 2015. – Vol. 23, N 2. – P. 205–223.
- Democratic representation in Europe. Diversity, change, and convergence / H. Best, M. Cotta (eds.). – Oxford: Oxford univ. press, 2007. – 552 p.
- Elite configurations at the apex of power / Ed. by M. Dogan. – Brill; Leiden; Boston, 2003. – 388 p.
- Elites, crises and the origins of regimes / M. Dogan, J. Higley (eds.). – Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publisher, 1998. – 266 p.
- Field G.L, Higley J. Elitism. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1980. – 280 p.
- Gaman-Golutvina O. Yeltsin and Putin elites compared // Soziologische Zeitgeschichte. – Berlin, 2007 а. – P. 298–299.

- Gaman-Golutvina O.* Administrative reform in Russia: preliminary results // changing power relations without changing power model / Ed. by A. Oleinik. – N.Y.: Routledge, 2009. – P. 38–54.
- Gaman-Golutvina O.* Parliamentary representation and MPs in Russia: historical retrospective and comparative perspective // Parliamentary elites in Central and Eastern Europe / Ed. by E. Semenova, M. Edinger, H. Best. – L.: Routledge, 2014. – P. 241–260.
- Gaman-Golutvina O.* Political Elites in the Post-Socialist countries // Elites: New Comparative Perspectives / Ed. by M. Sasaki. – Leiden; Boston: BRILL, 2008 a. – P. 123–142.
- Gaman-Golutvina O.* Political elites of the commonwealth of independent states // Comparative Sociology. – Amsterdam, 2007 b. – N 6. – P. 136–157.
- Gaman-Golutvina O.* Political leadership and political elites in Russia // Political leadership: New comparative perspective. – Ashgate, 2008 b. – P. 269–287.
- Kryshchanovskaya O., White S.* Putin's militarocracy // Post-Soviet affairs. – Washington, DC, 2003. – Vol. 19, N. 4. – P. 289–306.
- Media, freedom and democracy / M. Dyczok, O. Gaman-Golutvina (eds.). – Bern; Berlin; Brussels; Frankfurt am Main; N.Y.; Oxford; Wien: Peter Lang, 2009. – 318 p.
- Parliamentary representatives in Europe 1848–2000 / H. Best, M. Cotta (eds.). – Oxford: Oxford univ. press, 2000. – 568 p.
- Rivera S.W., Rivera D.W.* The Russian elite under Putin: Militocratic or bourgeois? // Post-Soviet affairs. – Washington, DC, 2006. – Vol. 22, N 2. – P. 125–145.
- Turovsky R.F.* The systemic opposition in authoritarian regimes: A case study of Russia's regions // Civil society awakens? The systemic and non-systemic opposition in the Russian Federation: National and regional dimensions / Ed. by C. Ross. – L.: Ashgate, 2015. – P. 121–138.

Л.Н. ТИМОФЕЕВА*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАТИВИСТИКА: МИРОВАЯ И РОССИЙСКАЯ ПРОЕКЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается институционализация политической коммуникативистики. Показан многосоставный характер предметного поля политической коммуникативистики. Выделена специфика коммуникативного метода исследования и коммуникативной методологии познания социальных и политических институтов и процессов. В статье обсуждается проблема медиатизации политики, концепт делиберативной демократии и многие другие коммуникативные аспекты политического процесса.

Ключевые слова: политическая коммуникативистика; теория политической коммуникации; институционализация; национальные школы политической коммуникативистики.

L.N. Timofeeva

Political communication studies: World and Russian perspectives

Abstract. The article examines the history and the stages of institutionalization of political communication studies. It demonstrated a synthetic character of this subject field. The article points out species of the communicative method of the research and of the communicative methodology of studing social and political institutes and processes. Problems of the

* Тимофеева Лидия Николаевна, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, вице-президент, председатель Правления РАНПН, e-mail: timofeeva-lidiya@inbox.ru

Timofeeva Lidiya, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (Moscow, Russia), Russian Political Science Association (Moscow, Russia), e-mail: timofeeva-lidiya@inbox.ru

mediatization of policy, the conception of deliberative democracy, as well as many other aspects of the political process are discussed.

Keywords: political communication studies; theory of political communication; institutionalization; national schools of a political kommunikativistika.

Политическая коммуникативистика в мировой науке

Политическая коммуникативистика является одним из новых направлений коммуникативистики (коммуникологии) – отрасли знаний, которая институционализировалась в середине XX в.¹

Политическая коммуникативистика – наука, призванная изучать «природу и строение информационно-политической сферы общественной жизни, характерные для нее механизмы и тенденции развития публичных и непубличных контактов, формы эволюции общения правящих кругов и гражданского общества» [Соловьев, 2004, с. 5]. В соответствии со стоящими перед ней задачами она агрегирует знания в области политологии, политической философии, политической социологии, политэкономии, медиаполитологии, политической психологии и других смежных дисциплин и изучает коммуникацию в проекции политических отношений.

Слово *communication* (от лат. *communicare* – делать общим, связывать) существует в английском языке с XV в. для обозначения общего процесса сообщения, передачи. В XVII в. его содержание расширяется, включая в себя физические способы сообщения (транспортировки) – линии коммуникации (дороги, каналы, позже – железные дороги). В научный оборот понятие «коммуникация»

¹ Еще в конце 30-х годов XX в. открылись первые курсы по коммуникациям в ун-тах США и Западной Европы. Сегодня там существуют специализации и присваиваются степени MA, MS, Ph. D. по специальностям «communications», «communications management», «communications studies», «mass communications» и т.д. Издается более двух десятков научных журналов, посвященных коммуникации, таких как, например, «Communication Research», «Journal on Communication Inquiry», «Communication Abstracts», «Management Communication Quarterly», «Written Communication», «Human Communication Research» и др. Созданы профессиональные ассоциации: Международная коммуникативная ассоциация; Европейский коммуникативный конгресс (European Communication Congress). По последним данным в Международной коммуникативной ассоциации состоят более 4000 исследователей из 76 стран.

ввел американский социолог, виднейший представитель Чикагской социологической школы США, один из основоположников символического интеракционизма и теории малых (первичных) групп Ч.Х. Кули. В статье «The Significance of Communication» (1909) он назвал коммуникацию средством актуализации «органически целого мира человеческой мысли» [Cooley, 1953]. Кули писал: «Под коммуникацией понимается механизм, посредством которого становится возможным существование и развитие человеческих отношений, – все символы разума вместе со способами их передачи в пространстве и сохранения во времени. Она включает в себя мимику, общение, жесты, тон голоса, слова, письменность, печать, железные дороги, телеграф, телефон и самые последние достижения по завоеванию пространства и времени¹. Четкой границы между средствами коммуникации и внешним миром не существует. Однако вместе с рождением внешнего мира появляется система стандартных символов, предназначенная только для передачи мыслей, с нее начинается традиционное развитие коммуникации» [Кули, 1994, с. 379].

Теория коммуникации складывалась как междисциплинарное направление. Более 20 дисциплин, от математики до этики, исследуют коммуникацию. Неслучайно, по утверждению американского ученого Дж. Андерсона, при анализе содержания только семи учебников по теории коммуникации он насчитал 249 различных концепций [Крейг, 2003, с. 73]. По данным Ф. Данса и К. Ларсона, только в работах американских исследователей можно найти 126 определений коммуникации [Крейг, 2003, с. 116].

Становление коммуникативистики как науки требует единой общей теории коммуникации. Нуждается в этом и политическая коммуникативистика. Р. Крейгу², профессору университета Коло-

¹ Позже, с развитием новых способов передачи социальной информации – радиовещания (20-е годы) и телевидения (40-е годы), – эти два понятия объединяются для обозначения прессы и вещания, и это новое расширенное понятие и фиксирует, собственно, появление современных mass-media, с их все возрастающей ролью в обществе. Ныне под массмедиа (mass-media) понимают средства массовой информации (СМИ), а массовую коммуникацию рассматривают как процесс передачи информации группе людей с помощью специальных средств – СМИ. При этом появилось новое научное направление – медиаполитология.

² Robert T. Craig / Univ. of Colorado Boulder. – Mode of access: https://sites.google.com/a/colorado.edu/robert_craig/ (Дата посещения: 12.01.2016.)

rado, США, первому редактору-основателю журнала «Теория коммуникации», президенту Международной коммуникативной ассоциации (International Communication Association, ICA) принадлежит идея конструирования единой общей теории коммуникации, имеющей статус особой области знания [Крейг, 2003]. Он предложил диалогически-диалектическую дисциплинарную матрицу, которая напоминает «интерактивный гипертекст, позволяющий рассматривать предмет в мириадах направлений с помощью гиперссылок внутри и на пересечении различных уровней с переходом к смешанным традициям и альтернативным систематизациям, родственным дисциплинам и мультимедийным записям коммуникативных практик, связывающих теорию с практическим метадискурсом» [Василькова, 2004, с. 86].

Однако нас интересует *теория политической коммуникации*. В связи с этим заслуживает особого внимания предложение американского специалиста Р. Мидоу. Он выделил шесть фундаментальных подходов, которые позволяют изучать теорию политических коммуникаций с точки зрения потребностей государства и общества [Шейгал, 2004, с. 8–9]: 1) *системный подход* восходит к кибернетике: коммуникация рассматривается в терминах интеракции между элементами системы и связывается с понятием социального контроля; 2) *лингвистический подход*, как и системный, также концентрируется вокруг понятия социального контроля, но уже не с помощью действия, а с помощью особого инструмента – языка; язык рассматривается как средство социального контроля и ограничения доступа к политическим институтам и политическим процессам; сторонники такого подхода утверждают, что социальные акторы, правомочные принимать решения, а также представители политической элиты осуществляют свою деятельность при помощи специфического языка, поэтому власти прислушиваются к их мнениям и требованиям; граждане, не входящие в элиту, не имеют доступа к принятию решений в силу своей ограниченной возможности выражать политические мнения и требования; 3) *символический подход* определяет политику, так же как и коммуникацию, в терминах обмена символами: лидерство осуществляется преимущественно через манипуляцию символами и распределение символических наград; это направление анализирует процесс создания и распространения символов; 4) *функциональный подход* переносит центр тяжести с проблемы социального контроля

на значение коммуникации для политической системы (особенно в сфере массмедиа); помимо поддержания функции социальной стабильности коммуникация выполняет функции социализации (социальной адаптации к нормам политической системы); 5) *организационный подход* представляет правительство как крупную бюрократическую организацию, имеющую те же проблемы и ограничения, что и любая другая организация; анализ концентрируется на внутриправительственных информационных потоках и акцентирует внимание на факторах, ограничивающих этот поток и дифференцирующих доступ к информации; 6) подход, который Р. Мидоу условно называет *экологическим*, исследует политическую коммуникацию с точки зрения влияния на нее политической системы; политическая система создает среду, в которой формируются институты коммуникации и регулируются процессы коммуникации в обществе в целом (одним из проявлений такого регулирования является осуществление государством определенной языковой политики по отношению к меньшинствам) [Meadow, 1980, р. 24].

По сути дела, в основание теории политических коммуникаций положены как *дескриптивно-эмпирические, так и нормативные и предписывающие подходы*, позволяющие понять, что есть *политические коммуникации в политической системе, каковы их функции и предназначение, как они могут использоваться в различных целях правительством, обществом, институтами*.

Многосоставный характер предметного поля коммуникативистики, всепроникающее существование коммуникации заставили ученых сделать вывод и о *появлении коммуникативного метода исследования и даже особой коммуникативной методологии познания социальных и политических институтов и процессов*, которая позволяет полнее анализировать их существование, например феномен политической власти. Коммуникативная методология включает в себя совокупность таких методов, как концепт-анализ, дикурс-анализ, коммуникативно-сетевой анализ и т.д. На основе коммуникативного метода обсуждаются также и проблема медиатизации политики, концепт делиберативной демократии и многое другое в политическом процессе.

Исследования политических коммуникаций за рубежом начались в начале прошлого года, однако *институционализация политической коммуникативистики еще продолжается*. Выделяются пять этапов становления зарубежной коммуникативистики [Лебе-

дев, 2012, с. 52–59]. Для первого этапа, 1900–1950 гг., характерно активное конструирование социологии коммуникации, где ведущую роль занимали исследования общественного мнения, СМИ, политической пропаганды; на втором этапе, 1950–1970 гг., начинается изучение политических аттитюдов и их изменений под воздействием коммуникации, происходит дисперсия коммуникативных исследований по разным направлениям и методологическим течениям; основной чертой третьего этапа, 1970–1985 гг., является противостояние позитивизма и критического направления коммуникативных исследований, в которых все чаще используется коммуникативный подход к рассмотрению социальных и политических процессов; на четвертом этапе, 1985–2000 гг., в рамках критического направления начинают изучаться вопросы властного воздействия и противостояния ему посредством коммуникации. Для пятого этапа, с 2000 г. по н.в., характерен эпистемологический и методологический плюрализм исследований коммуникаций, в частности смещение фокуса научного интереса в сторону Интернета и виртуальной реальности, где весомое положение начинают занимать исследования электронной демократии, электронного правительства, интернет-плебисцита, социальных сетей.

На становление политической коммуникативистики особое влияние оказали мировые войны, включая холодную и современные «гибридные» войны, а также выборы, в процессе которых осуществляется массированное коммуникативное воздействие на избирателей. Предыстория политической коммуникативистики начинается с Первой мировой войны, когда возник спрос на исследования политической пропаганды [Lasswell, 1927], которая оказалась более сокрушительным оружием, чем пушки. Далее внимание к политической коммуникативистике возрастало по мере усиления интереса к когнитивному конструированию социальной и политической реальности «в пользу» политических элит, бизнеса, различных групп влияния [Lazarsfeld, 1968; The people's choice... 1969].

Сам термин «политическая коммуникативистика», равно как и теоретические работы по политическим коммуникациям возникли после Второй мировой войны, в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Это был период конституирования политической коммуникативистики. Выделение исследований политической коммуникации в самостоятельное научное направление было вызвано рядом причин: послевоенной волной демократизации; началом холодной

войны; появлением и развитием кибернетической теории, новых коммуникационных технологий и систем.

Существует много определений политических коммуникаций. *Под политическими коммуникациями мы понимаем процесс обмена политическими смыслами в форме знаков, символов, актов и т.д., позволяющих отражать, воспроизводить или конструировать политическую реальность в соответствии с ведущими идеями своего времени и потребностями субъектов политики.*

Считается, что в основу теории политической коммуникативистики легли идеи бихевиоризма (Г. Лассуэлл, У. Липпман); кибернетики (К. Дойч) и структурно-функционального анализа (Г. Алмонд, Дж. Коулман).

Однако есть и другая точка зрения, доказывающая, что становление политической коммуникативистики в отдельных странах обусловлено не только особенностями политической системы и национальной культуры, но и сложившимися предпочтениями в определении методологического инструментария коммуникативных исследований. По мнению немецкого научоведа Г. Лайтко, первым шагом в изучении становления той или иной отрасли знания является установление «прадорителей» [Laitko, 1999] исследуемой дисциплины – т.е. других наук или дисциплин, из которых она вышла. И в США, и в Европе коммуникативные исследования сформировались на стыке целой серии дисциплин [Hardt, 1987]. В Германии, к примеру, науками – прародительницами коммуникативистики – Zeitungswissenschaft – были история и политическая экономия. Первые немецкие ученые, исследовавшие коммуникации, отталкивались или от исторической, или от экономической методологии [vom Bruch, 1980]. В США коммуникативистика конституировалась преимущественно на основании политической и социальной психологии. Во Франции коммуникативные исследования основывались на философии языка, семиотике и антропологии, а также филологии и эстетике.

Существует и третий взгляд на ее формирование – «синтетический», который указывает на взаимозависимость европейской, североамериканской, азиатских, австралийских и других научных школ коммуникативистики.

Наконец, не надо сбрасывать со счетов большое влияние на развитие исследований политических коммуникаций политической практики, запросы политической и бизнес-элиты, степень их

влияния на науку. Французская школа коммуникативистики складывалась более автономно от государства и бизнеса, поэтому исследователи практически не работали по заказу властей и различных групп интересов, что позволило им разрабатывать общефилософские вопросы коммуникативной теории. Немецкие и американские исследователи, напротив, работали в тесном взаимодействии с политической и военной элитой, а также с бизнесом. Поэтому в немецкой коммуникативистике общим знаменателем стало понятие «публичной коммуникации», в американской – «убеждающей коммуникации», а во Франции во главу угла ставилось более широкое понятие «социальной коммуникации». Если пользоваться терминологией Элиху Катца [Katz, 1984, р. 24–25], можно сказать, что французские коммуникативисты фокусировались на «смысле» коммуникации, немецкие – на «потоке» коммуникации, а американские – на «эффекте» коммуникации. Алекс Макиэли проводит грань между «коммуникацией как передачей данных» и «коммуникацией как участием» [Muccilli A., 2004]; по его мнению, для французских исследователей характерен акцент именно на последнем типе, в то время как для немецких и американских – на первом. Выявленные различия в становлении и развитии коммуникативистики на уровне отдельных стран позволили провести компартиативный анализ политico-коммуникативных школ и процессов их генезиса. Рассмотрим особенности наиболее известных научных школ и их вклад в теорию политических коммуникаций [Лебедев, 2012, с. 61–67].

Американская политическая коммуникативистика начиналась с эмпирических исследований, с развития количественно-качественных методик анализа. Уже в середине 1920-х годов Гарольд Лассуэлл одним из первых использовал метод контент-анализа для изучения политической пропаганды периода Первой мировой войны (например, в 1925 г. он проанализировал содержание немецких школьных учебников на предмет выявления в них ссылок на национальных военных героев, на вклад Германии в науку, «неполноценность» иностранцев и т.д.), систематизировал свои исследования о сущности пропаганды и политических мифов, а также об использовании контент-анализа в своей докторской диссертации (1926) и монографии «Техника пропаганды в мировой войне» (1927), а позже – в многочисленных публикациях по проблемам пропаганды и контент-анализа середины 1940-х годов.

Основным двигателем развития американской политической коммуникативистики был запрос, во-первых, со стороны политической элиты, стремившейся получить эффективные инструменты влияния на избирателей, во-вторых, со стороны американской армии, желавшей обогатить свой арсенал методиками деморализации вероятного противника, и, в-третьих, со стороны корпораций, желавших оптимизировать методики продвижения своих интересов в медиаполитическом пространстве. Достаточно сказать, что первый в мире исследовательский центр по изучению коммуникаций был организован Фондом Рокфеллера в 1939 г. Наиболее активным участником этого центра был Гарольд Лассуэлл, который в 1939–1940 гг. описал процесс массовой коммуникации в виде однодиаправленной «пятивопросной» модели: Who says? What? To whom? In which channels? With what effects? (Кто говорит? – Что сообщает? – Кому? – По какому каналу? – С каким эффектом?). Правда, опубликована эта «модель» была позже, в 1948 г. [Lasswell, 1948]. Работа Лассуэлла была востребована и государством. В 1940–1945 гг. он служил в качестве руководителя Экспериментального отдела по изучению коммуникаций военного времени.

В целом коммуникативная наука, так же как и направление политической коммуникативистики, формировалась в США на конкурентной основе – в университетах, исследовательских лабораториях и коммерческих структурах, заинтересованных во взаимодействии с государственными органами. В университетской среде выделяется *Колумбийская школа коммуникативистики*, интегрировавшая традиции эмпирических исследований, где рассматривались вопросы формирования политических аттитюдов, а также конструирования инструментов эмпирического анализа медиаполитических процессов. Вместе с учеными из Йельского и Принстонского университетов эта школа сконструировала инструменты, изучавшие влияние массмедиа на общественное сознание [Barton, 1982], что впоследствии вылилось в разработку ряда политологических и социологических теорий. *Чикагскую школу* интересовало изучение медийных организаций, исследование новостей и социологических профилей людей, работающих в СМИ [Dennis, 1978]. Свои школы политической коммуникативистики сформировались в 1940-х – 1950-х годах в *Стэнфорде, Висконсине и Миннесоте*.

В 1955 г. в США создается международный журнал коммуникативистов под названием «Газетт», поставивший своей задачей сравнительное изучение информационных средств связи в различных странах. Через 50 лет, в 2005 г., он был преобразован в Международный коммуникационный вестник.

Если говорить о вкладе американских научных школ в становление политической коммуникативистики, то следует отметить теорию политической пропаганды (Г. Лассуэлл); концепцию стереотипизации политического сознания в СМИ (У. Липпман); концепцию восприятия информации в условиях избирательных кампаний через авторитетных лидеров общественного мнения (П. Лазарсфельд); кибернетическую концепцию политической коммуникации (К. Дойч); концепцию «петли обратной связи» между политической и социальной системами (Д. Истон) и концепцию функции коммуникации на входе в политическую систему (Г. Алмонд); концепцию «мягкой власти» Дж. Ная и др.

Германская политическая коммуникативистика первонациально выбрала путь теоретического моделирования и качественного анализа медиаполитических процессов. Во времена Веймарской Республики (1919–1933) в немецкой коммуникативистике доминировали феноменологический и исторический подходы. Первыми исследователями общественного мнения, СМИ и политической пропаганды в Германии были Ганс Трауб [Traub, 1928], Эрнст Манхейм [Mannheim, 1933] и Герхардт Мюнцнер [Münzner, 1928], которые импортировали в политическую коммуникативистику идеи социальной и политической философии.

С 1933 по 1945 гг., с утверждением нацистской диктатуры, немецкая коммуникативистика испытала на себе сильное влияние идеологии. В дальнейшем, после Второй мировой войны, как подчеркивает Х. Гардт, стремясь избавиться от нацистского прошлого, немецкая политическая коммуникативистика в итоге выбрала исключительно позитивистский путь развития [Hardt H., 2002]. Исследователи наложили негласное табу на обсуждение аксиологических вопросов, пытаясь обезопасить дисциплину от новых идеологических инфильтраций. В начале 1960-х годов немецкая коммуникативистика активно заимствовала американские подходы [Meyen, 2007], во многом основанные на психологии и эмпирических методах. В 1980-х годах в немецкую политическую коммуникативи-

стику была инкорпорирована традиция культурологических исследований [Loblich, 2007].

В мировой перспективе наибольший вклад в конституирование политической коммуникативистики внесла Франкфуртская школа (но не в самой Германии, из-за «левой» ориентации направления), представляющая ветвь критической философии. В теории политической коммуникативистики эта школа внесла представление о политической власти как коммуникации (Ханна Арендт), понимаемой не как сила, а как авторитет, возникающий в результате коллективной коммуникации и убеждающего воздействия; теорию коммуникативного действия (Юрген Хабермас), где понятие коммуникации включает не только процесс передачи и приема информации, но и такие социальные феномены, как рациональность, этика и свобода, а также представление о дискурсе как средстве социализации и достижения консенсуса в обществе, коммуникационное понимание публичности и демократии, выраженное, в частности, в концептах «демократии обсуждения» или «делиберативной демократии».

Особое место в немецкой коммуникативистике принадлежит Никласу Луману, который доказывал, что *власть есть символически генерализованное средство коммуникации современного общества, которое постоянно осуществляет выбор из представленных правящей элитой альтернативных кодов* [Луман, 2004].

Французская политическая коммуникативистика формировалась на базе лингвистических исследований и политической философии, но затем перешла к прикладным исследованиям [Puustinen, 2005], опираясь на политическую науку и социологию СМИ [Albert, 2001, p. 35–41; Gritti, 1999, p. 21–42; Mercier, 1999, p. 219–235].

В этой стране коммуникативистика получила название «науки об информации и коммуникации». «Это сочетание позволило удовлетворить интересы сразу нескольких групп исследователей, не занимая какой-то конкретной позиции относительно эпистемологии данной отрасли» [Escarpit, 1977].

Основателем французской коммуникативистики считают профессора Робера Эскарпи, создавшего при университете Бордо научные подразделения, исследовавшие коммуникативную проблематику; позже эти структуры были скопированы другими университетами. Он добился от французских властей признания ком-

муникативных исследований в качестве самостоятельной учебной дисциплины и отрасли научного знания. Кроме того, французские власти планировали реформировать образовательные программы многих университетов, чтобы те смогли начать готовить специалистов по работе с политической и социальной информацией, способных выполнять задачи, которое поставило бы конституировавшееся «информационное общество» [Miège, 1995].

Эскарпи работал совместно с Роланом Бартом и Жаном Мерриа. Р. Барт, в свою очередь, взаимодействовал с французскими социологами Жоржем Фридманом и Эдгаром Мораном в рамках Центра исследования массовых коммуникаций (CECMAS), основанного в 1962 г., и Высшей школы социальных наук (EHESS). Таким образом было скрещено несколько направлений – семиотика (Р. Барт), социология труда и досуга (Ж. Фридман), социология поп-культуры и кибернетика (Э. Моран).

Помимо конструирования социальной теории французские ученые занимались эмпирическими исследованиями, в том числе анализируя политические и социальные настроения в сети Minitel, считающейся французским «прообразом» всемирной паутины [Rincé, 1990]. На этой проблематике специализировались эксперты лаборатории социальных наук в Национальном центре телекоммуникаций (CNET), в 1983 г. они основали французский журнал «Reseaux», ставший одним из столпов французской коммуникативной науки.

Для политической коммуникативистики особое значение имеют концепция «габитуса» или системы приобретенных схем восприятия и оценивания, позволяющих обеспечивать взаимную коммуникацию в обществе, а также концепция символической власти, символического насилия и символического капитала в поле массмедиа П. Бурдье; концепция власти как текста и политики как кодифицированных знаков, развертываемых при помощи акта высказывания в социально-семиотическом процессе, – дискурсии Р. Барта и др.

Политическая коммуникативистика развивалась также и в других регионах мира. В Азии, Африке и на Ближнем Востоке подобные исследования начались сравнительно недавно, в фокусе внимания местных ученых оказалась проблематика коммуникативного аспекта трансформации политических режимов. В Новой Зеландии были проведены исследования коммуникаций в органах

власти, в Австралии проделана значительная работа по культурологическому изучению политических коммуникаций.

Российская политическая коммуникативистика: Состояние и проблемы

В России понятие «коммуникация» появилось среди 503 иностранных «вокабул» в первом рукописном словаре иностранных слов «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», правленом лично Петром I. Слово это означало «переговор, сообщение». Словарь отражал новые социально-политические реалии допетровской и петровской поры¹. Больше века спустя в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (1881) слово «коммуникация» толковалось как «пути, дороги, средства связи мест». До революции других значений за ним не значилось.

Русские революции начала XX в. дали толчок изучению и практическому использованию такой формы коммуникации, как политическая пропаганда и агитация.

Термин «коммуникативистика» как общее название совокупности научных дисциплин, изучающих социальные коммуникации, вошел в обиход российских обществоведов сравнительно недавно – в 1990-е годы в связи с выходом в свет книг Л.М. Земляновой «Современная американская коммуникативистика» (1995) и «Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. Толковый словарь терминов и концепций» (1999). До этого, в 1960–1970-е годы, речь шла только о коммуникациях, да и то в усеченном виде. Автор уверенно заявлял, что в середине XX в. в США формируется новая наука, изучающая системы средств и гуманитарных функций массовых информационных связей, которую по аналогии с журналистикой можно было бы назвать *коммуникативистикой*.

Несмотря на то что серьезное изучение коммуникаций как таковых стало интенсивно развиваться лишь недавно, отечественные традиции изучения языка общения, средств массовой информации, речевой деятельности довольно глубоки. На это справедливо обращает внимание автор первого в стране учебника «Социология

¹ Издан был словарь только через 200 лет.

коммуникации» В.П. Конецкая, отметившая три направления исследований: языковое, социальное и собственно коммуникативное [Конецкая, 1997, с. 13–17]. Большой вклад в изучение феномена общения, культуры языка, семиотики внесли такие выдающиеся российские ученые, как М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, Ю.М. Лотман, Р.О. Якобсон и др.

Исследование собственно политических коммуникаций в советский период было связано с изучением политической информации и пропаганды, которые противопоставлялись «реакционной буржуазной науке о массовой коммуникации и средствах массовой коммуникации» [Буданцев, 2005]. Термины эти использовалось учеными по преимуществу в критическом аспекте – для сопоставления по образцу «у них и у нас». Как подчеркивает В.М. Березин, проанализировавший библиографию по коммуникативистике в советский период, отношение к ней действительно было настороженным. Это соответствовало основному принципу партийно-советской печати, заложенному еще В.И. Лениным. Газета (как самое популярное периодическое издание тех лет) должна была выступать не только коллективным пропагандистом и агитатором, но и коллективным организатором, а журналистская работа являлась «частью партийного дела пролетариата». Неслучайно в реферативных сборниках, выпущенных Институтом научной информации по общественным наукам, устойчиво сохранялся термин СМИП – «Средства массовой информации и пропаганды. Советская литература 1978–1980 гг.» и «Средства массовой информации и пропаганды. Советская литература 1980 г.». В приведенных там списках литературы лишь в семи из 234 работ в названиях использовался термин «коммуникация» [Березин, 2003].

И все-таки на короткое время изучение коммуникаций в Советском Союзе было легитимировано – на излете оттепели, в середине в 1960-х, отчасти 1970-х и в начале 1980-х годов, когда велись ожесточенные споры относительно терминов «средства массовой информации и пропаганды», «средства массовой информации» или «средства массовой коммуникации»: что «точнее соответствует» политике партии и этапу социалистического строительства в информационной сфере?

Возобладала точка зрения, что понятие коммуникаций не исчерпывается только средствами массовой информации и пропаганды, что понятие СМК шире и включает в себя все виды массо-

вой коммуникации, в том числе и СМИ, которые являются средствами периодического распространения информации, а не только пропаганды. Но случилось это именно тогда, когда начались коренные изменения в политическом и социальном устройстве страны. С лозунгами перестройки и гласности, вместе с реформированием системы, объявленным М.С. Горбачевым и продолженным Б.Н. Ельциным, изменилась не только политическая практика в области информации¹, но и исследовательские парадигмы. Именно тогда, в 90-е годы XX в. и в начале XXI в., в России проходят научные конференции, по итогам которых выпускаются сборники, издаются книги, монографии, учебные пособия и учебники, посвященные изучению коммуникации. Это работы В.М. Березина, С.В. Бориснева, Ю.П. Буданцева, М.А. Василика, Л.М. Земляновой, И.Э. Клюкавина, В.П. Конецкой, М.М. Макарова, Г.С. Мельника, М.М. Назарова, А.В. Назарчука, Г.Г. Почепцова, А.В. Соколова, В.П. Терина, Л.Н. Федотовой, А.И. Черных, Ф.И. Шаркова [см.: Березин, 1996; Березин, 2003; Бориснев, 2003; Буданцев, 1995; Буданцев, 2001; Василик, 2003; Землянова, 1995; Землянова, 1999; Клюкавин, 2010; Конецкая, 1997; Макаров, 2000; Мельник, 1996; Назаров, 2002; Назарчук, 2009; Почепцов, 1998; Соколов, 1996; Терин, 1999; Федотова, 2003; Черных, 2008; Шарков, 2005] и др.

В определенной степени этому способствовали аналитические обзоры ИНИОН «Массовая информация и коммуникация в современном мире», издававшиеся с 1989 г. [Массовая информация... 1989–1999]; создание Российской коммуникативной ассоциации²; проведение международных научно-практических кон-

¹ Именно в начале 90-х издаются законы о СМИ, которые отменяют политическую цензуру; затем появляются, помимо государственных и общественных, частные СМИ, а вместе с Интернетом – и социальные медиа, за журналистами и потребителями их продукции – гражданами – закрепляются специальные права. Л.Н. Тимофеевой в 1992 г. защищена кандидатская диссертация «Альтернативная печать как феномен качественных изменений в политическом процессе России: (середина 80-х – 90-х годов)», впервые обобщившая опыт гражданской журналистики.

² В декабре 2000 г. образована Российская коммуникативная ассоциация (РКА), которая играет большую роль в деле концептуализации коммуникации как области знания, становления и развития коммуникативного образования в России. В этом плане стоит особо отметить проведение РКА совместно с Национальной коммуникативной ассоциацией США на базе Пятигорского государственного лингвистического ун-та двух международных конференций: «Коммуникация:

ференций; появление Вестника Российской коммуникативной ассоциации в 2002 г. [Теория коммуникации... 2007]. В первом его номере помещена статья Ю. Толстиковой-Маст (*университет Мемфис, США*) и Дж. Кейтон (*университет Канзас, Лоуренс, США*) «Коммуникация о коммуникации: исследование развития дисциплины “Коммуникация” в России», где представлена одна из версий современной истории становления коммуникативистики в нашей стране с акцентом на роль американских специалистов (что не совсем справедливо по отношению к европейцам). Большую роль в развитии российской коммуникативистики сыграл «мировой оркестр» коммуникативистов – специалистов в области политических коммуникаций, герменевтики, социологии языка, семиотики, политической дискурсии: Х. Арендт, Р. Барта, Дж. Бертона, П. Бурдье, Х. Вайнриха, Т. Ван Дейка, Д. Говарда, Н. Винера, Л. Витгенштейна, Л. Войтасика, К. Дойча, Д. Кина, П. Лазарсфельда, Г. Лассуэлла, Дж. Дж. Лиллипера; Ж. Лиотара, Н. Лумана, У. Липпмана, М. Маклюэна, Д. Маккуэйла, Р. Мертона, Дж. Покока, П. Рикера, К. Скиннера, Я. Торфина, Ф. Уэбстера, М. Фуко, Ю. Хабермаса, Дж. Цаллера, П. Шампаня [Бурдье, 2002; Бурдье, 1994; Социология политики, 1993; Ван Дейк, 1989; Барт, 1983; Бертон, 1992; Вайнрих, 1987; Виннер, 2003; Войтасик, 1981; Дойч, 1993; Кин, 1993; Ласвель, 1929; Лиллекер, 2010; Липпман, 2004; Луман, 2002; Маклюэн, 2003; Маклюэн, 2003; Рикер, 2002; Уэбстер, 2004; Фуко, 2002; Фуко, 1994; Хабермас, 1981; Хабермас, 2000; Цаллер, 2004; Шампань, 1997; Arendt, 2005; Bourdieu, 1991; Habermas, 1948; Lazarsfeld, 1948; McQuail, 1994] и др.

На рубеже веков появляются и первые отечественные научные публикации по проблематике собственно политической коммуникации. Достаточно привести в качестве примера работы А.Н. Баранова и Ю.Н. Карапулова, М.С. Вершинина, М.В. Гавриловой, О.В. Гаман-Голутвиной, А.В. Дмитриева, М.Н. Грачева, В.В. Латынова, А.И. Соловьевева, А.Т. Хлопьева и др., препарирующие социально-политические отношения с точки зрения двухсторонних политических коммуникаций, языка политики, специальных приемов политического общения [Баранов, Карапулов, 1991; Гаврилова, 2008; Грачев, 1999;

Дмитриев, Латынов, Хлопьев, 1996; Дмитриев, 1998; Вершинин, 2001; Политические коммуникации... 2002; Соловьев, 2002 и др.].

С тех пор немало сделано для изучения социологии массовых коммуникаций, средств массовой информации и коммуникации, даже для создания общей теории коммуникации, но не так много – для изучения специфики политических коммуникаций: здесь работа только начинается. Защищено несколько докторских диссертаций [Вершинин, 2001; Гаврилова, 2008; Грачев, 1999; Дмитриев, 1996; Ирхин, 1996; Политическая коммуникация... 2003; Политическая коммуникативистика... 2008; Политические коммуникации... 2004; Политические коммуникации... 2007; Соловьев, 2002 и др.], опубликован ряд монографий, книг и учебных пособий по политическим коммуникациям [Вершинин, 2001; Гаврилова, 2008; Грачев, 1999; Дмитриев, 1996; Ирхин, 1996; Политическая коммуникация... 2003; Политическая коммуникативистика... 2008; Политические коммуникации... 2004; Политические коммуникации... 2007; Соловьев, 2002; Dyczok, 2009]. В ведущих вузах страны, в частности в МГУ, в Санкт-Петербургском гос. ун-те, в Российской академии государственной службы при Президенте РФ (ныне – РАНХиГС), в Томском государственном университете стали читать курсы «Политическая коммуникативистика», «Введение в коммуникативистику».

Важным направлением развития политической коммуникативистики стало изучение разнообразных аспектов функционирования массмедиа в современном обществе. В связи с этим следует отметить масштабный международный проект, реализованный на базе университета Фрибур (Швейцария) «Медиа, свобода и демократия» с участием О.В. Гаман-Голутвиной, которая совместно с канадской коллегой подготовила и опубликовала по итогам проекта коллективную монографию [Dyczok, 2009].

Особая роль в изучении политической коммуникации принадлежит президенту Российской ассоциации политической науки (1996–2001), ныне почетному президенту РАПН М.В. Ильину, который, будучи одним из создателей журнала сообщества политологов «Полис», публиковал, начиная с 1994 г., серию статей под общим названием «Политический дискурс: слова и смыслы...», что стало основой его оригинальной версии концепт-анализа, отчасти представленной в монографии [Слова и смыслы... 1997]. Научные исследования М.В. Ильина в области дискурса и концепт

анализа, его организаторская работа в этом направлении получили международное признание.

В России все увереннее утверждается новое направление в изучении политических коммуникаций, получившее широкую известность на Западе, – политическая дискурсология [Герасимов, Ильин, 2002; Серио, 2001]. Теория дискурса возникла в 70–80-е годы XX в. как интеллектуальный ответ на события «красного мая» 1968 г. в Европе, как критический анализ структуралистских концепций изучения языка, культуры и общества, как попытка предъявить что-то взамен испытывающей кризис марксистской парадигмы исследования [Carpentier, Servaes, Lie, 2003; Dijk, 1985; Fairclough, 1992; Discourse... 1995; Fairclough, 2003; Analyzing Discourse, 2005; Гаврилова, 2004; Карасик, 2004; Макаров, 2003; Массовая культура... 2003; Мухаряров, Мухарярова; Русакова, 2004; Слышикин, 2000; Шейгал, 2004; Гаврилова, 2004; Карасик, 2004; Макаров, 2003; Массовая культура... 2003; Михалева, 2009; Мухаряров, Мухарярова, 2003; Олянич, 2007; Русакова, 2004; Слышикин, 2000; Шейгал, 2004 и др.]. Согласно этой теории тексты являются результатом деятельности говорящих и пишущих в определенной социальной ситуации, и в этом смысле соотношение формы и содержания всегда мотивированно. Особое место в этой теории занимает понятие дискурса, определяемого в качестве целостной, социально и политически обусловленной единицы коммуникации. Кроме того, в это время получает развитие новый метод исследования дискурс-анализ. В 2004 г. на русский язык была переведена получившая широкую известность книга Луизы Филипп и Марианне Йоргенсон «Дискурс-анализ». Теория и метод».

В России на эту тему публикуются статьи, монографии М.В. Гавриловой, В.И. Карасика, М.Л. Макарова, О.Л. Михалевой, Н.М. Мухарярова, Л.М. Мухаряровой, А.В. Олянич, О.Ф. Русаковой, Г.Г. Слышикина, Е.И. Шейгал [Гаврилова, 2004; Карасик, 2004; Макаров, 2003; Массовая культура... 2003; Михалева, 2009; Мухаряров, Мухарярова, 2003; Олянич, 2007; Русакова, 2004; Слышикин, 2000; Шейгал, 2004] и др. В Волгограде, Екатеринбурге, Казани, Москве, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге постепенно складываются направления, связанные с изучением дискурсологии, проводятся семинары и выходят исследования в области дискурс-анализа. Урал (Екатеринбург) становится своеобразным издательским и научно-исследовательским центром новых направлений в

политической коммуникативистике. В 2001 г. на базе Института философии и права УрО РАН выходит первый номер научно-практического альманаха «Дискурс-пи» (главный редактор О.Ф. Ру-сакова), который становится инициатором общественно-научного движения по развитию дискурсолологии как инновационного направления в области социально-гуманитарных теорий и технологий. В декабре 2007 г. создано некоммерческое партнерство «Международная академия дискурс-исследований» (МАДИ), которое выпускает журнал «МАДИ». В 2010 г. на базе УрГПУ появляется журнал «Политическая лингвистика» (главный редактор – А.П. Чудинов). Вокруг него собирается интересное сообщество политических лингвистов. В Казани (Татарстан) плодотворно работают политические лингвисты Н.М. Мухаряров, Л.М. Мухарярова, в Санкт-Петербурге – М.В. Гаврилова и др.

Свои ассоциации и исследовательские комитеты в России создают специалисты в области рекламы, связей с общественностью (PR), связи с государством (GR), журналистики и других сопредельных видов коммуникации.

Поистине революционным прорывом в изучении политических коммуникаций стали научные публикации в области изучения Интернета. В середине 1990-х годов развитие технологий привело к созданию наиболее развитой частью человечества того самого «информационного общества», о котором на протяжении последних десятилетий так много говорили, что перестали воспринимать его всерьез [Тимофеева, Лобза, 2003, с. 8]. Сложность и необычность новой эпохи потребовали глубокого осмысления происходящих изменений. Это тема не только чисто академического, научного интереса, но, если говорить о сегодняшней России, и в немалой степени ее дальнейшей судьбы.

Интернет не только становится средством массовой коммуникации, но и образует новую область социального и политического взаимодействия, влекущего за собой изменения и в реальных областях жизни человека – в менталитете, организационных структурах, характере человеческой деятельности и образа жизни. Особенно это касается трансформации отношений внутри государства и гражданского общества.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов исследователи анализировали состояние политического сегмента российского Интернета, рассматривали количественные показатели распространения новых

коммуникаций в Интернете; характеристики и особенности Интернет-аудитории; политические требования и интересы этой аудитории; позицию государства и его политику в Интернете. Сегодня, когда на наших глазах социальные сети в Интернете «творят чудеса в различных странах мира в прямом и переносном смысле: от поиска потерявшихся людей, остановки вырубки реликтового леса до участия в революциях, изучение возможностей новых коммуникаций в политике и гражданской сфере становится делом насущным» [Бондаренко, 2011; Бондаренко, 2005; Бондаренко, 2004; Вершинин, 2001; Овчинников, 2002; Кулик, 2003; Чугунов, 2000; Попков, Тищенко, 2004; Чумиков, Бочаров, Тишкова, 2010; Юшук, 2008 и др.].

Большой пласт научной литературы по проблемам политических коммуникаций традиционно посвящается исследованию средств массовой информации, политической рекламе и пропаганде, современному состоянию российской журналистики, а также сравнительно новым темам в коммуникативистике – политическим и государственным связям с общественностью [Связи с общественностью... 2001; Комаровский, 2003; Управление общественными отношениями... 2009; Чумиков, Бочаров, 2012], связям с государством¹, политическому маркетингу [Морозова, 1999 и др.], информационным и гибридным войнам, манипулятивным информационным технологиям, юмору и скандалу в политике, языку политической коммуникации, в том числе политической семиотике, политической герменевтике и т.д. Появилось новое направление исследований, связанное с коммуникацией в социальных сетях. Его активно развивают в Санкт-Петербургском и Кубанском государственных университетах (Л.В. Сморгунов, И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова, А.С. Шерстобитов и др.) [Мирошниченко, Морозова, 2008; Сморгунов, Шерстобитов, 2014 и др.].

Необходимость институционализации политической коммуникативистики побудила российских ученых, членов РАПН, создать в июне 2008 г. Исследовательский комитет по политической коммуникативистике. Он был создан в стенах Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (ныне РАНХиГС) на кафедре политологии и политического

¹ В 2012 г. благодаря усилиям членов РАПН вышло первое в России учебное пособие [GR-связи... 2012].

управления совместно с коллегами-учеными из МГУ (факультет госуправления) и РУДН¹. Благодаря его деятельности в «Полисе» в 2009 г. под рубрикой «Субдисциплина» опубликованы статьи членов ИК Л.Н. Тимофеевой, А.Н. Чумикова, А.В. Шевченко, конституирующие новое направление российских исследований – политическую коммуникативистику, а затем в 2012 г. вышла первая монография под эгидой РАПН «Политическая коммуникативистика; теория, методология и практика» (РОССПЭН).

Таким образом, можно констатировать, что и в России начата и продолжается работа по институционализации политической коммуникативистики. Об этом свидетельствует интерес к теме среди молодых ученых. В частности, недавно защищенная кандидатская диссертация С.В. Лебедева на тему «Современная коммуникативистика в структуре российской политической науки» – одна из первых серьезных работ, поставившая своей целью определить место политической коммуникативистики в структуре российской политической науки, проанализировать теоретико-методологическое пространство современной политической коммуникативистики и этапов ее развития в отдельных странах и в России. Некоторые ее положения использованы в данной статье.

Заключение

Политические коммуникации превратились сегодня в эффективное средство конструирования политической реальности. Они многое определяют в современном мире, в России. Однако мы ощущаем явное отставание теоретического изучения этого феномена от реальных масштабов их места в политической практике.

Хотя в России и в мире в последние годы немало делается для институционализации политической коммуникативистики, однако до сих пор не решен ряд проблем, связанных с ее объектом – теорией политической коммуникации – и ее многосоставным предметом – разнообразными практиками политической коммуни-

¹ По итогам заседаний Исследовательского комитета по политической коммуникативистике изданы материалы: [Политическая коммуникативистика... 2008; Власть как политическая коммуникация... 2010; Политические коммуникации... 2013 и др.].

кации. Проблемой является и отсутствие конвенционального понятийного и категориального аппарата политической коммуникативистики. Кроме того, стремительное развитие ее отраслей заставляет решить, в каком «родстве» или подчинении ей находятся такие быстро набирающие популярность субдисциплины, как «политическая медиалогия», «политическая дискурсология» и т.д.

Список литературы

- Баранов А.Н., Караполов Ю.Н.* Русская политическая метафора: Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
- Барт Р.* Нулевая степень письмо // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
- Березин В.М.* Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. – М.: Изд. РИП – холдинг, 2003. – 157 с.
- Березин В.М.* Теория массовой коммуникации. – М., 1996. – 142 с.
- Бертон Дж.* Конфликт и коммуникация // Социально-гуманитарные знания. – М., 1992. – № 2. – С. 34–45.
- Бориснёв С.В.* Социология коммуникации: Учебное пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 270 с.
- Буданцев Ю.П.* Массовая коммуникация // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / Отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. – М., 2005. – С. 681–682.
- Буданцев Ю.П.* Парадигма массовой коммуникации. – М., 2001. – 290 с.
- Буданцев Ю.П.* Социология массовой коммуникации: Учебное пособие. – М.: МНЭПУ, 1995. – 112 с.
- Бурдье П.* О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Марковой; Отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»: Институт экспериментальной социологии, 2002. – 159 с.
- Бурдье П.* Социология политики / Пер с фр.; Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
- Вайнерх Х.* Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия / Пер. с нем. Е.Г. Казакевич; Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; Общ. ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
- Ван Дейк Т.* Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
- Василькова В.В.* Междисциплинарность как когнитивная практика (на примере становления коммуникативной теории): Коммуникация и образование: Сб. статей / Под ред. С.И. Дудника. – СПб., 2004. – 448 с.
- Вершинин М.С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 256 с.
- Винер Н.* Человек управляющий. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.

- Винер Н. Творец и Будущее. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 736 с.
- Власть как политическая коммуникация: Материалы методологического семинара. Москва, 19 мая 2009 г. / Отв. ред. Л.Н. Тимофеева. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – 54 с.
- Войтасик Л. Психология политической пропаганды. – М., 1981. – 277 с.
- Гаврилова М.В. Политическая коммуникация XX в. – СПб.: Невский институт языка и культуры, 2008. – 92 с.
- Грачев М.Н. Политика, политическая система, политическая коммуникация. – М.: НОУ МЭЛИ, 1999. – 328 с.
- Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.
- Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация. – М.: РОССПЭН, 1996. – 197 с.
- Дмитриев А.В. Социология политического юмора: Очерки. – М.: РОССПЭН, 1998. – 332 с.
- Дойч К. Нервы управления. Модель политической коммуникации. – М.: Наука, 1993–124 с.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. – СПб.: Наука, 2001. – 380 с.
- Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 301 с.
- Землянова Л.М. Современная американская коммуникативистика: теоретические концепции, проблемы. Прогнозы. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 271 с.
- Кин Д. Демократия и декаданс медиа / Пер. с англ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – М., 2015. – 312 с.
- Кин Д. Средства массовой информации и демократия / Пер. с англ. – М.: Памятники ист. мысли, 1993. – 167 с.
- Клюквин И.Э. Коммуникативный Универсум. – М.: РОССПЭН., 2010. – 256 с.
- Конецкая В.П. Социология коммуникации: Учебник. – М.: Международный ун-т бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
- Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания – Компаративистика III: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований / Под ред. Л.А. Вербицкой, В.В. Васильковой, В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. – СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. – 408 с.
- Кули Ч. Общественная организация: Тексты по истории социологии XIX–XX вв.: Хрестоматия. – М.: Наука, 1994. – 383 с.
- Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. – М.; Л., 1929. – 200 с.
- Лебедев С.В. Современная коммуникативистика в структуре российской политической науки: Дисс. ... канд. полит. наук по специальности: 23.00.01. – М.: МГУ, 2012. – 201 с.
- Лиллекер Д.Дж. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / Пер. с англ. С.И. Остенек – Хабаровск: Гуманитарный центр, 2010. – 297 с.
- Липтман У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
- Луман Н. Власть / Пер. с нем. – М.: Практис, 2001. – 256 с.
- Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. – М.: Практис, 2005. – 256 с.

- Маклюэн М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
- Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. – Киев: «Ника-Центр», 2003. – 432 с.
- Макаров М.М.* Массовая коммуникация в современном мире. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 168 с.
- Массовая информация и коммуникация в современном мире: Реф. сб. / АН СССР. ИНИОН, МГУ им. М.В. Ломоносова. Фак. журналистики; Отв. ред. И.А. Федякин и др. – М., 1989–1999. – 114 с.
- Мельник Г.С.* Mass-media: психологические процессы и эффекты. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 1996. – 159 с.
- Назаров М.М.* Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
- Назарчук А.В.* Теория коммуникации в современной философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.
- Основы теории коммуникации: Учебник / Под ред. М.А. Василика. – М.: Гардарики, 2003. – 615 с.
- Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 328 с.
- Политическая коммуникативистика: проблемы предметного позиционирования: Материалы методологического семинара. Москва. 17 июня 2008 г. / Отв. ред. Л.Н. Тимофеева. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – 66 с.
- Политические коммуникации: Учебное пособие / Ю.Ю. Петрунин и др.; под ред. А.И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 332 с.
- Политическая коммуникация в постсоветской России: Проблемы формирования и парадигмы развития: Материалы секции «Политическая коммуникация» Третьего всероссийского конгресса политологов. 28–29 апреля 2003 г. / Под ред. Л.Н. Тимофеевой, Е.В. Лобзы – М.; Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2003. – 336 с.
- Почепцов Г.Г.* Теория и практика коммуникации (от речей президентов до переговоров с террористами). – М.: Изд-во Центр, 1998. – 656 с.
- Разуваев В.В.* Политический смех в современной России. – М.: ГУ – ВШЭ, 2002. – 264 с.
- Рикер П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / Пер. с фр. – М., 2002. – 697 с.
- Соколов А.В.* Введение в теорию социальной коммуникации. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1996. – 320 с.
- Соловьев А.И.* Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис: Политические исследования. – М., 2002. – № 3. – С. 5–18.
- Теория коммуникации & прикладная коммуникация: Вестник Российской коммуникативной ассоциации / Под общей редакцией И.Н. Розиной. – Ростов н/Д: ИУБиП, 2004. – Вып. 1. – 200 с.

- Терин В.П. Массовая коммуникация. Социокультурные аспекты политического воздействия. Исследование опыта Запада. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1999. – 145 с.
- Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы развития // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 5. – С. 41–54.
- Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. – М.: У-Фактория, 2004. – 328 с.
- Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации: теория и практика. – СПб.: Питер, 2003. – 400 с.
- Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации: Учебник для вузов. – 4-е изд. – М.: Изд. дом Международного ун-та в Москве, 2009. – 832 с.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. – М.: Практис, 2002. – 384 с.
- Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. – М., 1981. – Т. 1: Рациональность действия и общественная рационализация / Пер. с нем. – 246 с.
- Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. – М.: ИФ Общественное мнение, 2004. – 559 с.
- Черных А.И. Социология массовых коммуникаций: Учебное пособие. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ Москва, 2008. – 451 с.
- Чумиков А.Н. Государственный PR: связи с общественностью для государственных организаций и проектов / А.Н. Чумиков, М.А. Бочаров. – М.: Инфра-М, 2012. – 330 с.
- Шарков Ф.И. Коммуникология. Социология массовых коммуникаций. – М., 2005. – 304 с.
- Шампань П. Делать мнение: Новая политическая игра / Пер. с фр. – М.: Socio-Logos, 1997. – 317 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
- Albert P. Evolution des études sur la presse // Les origines des sciences de l'information et de la communication: Regards croisés / R. Boure (Ed.). – Vielleneuve d'Ascq: Presses univ. de Septentrion, 2001. – P. 35–41.
- Arendt H. Communicative power // Power / Ed. by S. Lukes. – N.Y.: N.Y. univ. press, 1986. – P. 59–74.
- Barton A.H. Paul Lazarsfeld and the invention of the University Institute for applied social research in Burkhart Holzner and Jiri Nehnevajsa: Organizing for social research. – Cambridge: Schenkman publishing Co., 1982. – 430 p.
- Bourdieu P. Language and symbolic power. – Cambridge: Polity press, 1991. – 291 p.
- Cooley Ch.H. The Significance of communication // Reader in Public Opinion and Communication / Ed. by B. Berelson, M. Janowitz. – N.Y., 1953. – 149 p.
- Dahl R. Power as the Control of Behavior // Power / Ed. by S. Lukes. – N.Y.: N.Y. univ. press, 1986. – P. 37–58.
- Delia J.G. Communication research: A history // Handbook of communication science / C. Berger, S. Chaffee (eds.). – L.: Sage, 1987. – 541 p.
- Dennis E. The Media society, evidence about mass communication in America. – Dubuque, Iowa: William C. Brown Co., 1978. – 142 p.
- Deutsch K. The Nerves of government: Models of political communication and control. – N.Y.: Free press, 1963. – 316 p.

- Discourse theory in European politics. Identity, policy and governance / Ed. by D. Howarth, J. Torfing. – L., 2005. – 320 p.
- Escarpit R., Meyriat J. Les fondateurs de la SFSIC // Entretien avec Jean Dévèze et Anne-Marie Laulan. – Paris: SFSIC, 1977. – 274 p.
- Gritti J. Les années Cinquante dans les recherches en communication // Recherches en communication. – Paris, 1999. – N 11. – P. 21–42.
- Habermas J. Hanna Arendt's communications concept of power // Power / Ed. by S. Lukes. – N.Y.: N.Y. univ. press, 1986. – P. 75–93.
- Hardt H. Am Vergessen Scheitern: Essay zur historischen Identität der Publizistikwissenschaft. – Wien: Medien & Zeit, 2002. – Vol. 17, N 2–3. S. 36–48.
- Katz E. Communication research since Lazarsfeld // Public opinion quarterly. – Oxford, 1987. – Vol. 51, N 4. – P. 24–25.
- Laitko H. Disziplingeschichte und Disziplinverständnis // Disziplinen im Kontext. Perspektiven der Disziplingeschichtsschreibung / V. Peckhaus, C. Thiel (eds). – München: Wilhelm Fink, 1999. – S. 21–60.
- Lasswell H. Propaganda technique in the World War. – L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1927. – 244 p.
- Lasswell H. Structure and function of communication in society // The Communication of ideas / Ed. by J. Bryson. – N.Y.: The Free press, 1948. – P. 117–129.
- Lasswell H.D. The Theory of political propaganda // Reader in public opinion and communication / Ed. by B. Berelson, M. Janowitz. – Glencoe: Free press, 1953. – P. 299–309.
- The people's choice // P.F. Lazarsfeld et all. – N.Y., 1969. – 187 p.
- Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People's choice: How the voter makes up his mind in a presidential campaign. – 3 rd ed. – N.Y.: Columbia univ. press, 1968. – 178 p.
- Lazarsfeld P., Merton R. Mass communication, popular taste and organized social action // The Communication of ideas / Ed. by L. Bryson. – N.Y., 1948. – P. 95–118.
- Lippmann W. Public Opinion. – New Brunswick: Macmillan Co., 1922. – 384 p.
- Loblich M.G. Publizistikwissenschaft and its Shift from a humanistic to an empirical social scientific discipline // European journal of communication. – L., 2007. – Vol. 22, N 1. – P. 72–82.
- McQuail D. Mass communication and public interest: towards social theory for media structure and performance // Communication theory today / D. Crowley, D. Mitchell. – Cambridge: Polity press, 1994. – P. 241–254.
- Meadow R.G. Politics as communication. – Norwood: Ablex publ. co., 1980. – 269 p.
- Mercier A. Institutionnalisation de la profession de journaliste // Hermès. – L., 1999. – N 14. – P. 219–235.
- Meyen M. Ich habe dieses Fach erfunden // Wie die Kommunikationswissenschaft an die deutschsprachigen Universitäten kam. 19 biographische Interviews / M. Meyen, M. Loblich. – Köln: Halem, 2007. – 484 S.
- Miège B. La pensée communicationnelle. – Paris: Presses univ. de Grenoble, 1995. – 128 p.
- Mucchielli A. La nouvelle communication. – Paris: Armand Colin, 2004. – 180 p.
- Münzner G. Öffentliche Meinung und Presse: eine sozialwissenschaftliche Studie. Karsruhe: Braun, 1928. – 336 S.

- Politics of the developing areas / Ed. by G.A. Almond, J.S. Coleman. – Princeton: Princeton univ. press, 1960. – 610 p.
- Puustinen L. Mapping media and communication research: France. – Helsinki: Univ. of Helsinki, 2005. – 47 p.
- Rincé J.-Y. Le minitel. – Paris: PUF, 1990. – 340 p.
- Traub H. Von Zeitungsviesen und Zeitungslesen. – Dessau: Dessau press, 1928. – 232 s.
- Vom Bruch R. Zeitungswissenschaft zwischen Historie und Nationalökonomie. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der Publizistik als Wissenschaft im späten deutschen Kaiserreich // Publizistik. – Berlin, 1980. – N 25. – S. 579–605.

Г.Л. КУПРЯШИН*
ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Аннотация. В статье представлено развитие дисциплины «публичное управление» как составной части политической науки, выделены методологические и политические проблемы, определившие его эволюцию, междисциплинарные черты и нормативные основы изучения. Автор характеризует публичное управление в России как одну из наиболее быстро развивающихся областей политической науки.

Ключевые слова: публичное управление; публичная политика; новое государственное управление; политический анализ.

**G.L. Kupryashin
Public administration**

Abstract. The paper offers a survey of the development of the public administration as a sub discipline of political science and emphasizes the political and methodological issues that shaped its evolution, multidisciplinary perspective, and the normative nature of its research. The author focuses on the study of public administration and public policy in Russia and shows that it has been among the most rapidly developing fields in the political science over the past several decades.

Keywords: public administration; public policy; new public management; policy analysis.

* Куприяшин Геннадий Львович, доктор политических наук, профессор кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: gkupryashin@gmail.com

Kupryashin Gennady, Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: gkupryashin@gmail.com

Публичное управление как самостоятельная область исследования является относительно новой для России дисциплиной, бурное развитие которой началось лишь 25 лет назад. Давая общую характеристику дисциплины, можно определить переживаемый ею период как «подростковый». Она выходит из «детства», когда проходило ее становление, и вступает в этап самоидентификации, когда определяется ее место среди других социальных наук и формируются основные направления развития. В период «детства» исследователи, работающие в этой области, стремились освоить достижения мировой школы публичной политики и управления. Научные статьи чаще всего представляли авторскую интерпретацию зарубежных первоисточников. В настоящее время исследовательская проблематика постепенно смещается от описания зарубежного опыта к обоснованию национальных политико-административных трендов и управленических моделей. Для данного теоретического обоснования необходим был этап ответов на базовые вопросы: что включает публичное управление? Каковы его теоретические концепты и практическое применение? Как публичное управление связано с публичной политикой, и каковы их различия? И, наконец, как соотнести государственное управление, государственный менеджмент и публичное управление?

Отвечая на данные вопросы, публичное управление включает элементы описания, объяснения и понимания, практическое использование знания разных научных направлений для улучшения политико-административных систем и, в конце концов, нормативной рефлексии ценностей, норм и стандартов, применимых к государственному регулированию и государственной политике.

Определение предметного поля и проблематики теории публичного управления

Публичное управление (public administration), также «государственное и муниципальное управление», в распространенной в России интерпретации – это научное направление, имеющее свои связанные, но относительно автономные исследовательские области: *государственный менеджмент* (public management), т.е. операционные и административные аспекты функционирования государственных органов, включая государственную службу; *ана-*

литику государственных программ и политик (public policy), включая стратегическое планирование, оценку регулирующего воздействия; *взаимодействие государства и граждан* (public affairs), включая лоббизм и отношения бизнеса с государственными и муниципальными органами (government relations, GR) [Public management... 1991; Барабашев, Уткина, 2014, с. 6]. В этом смысле публичное управление можно определить как систему кооперации государственных, муниципальных, некоммерческих и смешанных структур, призванную обеспечить удовлетворение общественных интересов и решение коллективных проблем. Публичное управление, объединяя деятельность государственных, муниципальных, неправительственных (некоммерческих) организаций, фактически представляет общественно-государственную систему реализации общенациональных и местных интересов и производства общественных благ. Конечно, публичное управление должно учитывать автономность личности, оставляя ей возможность самостоятельного выбора. Поэтому особое значение приобретает уровень обратных связей, общественный уровень исполнения управленческих решений, где интерес представляют: 1) группы интересов (различные общественные фонды, профсоюзы, этнические, молодежные и др. организации с определенными интересами, парламентские лобби и пр.); 2) отношения непосредственно с гражданами (налогообложение, законотворческая и правоприменительная практика, подготовка и реализация социальных программ); 3) взаимоотношения с коммерческими предприятиями (их правовое регулирование, государственно-частное партнерство и т.д.). Анализ взаимоотношений органов государственного и муниципального управления с обозначенными выше субъектами общественных отношений выводит нас непосредственно к политической составляющей их деятельности.

Поскольку публичное управление – это не только административный, но и политический процесс, то его системное понимание включает действия формальных и неформальных акторов, вовлеченных в процесс принятия и исполнения решений, и формальных и неформальных структур, созданных для восприятия и исполнения этих решений [What is good governance... 2015]. Правительство вместе с бюрократическим аппаратом являются важнейшими, но не единственными акторами этого процесса. Последний включает также деятельность неправительственных организаций, аналити-

ческих мозговых центров, религиозных лидеров, финансовых институтов, политических партий, групп интересов и т.д.

В мировом обществознании изначально существовали и продолжают быть достаточно распространенными два основных подхода к пониманию места и содержания науки публичного управления среди других социальных наук. Первый подход определяет данную сферу гуманитарного знания как системное объединение концептов и исследовательских инструментов, разработанных другими науками, необходимое для рекомендаций практикам управления. Еще Г. Лассуэлл, отмечая междисциплинарную природу публичной политики, считал необходимым для рационализации публичного управления усиливать интеграцию политической науки с социологией, экономикой, правом и управлением бизнесом, что позволит повысить точность аргументации [The policy sciences, 1951, p. 3–15]. Данная позиция признает публичное управление как некоторую интеграцию достижений различных наук, то, что Лассуэлл называл «policy sciences». С этой точки зрения публичное управление как самостоятельная наука не существует. Оно является профессиональной деятельностью управленицев в государственных, муниципальных и неправительственных организациях, использующих достижения «policy sciences».

Второй подход, признавая роль других социальных наук (политической теории, экономики, истории, социологии, юриспруденции), тем не менее считает, что уже примерно 150 лет существует относительно молодая, но все более влиятельная самостоятельная наука, имеющая свой понятийный аппарат, свои концепты, своих теоретиков, способная предлагать практике общественного управления свои рекомендации. Причем эта связь с практикой является отличительной чертой науки публичного управления, когда теоретическое и экспертное знание выступают в тесной связи и ориентируются на конкретные потребности государственных, муниципальных и общественных организаций. Как писал гуру науки публичного управления А. Вилдавски, эксперт-исследователь всегда должен говорить правду власть предержащим о возможных альтернативах предполагаемого государственного решения, даже если это может вызвать неприятие у лиц, принимающих решения (ЛПР) [Wildavsky, 1987]. Для данного подхода типично разделение теоретической области публичного управления как на общие концепты научного управления (теория органи-

зации, теории мотивации, административная теория), так и на специфические концепции, ориентированные именно на общественный сектор (теория бюрократии, концепция «нового государственного менеджмента», концепция «умного регулирования», сетевая концепция государственного управления, теория общественного выбора и др.).

Однако выделение предмета данной области знаний еще не решает общую проблему ее идентификации. Пограничное положение между теорией управления (менеджментом) и политической теорией изначально вызывало определенные трудности при системном осмыслиении публичного управления как зависимой переменной от действий широкого круга акторов и влияния разнообразных общественных процессов.

Признавая сам факт существования науки публичного управления, некоторые исследователи исходят из так называемого «дженералистского» подхода, рассматривая ее как субдисциплину, включенную в общее теоретическое поле менеджмента (управленческой науки). Утверждается, что менеджмент как общая теория управления дает для публичного управления ключевые концепты анализа организаций и организационного поведения, без чего невозможно исследовать вопросы публичного управления на микроуровне (уровне организаций) [Hinderaker, 1963, р. 5–12; Латфуллин, Никитин, Серебренников, 2014, с. 14]. Близка к этому идея ряда авторов, настаивающих на междисциплинарном характере публичного управления, которые включают политический анализ, финансовый менеджмент, управление человеческими ресурсами, информационный менеджмент и изучение внешней среды [Garson, Overman, 1983, р. 55–73]. Иногда ссылаются на исследовательскую традицию, заложенную еще В. Вильсоном, писавшим, что «государственное управление находится за пределами собственно *политической сферы*. Вопросы государственного управления не являются политическими вопросами. Хотя политика и определяет задачи для органов управления, ее вмешательство в процессы управления недопустимо» [Классики теории государственного управления... 2003, с. 24].

Противоречивая взаимосвязь операциональной, административной и политической подсистем публичного управления показывает, что в едином процессе государственного и муниципального управления существуют разные логики выработки ориентиров,

особые механизмы согласования интересов, мотивации акторов и стратегии выработки позиций, альтернативы применения ценностей и традиций, норм и стереотипов, правил и технологий властевования. Смысл и специфика публичного управления в том, что данная категория позволяет представить институты и процессы политico-административной системы как 1) властные образования, имеющие непосредственное отношение к существующему политическому режиму; 2) управленческие инструменты, обладающие административным потенциалом регулятивного воздействия; 3) итог компромиссов и столкновений коалиций, заинтересованных в государственных решениях групп.

Действительно, хорошо известно, что в классической теории государственного управления долгое время господствовала дихотомическая концепция «политика – управление». Но в современном публичном управлении тезис о противопоставлении политического и административного, обоснованный В. Вильсоном и развитый Ф. Гуднау и их последователями, не имеет большого количества сторонников. Как отмечают Д. Шафритц и А. Хайд, «политико-управленческая дихотомия утратила свою жизнеспособность во времена политики Нового курса и в период войны, когда было практически невозможно применить к государственному управлению свободные от оценочных суждений административные процессы» [Классики теории государственного управления, 2003, с. 92].

В современных условиях критика организационного детерминизма в публичном управлении особенно ярко представлена в позиции неоинституционализма. Его видные представители Дж. Марч и Дж. Олсен в своей программной статье в середине 80-х подчеркивали ограниченность попыток при изучении действий политических акторов абсолютизировать микрорациональные факторы [March, Olsen, 1984, р. 734–749]. Д. Кеттл конкретизировал эту позицию на примерах деятельности госаппарата, показывая неправомерность оценки ее эффективности, абстрагируясь от целей государственной политики. Отсюда, в частности, вытекает многозначность ключевой проблемы подотчетности бюрократии [The Oxford handbook... 2008, р. 374]. Изучение легитимности, эффективности и подотчетности политico-административной деятельности акторов публичного управления позволяет всесторонне показать смысл и содержание управленческих стратегий государ-

ства. Эти стратегии вытекают из особенностей целей деятельности государственных структур. Поэтому изучение публичного управления тесно соприкасается с исследованиями по теории политики, политическому анализу, этике, политической философии, конфликтологии, политическому прогнозированию и др. Кроме того, важно подчеркнуть, что публичное управление – это, прежде всего, воздействиеластное, политическое, которое имеет правовую обусловленность, а в реализации – силу государственного аппарата, обладающего средствами принуждения.

Отметив, что сближает публичное управление с другими политологическими субдисциплинами, нужно также выделить отличия. Как правило, указывают на три специфических признака:

- 1) проблематика данного научного направления охватывает наиболее актуальные вопросы политико-административной практики;
- 2) прямая включенность в процесс разработки государственных решений означает нормативную заданность исследований, когда прямо признается базовая роль ценностей, разделяемых исследователем;
- 3) научные исследования наиболее тесно связаны с экспертизой и потому занимаются вопросами, что нужно *делать*, а не тем, что должно *быть* [Handbook of public administration... 2007, р. 5–7].

И общие, и отличительные черты в связке политическая теория – теория государственного и муниципального управления были практически проявлены в последней трети двадцатого столетия, когда на публичное управление оказали серьезное негативное воздействие разочарования, связанные с целым рядом провалов государственной политики во многих странах. Как следствие, были начаты радикальные реформы государственной и муниципальной службы практически во всех развитых странах, часто без какого либо серьезного теоретического обоснования.

Первоначально административные реформы усилили внимание к операционально-административной составляющей публичного управления, что нашло отражение в появлении концепции «нового государственного менеджмента» (new public management, NPM). NPM привлек внимание к непоследовательности и противоречивости бюрократической модели, на основе которой строилась административная деятельность государства. NPM представил принципиально иное, по сравнению с классическим, понимание

государственного управления [Dunleavy, Hood, 1994, р. 9–16]. Во-первых, в данной концепции государство выступает как институт, обеспечивающий производство и предоставление определенных услуг. Во-вторых, государственные институты призваны создавать необходимые рамки для процессов общественной активности и побуждать граждан к самостоятельному решению проблем. В-третьих, государство координирует на основе установленных правил социальную и экономическую деятельность. И в-четвертых, государство производит работы и услуги для общества только в том случае, если это диктуется, например, вопросами безопасности и если государство может это сделать с меньшими затратами, чем другие акторы. Тем самым NPM исходил из безусловного признания приоритета общественного (негосударственного) сектора: если какие-либо функции могут выполнить негосударственные органы, государство не должно вмешиваться [Hood, 1984].

После появления концепции NPM бюрократическая модель контроля и подотчетности с ее принципами иерархии и разделения внутренних и внешних функций уже больше не рассматривалась как аксиоматичная. Исследователи публичного управления выдвинули на первый план изучение коммуникаций, связей и взаимодействий между менеджерами государственных, частных и общественных организаций, поскольку именно в этой сфере принимались реальные решения и осуществлялись управленческие функции [Aucoin, 1990; Osborn, Gaebler, 1992]. NPM был в основном рыночным и менеджериальным рецептом неолиберальной теории и коммерческого менеджмента. Он пытался быть аполитичным в условиях, когда фундаментальные политические и моральные принципы и институциональный баланс власти были устойчивыми. Аполитичный язык NPM тем не менее не смог помешать политизации многих реформ, так как стало ясно, что они включают большие изменения институциональных отношений и бросают вызов властному авторитету государства как основного политического актора, а также основам социальной солидарности. В результате внимание переместилось с экономичности и эффективности в направлении целей и ценностей вовлеченных в процесс реформ акторов [Классики теории государственного управления, 2003, с. 619; Naque, 2000].

После первоначальных восторгов успехами NPM, прежде всего в ангlosаксонских странах (Н. Зеландия, Австралия, Вели-

кобритания, Канада), выявились достаточно серьезные слабости данной концепции. Критики экспансиионизма менеджмента в публичное управление отмечали, что в государственных структурах в качестве критерия наряду с эффективностью выступает социальная справедливость, имеющая ценностную природу, выходящую за рамки менеджмента коммерческих организаций [Frederickson, 1997].

Как подчеркивал Дональд Кеттл, давая оценку итогам административной реформы в США и других, в том числе постсоциалистических, странах, невозможно рассматривать возникающие в рамках трансформации административных процессов публичного управления проблемы вне их политического контекста. Причем эти проблемы Д. Кеттл связывает с отставанием теории публичного управления, когда инициатива проведения реформы пришла от менеджеров частного сектора, навязавших ЛПР свое понимание целевой функции государственного управления (идеи сервисного государства) при игнорировании широкого спектра социальных и политических целей [Kettl, 2012, p. 220–221].

Реформы государственного управления в развитых странах сопровождались большим количеством публикаций и исследований, проводимых в рамках политico-управленческого анализа. Данная субдисциплина объединила в себе микроэкономику, политологию, государственные финансы, теорию систем и другие общественные науки с целью формирования междисциплинарного представления о том, каким должно быть государственное управление, как оно должно определять суть и вызывать изменения государственных программ, и как должна осуществляться оценка его воздействия и результатов [Birkland, 2011, p. 9–13]. Влияние политico-управленческого анализа в университетской среде заключалось в том, что учебные заведения в развитых странах все чаще предлагали специальность «Публичная политика» наряду с традиционным дипломом магистра по специальности «Публичное управление» (МРА). Несколько крупных факультетов государственного управления в американских университетах были даже переименованы в факультеты публичной политики и менеджмента («Public policy and management»). После периода становления как области знаний сейчас она является предметом исследований, которому посвящены солидные журналы (*Policy studies review*, *Policy studies journal*, *The journal of policy analysis and management* и многие другие); проводятся крупные конференции, где обсуждаются

проблемы государственной политики, вопросы методологии и события, происходящие в этой области.

Современный подход к публичному управлению предъявляет к профессиональной подготовке гражданских служащих требования, связанные с развитием их аналитических способностей. Теория публичного управления может помочь в этом, формируя навыки прогнозирования последствий управленческих решений, а также эффективного участия в процессе принятия решений.

Тем самым публичное управление соединяет политическую науку и практический менеджмент, позволяя обеспечить защиту от некомпетентности [Классики теории государственного управления... 2003, с. 361–362]. Но для внедрения аналитического подхода в практику публичного управления необходимы определенные предпосылки. Во-первых, наличие профессиональных экспертов-аналитиков, обладающих соответствующими идеями. Во-вторых, освоение базовых теоретических концепций. В-третьих, желание ЛПР использовать аналитический подход на практике. В-четвертых – хорошо организованный процесс планирования, позволяющий прогнозировать будущее и оценивать последствия принятых решений [Классики теории государственного управления, 2003, с. 683–694].

В прошлом веке широко распространенным было эстатистское представление о публичном управлении, отводившее центральное место при разработке политического курса государству, т.е. политикам, занимавшим выборные должности, и акцентировавшее внимание на инструментах распоряжений и контроле исполнения. Согласно современному подходу к публичному управлению, формирование политического курса характеризуется договорными отношениями. При таком подходе утверждается важность политических институтов, отмечается возросшее значение принципа доверия к политическому курсу. Классическая политико-административная дихотомия, когда политики ответственны перед гражданами благодаря выборам, а госслужащие ответственны перед своим политическим начальством, не обеспечивает достаточной подотчетности, чтобы говорить о гласном и ориентированном на общественные интересы демократическом управлении. Появляется новая формула, согласно которой госслужба ответственна как перед политиками, так и перед гражданами, которым служит [O'Flynn, 2007].

Однако такая система способна институционализироваться только при взаимном доверии всех заинтересованных сторон.

Доверие государства, граждан и бизнеса как ключевой элемент современного функционирования властно-управленческих отношений было использовано при разработке концепции «руководства» (governance), которая рассматривается как дальнейшее развитие идей нового государственного менеджмента, позволяющее соединить политическую подотчетность концепции политико-административной дихотомии и эффективность менеджеризма [Кjæг, 2004, р. 191].

Понятие «руководство» оттеняет значимый аспект в управлении общественными делами посредством налаживания сети партнерских отношений, а не обычного администрирования. При этом именно государство берет на себя инициативную функцию сотрудничества, становясь партнером формирующейся кооперации, а не традиционно доминирующим и властным институтом, навязывающим свой стандарт деятельности. В противовес идеи государственного управления как иерархически организованной системы концепция «руководства» предлагает новый тип управления, основой которого являются сетевые структуры взаимодействия государственных, частных и общественных организаций [Кjæг, 2004, р. 197].

Данное концептуальное направление, в основе которого лежит понятие «политическая сеть» (policy network), стало популярным и влиятельным среди теоретиков государственного управления [Государственная политика и управление... 2006, с. 39; Михайлова, 2012]. Концепция политических сетей имеет в основании ту же идею, что и новый государственный менеджмент: современному государству не удается обеспечить удовлетворение общественных потребностей, а поэтому есть настоятельная потребность заменить иерархическое администрирование на новую форму управления. Но если NPM в поисках новых подходов делает акцент на рыночной экономике, то теория политических сетей ставит в центр анализа коммуникативные процессы постиндустриального общества и демократическую практику современных государств. Для производства общественных благ государство все более и более зависит от других акторов и субсистем; в этой ситуации взаимозависимости между общественными и частными акторами ни иерархия, ни рынок не являются эффективными

структурами для координации интересов и ресурсов различных акторов, включенных в процесс производства политических решений; как результат, доминантной моделью управления становятся политические сети [Сморгунов, 2001]. Политические сети отличаются разнообразием механизмов управления, включающих не только государственные и негосударственные политические структуры, но и бизнес, а также совокупность различных элементов гражданского общества разных уровней – от международного до локального. Таким образом, сети управления могут состоять из ряда различных разноуровневых институтов, объединившихся для решения какой-то конкретной управлеченческой задачи [Deliberative policy analysis... 2003].

Сетевой подход к государственному управлению является не только отражением споров, которые ведутся между представителями различных управлеченческих теорий, но и ответом на изменения условий, в которых осуществляется управление общественными процессами. Действительно, экология публичного управления за последние десятилетия существенно изменилась, что заставляет искать новые модели управления помимо рыночных и иерархических. Плюрализация общественных структур, сложность взаимоотношений между различными группами населения, высокий уровень общественных потребностей и ожиданий, возросший масштаб неопределенности и риска, глобализация мировой экономики и развитие социальных сетей, информатизация общества, падение доверия населения к правительствам и государственным органам управления в целом – все это и многое другое привело к пересмотру традиционных управлеченческих подходов. Причем, в отличие от нового государственного менеджмента, сетевая концепция не умаляет, а, наоборот, подчеркивает роль и особенности публичной сферы.

С позиций данной модели «качественное» государственное управление (*good governance*) определяется отнюдь не силой государства, ориентированной на выполнение принятых решений, а его способностью создавать и поддерживать сетевые структуры, в рамках которых оно совместно с частными личными и групповыми интересами вырабатывает эффективную систему управления обществом внутри и вне государственных границ. Тем самым меняются не только формы, но и сам способ формирования стратегии государственного управления. В итоге теряет смысл классический вариант трактовки «качественного» государственного управления.

Одновременно в рамках этой модели неактуальна задача формирования институтов управляемости в том виде, как она существует для транзитных государств. Сетевая модель государственного управления – это модель партнерских отношений государства и общества, прошедших этап модернизации. Отсюда сетевая модель часто называется «управление без правительства» (*governance without government*) [Bovaird, 2005, p. 217–218].

П. Джон и А. Коул подчеркивают, что понятие «руководство», обозначающее политическое влияние через диффузные сети производителей решений, заменяет собой понятие «правительство» как осуществление институциональной власти [John, Cole, 2000]. Подобное управление отличается как от администрирования, при котором источником политических решений выступает исключительно политическое руководство, так и от рыночной (менеджериальной) модели с ее акцентом на контрактных отношениях, где каждый участник старается максимизировать свою выгоду.

В итоге следует отметить, что сетевая модель публичного управления пытается дать ответ на вызовы глобализации и децентрализации. Посредством многочисленных институтов обмена ресурсами, информацией, согласования политики и решений она показывает новые формы коммуникации граждан с политическим руководством государства и государственными служащими, а следовательно – новые формы контроля, подотчетности и механизмы согласования интересов.

Таким образом, современность меняет основные целевые, функциональные, структурные принципы построения государственного управления, осуществляя парадигмальный сдвиг в понимании его места и миссии в отношениях государство – рынок – гражданское общество. К старой парадигме относится бюрократическая модель государственного управления, к новой парадигме относятся модели нового государственного менеджмента и сетевая. Вместе с тем в транзитных странах концептуальный выбор, возможно, должен в большей степени ориентироваться на национальную модель государственного управления, что не является попыткой создать теоретическую конструкцию, рядоположенную с бюрократической, менеджериальной или сетевой моделями. Национальная модель государственного управления – это определение ориентиров для стратегии реформ: с помощью реализации современных теоретических подходов разработать адаптивный к

потребностям общества сценарий преобразований, с одной стороны, учитывающий его национальные и исторические особенности, культурный потенциал, с другой – включающий каналы постепенной трансплантации передовых институтов и процессов управления, показавших свою эффективность в развитых странах.

Теоретические и практические предпосылки развития публичного управления в России

В нашей стране представления о публичном управлении длительное время развивались без самостоятельного дисциплинарного оформления, главным образом как учение о государстве и праве. Как в жизни, так и в теории налицо был «административный захват» публичного управления. Итогом данной ситуации является потеря центральных понятий публичного управления: «общественная сфера» и «общественный интерес» [Политико-административное управление... 2004, с. 30]. Публичная сфера приватизировалась, превращаясь в государство-корпорацию, акционерами которой являлась лишь небольшая группа избранных «победителей модернизации» [Anderson, Reid, Ryterman, 2003].

Для России всегда характерно было смешение административных и политических функций бюрократии, в результатественные отношения ориентировались в большей степени на силовое воздействие, чем на формирование коммуникационных каналов от гражданского общества к правительству и обратно. Вновь и вновь требовал своего разрешения управленческий парадокс. С одной стороны, политическая элита нуждалась в огромном административном аппарате для проведения в жизнь своей политики, с другой – рост самостоятельности и значения бюрократии вел к потере управляемости, угрожающей стабильности и даже существованию всей системы. Возникла неопределенность при делегировании власти, на которую обращают внимание ученые: «Политики не могут предвосхитить проблемы, возникающие в процессе управления, точно так же, как не могут предсказать, какие предпочтения будут у чиновников или как изменится судьба заинтересованных в исполнении правительенной программы групп» [Вест, 2012, с. 139]. Типичные проблемы классической бюрократической модели

«принципал – агент» находили свое яркое проявление в многочисленных реформах государственной службы.

Начиная с введения Петром I в 1722 г. знаменитой «Табели о рангах» все внимание сосредоточивалось на попытках повысить традиционно низкую эффективность государственного аппарата, преодолеть апатию чиновничества и крайнюю медлительность «вращения бюрократических колес». В основе «Табели о рангах» были идеи рационализации государственного управления, связанные с камералистикой, поскольку ее цель заключалась в унификации порядка получения чинов, продвижения по службе в зависимости как от заслуг и достоинств, так и от выслуги лет. Тем самым было положено начало тенденции внедрения рациональных, европейских принципов организации государственного управления в России. Однако эти попытки, как правило, наталкивались на сопротивление сложившейся в России так называемой патрон-клиентельной системы государственной службы, для которой были характерны персоналистские критерии принятия на службу, неопределенность компетенции, отсутствие обратной связи от населения и ответственность только перед «верхом», произвол в продвижении кадров, отсутствие профессионально ориентированной системы подготовки и переподготовки государственных служащих.

Многие специфические тренды российского государственного управления были выделены историками и правоведами еще в XIX в., на что обращает внимание один из известных специалистов по проблемам российской модернизации А.Н. Медушевский. Он подчеркивает значимость трудов «государственной школы» [Медушевский, 1997], сумевших показать противоречия формирования государственного управления и культурной среды в процессе политической модернизации.

Действительно, «государственная школа» оставила интересные и оригинальные идеи о путях и особенностях реформ государственного управления в России, выдвигая в качестве основной проблемы русской истории соотношение общества и государства на отдельных ее этапах. Согласно работам видных юристов и историков этого времени – С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, А.Д. Градовского, а позже В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова – сословное начало в России, в отличие от Европы, не столько было продуктом процесса социально-экономического развития, сколько

вырастало из необходимости создать такую систему управления обществом, которая функционировала бы как единое целое.

Русская государственная школа показала невозможность заимствования западных социальных и правовых институтов путем их простого «пересаживания» в русское общество без существенной трансформации в соответствии с его историческими и культурными особенностями. Доказывалось, что в условиях господства натурального хозяйства, слабого развития обмена и товарно-денежных отношений обеспечение мобилизации материальных и людских ресурсов могло производиться только за счет распределения государством повинностей по различным слоям населения. При таком подходе государство предстает как демиург сословного строя: оно рассматривается как сила, стоящая над обществом, над классами, но в то же время выражающая состояние общества. Результатом был сложившийся в течение веков консенсус о тяготах (налогах), взимаемых в пользу государства с различных слоев населения, что обеспечивало политическую стабильность. Для этой системы характерны лишь два взаимоисключающих состояния: механическая стабильность, переходящая в апатию (в период усиления государственного начала), или обратное состояние – дестабилизация, переходящая в анархический протест против государства (в случае его слабости). Когда старая государственность распадается, возникает состояние анархии, порожденное вакуумом власти.

Таким образом, представители русской государственной школы ставили и пытались решить традиционную проблему специфики российского варианта политико-административных реформ, и прежде всего их социокультурной среды. Однако выводы и рекомендации крупных российских историков и юристов XIX в. не стали ориентирами для проведения реформ государственного управления ни при их жизни, ни впоследствии. Как отмечают современные российские специалисты по политической истории, последовательность, взаимодополнительность и пошаговость не характерны для российских реформ, а государство во время их проведения ориентируется не на социально-экономическое развитие, а на укрепление властных (силовых) институтов и территориальное расширение, в том числе в процессе многочисленных реформ XX столетия вплоть до 1990-х годов [Пивоваров, Фурсов, 1999].

Через 100 лет после реформ XIX в. к проблемам государственного управления подошли экономисты-математики. Это было

время актуализации тематики *public policy*, т.е. попыток за счет методов точных наук рационализировать процесс принятия государственных решений и способы их коррекции. В СССР в начале 1960-х годов экономисты развернули дискуссию по вопросам оптимального планирования. В этот период в США получили распространение идеи оптимизации деятельности государственных органов за счет широкого использования количественных методов в государственном управлении. Как уже отмечалось, из *public administration* как науки обоснования эффективных способов воплощения принятых политиками решений выделилась *public policy*, в предметное поле которой входили не только способы имплементации заданных извне целей, но и сам процесс их разработки [The Oxford handbooks... 2006, p. 64]. Одновременно появился политический анализ как система аналитических инструментов оптимизации процессов принятия и выполнения политико-административных решений. Такое внимание к методикам типа анализа «затраты – выгоды» (*cost – benefit analysis*) во многом было связано с применением системы программирование-планирование-бюджетирование (*Policy Planning Budgeting System (PPBS)*), вызвавшей резкое усиление потребности в экспертно-аналитическом обосновании принимаемых государственных решений.

Аналогично и в СССР были предприняты попытки обратиться к задачам государственного управления, традиционно относимым к гуманитарной сфере, – с позиций точного знания. Поскольку науку публичного управления, так же как и политическую науку, в СССР не признавали, наиболее значимыми для теории государственного управления в этот период были работы экономистов-математиков (В.С. Немчинова, В.В. Новожилова, Л.В. Канторовича). Они развивали оптимизационный подход в государственном планировании [подробнее см.: Классики теории государственного, 2008, с. 616–661]. Взгляд на народное хозяйство как на систему с единым центром управления и системой целей позволял создать эффективное средство организации гигантского информационного материала и обоснованного выбора решений. При этом принимаемые на разных уровнях решения должны были быть согласованы между собой балансовыми материальными соотношениями и следовать основным народнохозяйственным целям. Таким образом, обосновывалась возможность децентрализованных решений с соблюдением общих интересов комплекса за счет правиль-

ного формирования оценок в локальных моделях. Ученые ставили задачу создать систему информации, отчетности, показателей и стимулов, которая позволяла бы локальному органу управления оценить выгодность тех или иных его решений с точки зрения хозяйства в целом. Таким образом для локального органа управления выгодным становилось то, что было выгодно для всей системы, такая система допускала возможность контроля правильности управлеченческих решений с позиций всего хозяйства страны.

По существу, речь шла об аналоге PPBS с ориентацией на слияние процессов формирования политических решений и бюджетирования, вытекающего из комплексных оценок воздействия государственной политики на экономические процессы. Данный подход рассматривал публичное управление как распределение и перераспределение ресурсов на разных уровнях государственной иерархии на основе постоянно корректируемого политического выбора. Понятно, что, в отличие от США, в СССР эти идеи так и не были применены на практике, хотя разработчики теории оптимального планирования получили Ленинскую премию, а Л.В. Канторович – Нобелевскую премию по экономике, правда, за другие, более ранние исследования в области линейного программирования.

После распада СССР существенно активизировались исследования публичных институтов как управлеченческих конструкций. Теоретические исследования в новых условиях стремятся найти баланс политики и управлеченческого механизма ее осуществления, т.е. показать пути достижения соответствия между политическими целями и инструментами управления (проектными, процессными, сетевыми). Например, внутри системы государственного управления выделяются функции, направленные на осуществление решений политических органов государства, и определяются структуры, необходимые для выполнения этих функций. Такого рода исследования тесно связаны с запросами практики государственного и муниципального управления [Клименко, 2011].

В начале XXI в. низкий уровень управляемости побудил высшее политическое руководство страны провозгласить курс на радикальную административную реформу в русле идей нового государственного менеджмента. В 1999 г. по инициативе президентской администрации под руководством Г. Грефа был создан Центр стратегических разработок, подготовивший ряд проектов реформы государственного управления. Некоторые из этих проектов были

положены в основу административной реформы и реформы государственной службы в 2000-е годы.

В 2001 г. была принята разработанная при участии большой группы ученых-экспертов Концепция реформирования системы государственной службы. Концепция впервые в российской политико-административной практике использовала программно-целевой дизайн реформирования [см.: Риски реформирования... 2007]. На ее основе сформировалось современное законодательство о государственной службе РФ, была принята первая федеральная программа реформирования государственной службы (2003–2005). Однако усилия по внедрению в практику этих идей не принесли желаемых результатов, прежде всего, из-за отсутствия механизма реализации выработанных рекомендаций, который бы совмещал теоретическую модель, экспертно-аналитические разработки и организационно-методические мероприятия. Вместе с тем административная реформа вызвала большой поток публикаций, стремящихся дать оценку целям реформы, методам осуществления, практическим результатам. Наряду с работами экономистов, юристов, социологов среди этих публикаций достойное место занимают работы представителей политической науки, акцентирующих проблематику связи политического режима и целей реформы [Административные реформы... 2008; Соловьев, 2010], ее теоретического обоснования [Сморгунов, 2003], место групп интересов в политико-административных преобразованиях [Перегудов, 2003], условий и политических последствий административной реформы [Соловьев, 2004; Соловьев, 2010; Комаровский, 2005; Перегудов, 2011], сравнительной перспективы изменений в публичном управлении [Гаман-Голутвина, 2007; Сморгунов, 2012].

Понятен и критический настрой многих экспертов в отношении идей нового государственного менеджмента, пришедших к нам из ангlosаксонских стран и ставших на определенном этапе основным ориентиром административной реформы. «Сервисный» характер государства в условиях неразвитых контрактных форм обмена ресурсами, вотчинных и клановых типов трансакционных культур привел к росту подрывных институтов, превалированию неформальных правил и в конечном счете – к превращению коррупции в системное явление государственного управления [Административные реформы... 2008].

Оценивая современное состояние административной реформы, многие аналитики заговорили о неперспективности модели нового государственного менеджмента для России и необходимости переориентации реформы на модель рациональной бюрократии. В пользу последней выступала действовавшая до 2013 г. программа реформирования государственной службы, где значительное место занимали мероприятия по регламентации и стандартизации деятельности чиновников. Одновременно стали громче голоса тех, кто прокламирует идеи особой, сугубо российской модели модернизации государственного управления, способной объединить NPM и бюрократию. Серьезную аргументацию получила идея необходимости детальной проработки проблем управления изменениями [Итоги 10 лет административной реформы и задачи на перспективу, 2014].

Достижения отечественной школы публичного управления

Российская школа публичного управления развивается, повторяя общемировые тренды, хотя несколько запаздывая. На данном этапе определенно можно утверждать, что теоретические основания данной научной дисциплины сформировались, к ним относятся классическая школа государственного управления, новый государственный менеджмент, концепция «руководства» (Governance), теория политических сетей (Policy Network), концепция способности государства (State Capacity). Опубликованы фундаментальные работы таких авторов, как О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Оболонский, А.Н. Олейник, Г.В. Пушкарева, Л.В. Сморгунов, А.И. Соловьев [Государственная политика... 2012; Оболонский, 2011; Олейник, 2011; Политико-административные отношения... 2010; Политический класс в современном обществе, 2012; Пушкарева, 2014; Элиты и общество в сравнительном измерении, 2011].

Для формирования целостного представления о характере трансформации государственного управления в постсоветский период исключительно важное значение приобретают концептуальные идеи неоинституционального анализа реформ как целенаправленных процессов институциональных трансформаций, а также об «институциональных ловушках» – устойчивых неэффективных равновесиях институтов, поддерживаемых доминирующими об-

щественными акторами [см.: Гельман, 2010]. Сравнительный метод применялся при анализе эффектов использования бюрократической, менеджеральной и сетевой моделей организации государственного управления в развитых странах и России как стране «догоняющего развития» [Сморгунов, 2012].

В последние годы опубликован ряд базовых учебников по государственному управлению [Оболонский, 2011; Государственная политика, 2012; Купряшин, Соловьев, 2013; Рой, 2013; Купряшин, 2015].

Экспертная ориентированность публичного управления приводит к выделению достаточно большого числа субдисциплин, предметы изучения которых ориентированы на потребности политико-административной практики:

- управление государственной службой;
- функции и структуры органов власти;
- процессы межорганизационного взаимодействия;
- управление по результатам;
- взаимодействие государства с гражданским обществом (антикоррупционная борьба, государственно-частное партнерство);
- лоббирование и связи с государственными органами;
- анализ и оценивание программ и политик.

А.Г. Барабашев и В.В. Уткина выделяют 23 предметных поля исследований в отечественной школе по государственному и муниципальному управлению, признавая, что в основном они аналогичны структуре публикационной активности зарубежных коллег, хотя и наблюдается отставание ряда направлений, например по проблематике инноваций или управлению НКО [Барабашев, Уткина, 2014, с. 13]. Вместе с тем в последнее время появляются новые и перспективные направления исследований, среди которых хотелось бы выделить работы А.И. Соловьева по латентным отношениям в государственном управлении [Соловьев, 2011], качественно развивающие идеи, заложенные А.В. Леденевой в ее трудах по теневым управленческим сетям и такому коммуникативному инструменту, как блат [Ledeneva, 1998; см. также: Ledeneva, 2013].

Отмечается быстрый рост количества публикаций по тематике публичного управления, когда более 250 российских журналов по базе РИНЦ в своих аннотациях прямо указывают, что принимают к публикации работы в области государственного и муниципального управления [Барабашев, Уткина, с. 6]. Появились

авторитетные научные журналы, специализирующиеся в данной области, например «Вопросы государственного и муниципального управления», «Власть», «Государственная служба», «Вестник государственного и муниципального управления», Вестник Московского университета. Серия «Управление (государство и общество)» и другие. С 2004 г. в НИУ ВШЭ под руководством Д.Б. Цыганкова успешно действует коллоквиум «Оценивание программ и политик: методология и применение», ставящий цель способствовать выращиванию в России оценки программ и политик как профессии и научно-образовательного направления. Создана Ассоциация специалистов по оценке программ и политик, проводящая серию специализированных семинаров, материалы которых периодически издаются. Весомую координирующую и структурирующую функцию в достаточно разношерстном пространстве научных работ в области публичного управления вот уже 10 лет выполняет ежегодно проводимая в МГУ им. М.В. Ломоносова международная конференция «Государственное управление в XXI в.: традиции и новации», собирающая как вузовских, так и практикующих специалистов из России, практически всех стран постсоветского пространства, многих государств «дальнего зарубежья».

Созданы Центры политической аналитики и консалтинга, функции которых достаточно разнообразны и могут варьироваться в зависимости от конкретного проекта, а также формы организации интеллектуального центра. В отличие от университетов и научно-исследовательских институтов, сформировавшихся в советский период, аналитическим центрам свойственен более практический подход к решению общественно-политических проблем: это концептуальные разработки, содержащие конкретные предложения по решению организационно-административных и финансовых вопросов. Выступая в роли экспертов, такие центры не только занимаются всесторонним анализом ключевых политических задач, но и принимают активное участие в обсуждении связанных с ними проблем. Следует назвать такие аналитические центры, как Институт экономики переходного периода, Экспертный институт при Российском союзе промышленников и предпринимателей, Центр стратегических разработок, Аналитический центр при Торгово-промышленной палате, Фонд «ИНДЕМ», Московский центр Карнеги и др. Менее академичные и более гибкие экспертные группы объединены в небольшие российские «мозговые фабрики», вы-

полняющие в основном краткосрочные контракты по заказу для политических структур. Производимым экспертным продуктом являются политические технологии, стратегии, прикладная аналитика и политический консалтинг. Яркими примерами могут служить Центр политических технологий (ЦПТ), Центр политического консультирования «Николо М», Фонд аналитических программ «Экспертиза», Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Фонд эффективной политики.

Эффективность экспертных форм общественного участия зависит от желания власти взаимодействовать с экспертными организациями. Практика публичного управления постоянно сталкивается с новыми вызовами, справиться с которыми без помощи экспертов нельзя. Современный финансовый и экономический кризис вынуждает власти пересматривать долгосрочные стратегии и планы развития и обращаться к ученым в поисках новых идей и моделей. Формы участия в процессе выработки государственных решений достаточно многообразны: это и проведение более глубокого, по сравнению с проводимым государственными органами, анализа ситуации, использование более широкого арсенала методов и способов изучения и решения проблем, более открытый характер исследований. Деятельность центров, являющихся в большинстве своем негосударственными, требует создания каналов постоянного взаимодействия с госорганами, т.е. участия в конкурсах проектах. Соответственно, госорганы должны иметь возможность открыто проводить тендер, согласовать и сформировать заказ на предпроектное исследование. Такие заказы на научно-исследовательские работы формируются департаментами Минэкономразвития для проведения открытого конкурса между связанными с министерством исследовательскими структурами. Хорошим примером являлась масштабная совместная работа чиновников и экспертов в ходе подготовки правительственной концепции долгосрочного развития до 2020 г. В лексиконе государственных должностных лиц и политиков привычными стали термины «сценарный прогноз», «стратегическое планирование», «программный подход», «сравнительная оценка результатов».

Естественно, что достижения в исследовательской работе тесно связаны с образовательной деятельностью. Можно с полной уверенностью утверждать, что вузовская специальность «государственное и муниципальное управление» после ее введения в сер-

дине 90-х годов стала одной из наиболее популярных для российских абитуриентов. Тематика государственного управления и политики стала необходимой составляющей государственного образовательного стандарта по подготовке бакалавров-политологов. В последние годы все более активно развиваются магистерские программы по этому направлению, например «Стратегическое государственное управление», «Антикризисное управление», «Региональное и местное управление». Кроме того, постепенно растет интерес к программам МРА (магистр государственного администрирования).

Вместе с тем в номенклатуре научных специальностей ВАК до сих пор нет специальности, которая могла бы охватить весь спектр направлений исследований в рамках публичного управления и публичной политики.

Проблемы в России науки публичного управления

Практически все исследователи констатируют недостаточный уровень разработанности проблем трансформации государственного управления как системы с учетом сложного институционального механизма данного процесса. Как отмечает А.Г. Барабашев, реформа государственного управления страдает из-за слабой концептуальной проработанности, что проявляется в отсутствии стратегического подхода к проводимым мероприятиям [Барабашев, 2007, с. 25]. Продолжает быть актуальной задача преодоления разорванности науки публичного управления между разными дисциплинами – политологией, экономикой, юриспруденцией, социологией, историей [Государственная политика и управление, 2006, с. 3]. Анализ публикаций по проблемам публичного управления показывает, что наблюдается отставание по методам исследования: среди российских статей много описательных работ с неясно сформулированными исследовательскими гипотезами, с отсутствием акцентированного метода. В отечественной литературе намного меньше, нежели в статьях международных научных журналов по публичному управлению, сформулированных предложений, имеющих проектный характер и готовых к применению в практике управлеченческой деятельности [Барабашев, Уткина, 2014, с. 13].

Многоаспектность и сложность изучения государства как субъекта управления подчеркивает Л.В. Сморгунов, выделяя среди направлений политики модернизации совершение институциональных условий проводимых преобразований. По его мнению, это повышает роль государства в трех отношениях: во-первых, государство способствует формированию институциональной базы модернизации, во-вторых, государство является важнейшим фактором и агентом общественной координации взаимодействий, и, в-третьих, перед государством стоит задача привлечь к публичным делам тех агентов, которые по своей природе ориентированы на частные интересы. Для этого нужны определенные способности, которыерабатываются в ходе политico-административных трансформаций [Сморгунов, 2010]. Таким образом, признание современной политической наукой исключительной роли государства в качестве института, интегрирующего и координирующего социальные взаимодействия (концепция «governance»), а также наделение новыми функциями органов исполнительной власти в сфере публичного управления поставили вопрос об их способности формулировать стратегические цели, принимать решения в отношении сроков и ресурсов изменений, определять способы решения задач, уметь минимизировать издержки, формировать компетентные управленческие команды, т.е. о способности управлять реализацией согласованной с обществом государственной политики.

Но на пути решения научных проблем возвышается главный российский политico-административный барьер – непубличность государственного управления. Система государственного и муниципального управления остается закрытой и для общества, и для исследователей. Далеко не все острые экономические и социальные проблемы включаются в политическую повестку дня. Поскольку никаких открытых процессов принятия государственных решений не существует, то ни сторонники, ни противники возможных путей решения этих проблем не заявляют о себе открыто. Тем самым политическая власть демонстрирует свою способность избегать решений, что не менее важно, чем способность влиять на них. В результате в отечественной практике имеет место невостребованность научных исследований в области государственного управления. Государственные органы не осведомлены о последних теоретических разработках в профильных областях научного знания и при принятии решений не учитывают развитие теории пуб-

личного управления, поэтому практика консультирования государственных органов в России носит противоречивый характер, что обусловлено как проблемами самих государственных органов (реорганизация системы исполнительной власти, реформа государственной службы и бюджетного процесса), так и практикой установления и закрепления внеинституциональных отношений, когда деятельность аналитических структур воспринимается как средство легитимации государственной политики или закрепления корпоративных бюрократических и экономических интересов.

Анализируя практическую реализацию принципа публичности государственного и муниципального управления, стоит отметить существование двух тормозящих факторов.

Во-первых, имеется существенный недостаток первичной информации в самих органах исполнительной власти. Трудно говорить о полноте предоставляемой информации в ситуации, когда ее никто не учитывает. Федеральная служба государственной статистики не отслеживает многие содержательные стороны деятельности органов государственного и муниципального управления. Например, в результате проблемы «невидимости» малого бизнеса в государственном (муниципальном) статистическом учете, экономическом мониторинге, анализе, прогнозировании, бюджетном планировании обираются законами и правоприменительной практикой, которые можно оценить как «плохое государственное управление». При прочих равных условиях это проявляется тем сильней, чем меньше известно лицам, принимающим властные решения, о действительном состоянии, реальных правилах ведения бизнеса под их административным контролем и регулированием.

Во-вторых, налицо отсутствие заинтересованности самих чиновников в предоставлении открытого доступа к информации, связанной с их деятельностью. Существование тесной взаимосвязи интересов государственных служащих и бизнес-структур, безусловно, препятствует прозрачности системы государственного управления. Отсюда его экспертная слабость и тромбированность подпитки научных разработок, когда при слабом социальном заказе трудно ожидать высокой мотивации ученых. В настоящее время явно недостаточное внимание в органах государственного управления уделяется аналитическому обеспечению собственной деятельности. При всей специфике аналитической работы в различных государственных органах главной и общей проблемой остается

недостаточная отработанность технологии использования информационно-аналитических материалов при подготовке решений. Реформы, предлагаемые правительством и его органами, – это не продукт общественного или экспертного обсуждения, а то, что рождается в недрах самой системы. Формально созданы обширные структурные подразделения, задействованы финансы и квалифицированные специалисты, однако результаты проведенных исследований используются далеко не всегда, иногда они просто блокируются. Общим недостатком аналитического обеспечения процесса принятия решений является: необязательность экспертизы принимаемых решений, т.е. возможность принятия волевого, не основанного ни на каком анализе решения.

В последнее время в России активно развивается институт так называемого цивилизованного лоббизма – Government Relations (GR), или связей с государственными органами. В структурах корпораций все чаще стали создаваться специализированные структуры по связям с госорганами – GR-отделы. Деятельность GR-отделов является отражением назревших изменений в механизмах представительства интересов бизнеса в России и представляет компонент институционализированного взаимодействия органов государственной власти и бизнес-структур. Однако до настоящего времени в российском GR прослеживается следующая устойчивая тенденция: российские компании предпочитают искать покровителей среди крупных чиновников, а не тратить деньги на публичные акции. Это объясняется тем, что рычаги принятия ключевых решений сосредоточены в руках кремлевской администрации, ряда высших должностных лиц исполнительной власти. В связи с этим вложения в публичное пространство – от работы с политическими партиями (помимо «Единой России») до выстраивания внутрироссийского имиджа компаний – остаются малоэффективными. В России еще не сложились устойчивые технологии и практика цивилизованных «связей с правительством», недостаточно литературы, теоретических разработок и рекомендаций для этого типа менеджмента. Это приводит к тому, что в разных бизнес-структурах существуют собственные представления и особое понимание того, что есть GR-менеджмент и как он должен быть организован [Бизнес и власть в современной России... 2010]. Для дальнейшего развития GR-менеджмента в России необходима сис-

тематизация имеющихся практик и распространение опыта наиболее успешных в этой области организаций¹.

В целом, несмотря на внутренние и внешние проблемы и препятствия, публичное управление развивается как профессия, наука и образовательная деятельность. Учитывая ту роль, которую государство и государственное управление играют в России, востребованность научного, экспертного и организационно-методического знания должна проявить себя в формировании партнерских отношений между исполнителями-администраторами и исследователями-аналитиками, основанных на доверии и взаимных интересах. Эти интересы требуют тесной совместной работы по формированию политического курса на федеральном, региональном и местном уровнях на базе рационального политico-управленческого анализа с ориентацией на общественный интерес, выявляемый посредством использования разнообразных форм общественного участия в обсуждении проектов государственных и муниципальных решений. Именно такая работа способна привести к качественному публичному управлению, что соответствует целям рационализации государственной политики.

Список литературы

- Административные реформы в контексте властных отношений: опыт постсоциалистических трансформаций в сравнительной перспективе / Под ред. А. Олейника, О. Гаман-Голутвиной. – М.: РОССПЭН, 2008. – 367 с.
- Барабашев А.Г. Теоретические ориентиры дальнейшего развития государственной службы Российской Федерации // Вопросы государственного и муниципального управления. – М., 2007. – Т. 1, № 1. – С. 19–52.
- Риски реформирования государственной службы России, или почему так трудно реформировать государственный аппарат / А.Г. Барабашев, Т.В. Зайцева, М.А. Краснов, А.В. Оболонский // Вопросы государственного и муниципального управления. – М., 2007. – № 2–3. – С. 91–124.
- Барабашев А.Г., Уткина В.В. Государственное управление в России: основные предметные области и тренды научных исследований // Вестник университета (Государственный ун-т управления). – М., 2014. – № 16. – С. 5–15.
- Бизнес и власть в современной России: теория и практика взаимодействия / Ред. А.Н. Шохин. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 352 с.

¹ Начало этой работы было положено в публикациях: [Толстых, 2007; Вуйма, 2008].

- Вест В.Ф.* Поиск теории структуры государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. – М., 2012. – № 4. – С. 136–158.
- Вуйма А.Ю.* Лоббирование. Как добиться от власти нужных решений. – СПб.: Питер, 2008. – 383 с.
- Гаман-Голутвина О.В.* Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Полис: Политические исследования. – М., 2007. – № 4. – С. 46–58.
- Гельман В.* Россия в институциональной ловушке // Pro et Contra. – М., 2010. – Т. 14, № 4–5. – С. 23–38.
- Государственная политика и управление: Учебник / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М.: РОССПЭН, 2006. – 384 с.
- Государственная политика: Учебное пособие / Под ред. А.И. Соловьева. – М.: Изд-во МГУ, 2012. – 544 с.
- Итоги 10 лет административной реформы и задачи на перспективу. Круглый стол // Вопросы государственного и муниципального управления. – М., 2014. – № 2. – С. 89–109.
- Классики теории государственного управления: американская школа. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 800 с.
- Классики теории государственного управления: Управленческие идеи в России. – М.: РОССПЭН, 2008. – 799 с.
- Клименко А.В.* Оптимизация присутствия государства: сокращение регулирующих функций, обеспечение прозрачности // Вопросы государственного и муниципального управления. – М., 2011. – № 2. – С. 187–192.
- Комаровский В.С.* Административная реформа в Российской Федерации // Полис: Политические исследования. – М., 2005. – № 4. – С. 172–178.
- Купряшин Г.Л.* Основы государственного и муниципального управления: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2015. – 500 с.
- Купряшин Г.Л., Соловьев А.И.* Теория и механизмы современного государственного управления: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2013. – 642 с.
- Латфуллин Г.А., Никитин А.С., Серебренников С.С.* Теория менеджмента. – СПб.: Питер, 2014. – 464 с.
- Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. – М.: РОССПЭН, 1997. – 650 с.
- Михайлова О.В.* Проблемы идентификации и оценки политических сетевых альянсов // Государственное управление: Электронный вестник. – М., 2012. – № 35. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2012/vipusk_35._dekabr_2012_g/pravovie_i_politicheskie_aspekty_upravlenija/mikhailova.pdf (Дата посещения: 20.02.2016.)
- Оболонский А.В.* Кризис бюрократического государства: Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. – 448 с.
- Олейник А.Н.* Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. – М.: РОССПЭН, 2011. – 440 с.
- Перегудов С.П.* Политическая система России в мировом контексте: институты и механизмы взаимодействия. – М.: РОССПЭН, 2011. – 430 с.

- Перегудов С.П.* Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. – М.: Наука, 2003. – 352 с.
- Пивоваров Ю., Фурсов А.* Русская система и реформы // *Pro et Contra*. – М., 1999. – Т. 4, № 3. – С. 176–197.
- Политико-административное управление: Учебник / Под ред. В.С. Комаровского, Л.В. Сморгунова. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 496 с.
- Политико-административные отношения: концепты, практика и качество управления / Под ред. Л.В. Сморгунова. – СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 2010. – 322 с.
- Политический класс в современном обществе / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: РОССПЭН, 2012. – 320 с.
- Пушкирова Г.В.* Политический менеджмент. – М.: Юрайт, 2014. – 365 с.
- Рой О.М.* Основы государственного и муниципального управления: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2013. – 448 с.
- Сморгунов Л.В.* Сетевой подход к политике и управлению // Полис: Политические исследования. – М., 2001. – № 3. – С. 103–112.
- Сморгунов Л.В.* Государство и политика модернизации // Вестник философии и социологии Курского государственного ун-та. – Курск, 2010. – № 2. – С. 133–138.
- Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2012. – 448 с.
- Сморгунов Л.В.* Сравнительный анализ политico-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «governance» // Полис: Политические исследования. – М., 2003. – № 4. – С. 43–53.
- Соловьев А.И.* Административная реформа как политический проект действующего режима // Вестник Московского ун-та. Серия 21. Управление (государство и общество). – М., 2004. – № 3. – С. 3–17.
- Соловьев А.И.* Институты власти и управления в стратегии российской модернизации: Проблемы и перспективы // Вестник Московского ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). – М., 2010. – № 3. – С. 3–20.
- Соловьев А.И.* Латентные структуры управления государством, или игра теней на лике власти // Полис: Политические исследования. – М., 2011. – № 5. – С. 70–98.
- Толстых П.А.* GR. Практикум по лobbизму в России. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 379 с.
- Элиты и общество в сравнительном измерении / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 431 с.
- Anderson J., Reid G., Ryterman R.* Understanding public sector performance in transition countries – an empirical contribution: Document of the World Bank. – Washington, 2003. – Mode of access: <http://www1.worldbank.org/publicsector/civilservice/UPSP%20final.pdf> (Дата посещения: 10.04.2015.)
- Aucoin P.* Administrative reform in public management: Paradigms, principles, paradoxes and pendulums // *Governance*. – San Diego, 1990. – Vol. 3. – P. 115–137.
- Birkland T.* An Introduction to the policy process: Theories, concepts, and Models of public policy making. – N.Y.: M.E. Sharpe, 2011. – 337 p.
- Bovaird T.* Public governance: Balancing stakeholder power in a network society // International review of administrative sciences. – Exeter, 2005. – Vol. 71, N 2. – P. 217–228.

- Deliberative policy analysis: Understanding governance in the network society / Ed. by Maarten A., Hajer M.A., Wagenaar H. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2003. – 324 p.
- Dunleavy P., Hood C. From old public-administration to new public management // Public Money & Management. – L., 1994. – N 14 (3). – P. 9–16.
- Frederickson H.G. The spirit of public administration. – San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997. – 288 p.
- Garson G.D., Overman E.S. Public management research in the United States. – N.Y.: Praeger publishers, 1983. – 278 p.
- Handbook of Public Administration / Ed. by Rabin J., Hildreth W.B., Miller G. – Boca Raton: CRC Press, 2007. – 816 p.
- Haque M.S. Significance of accountability under the new approach to public governance // International review of administrative sciences. – L.: Univ. of Exeter: SAGE publications, 2000. – Vol. 66. – P. 601–609.
- Hinderaker I. The study of administration: Interdisciplinary dimensions // Western political quarterly. – Sacramento, 1963. – N 16. – P. 5–12.
- Hood C. The tools of Government. – Chatham, NJ: Chatham House, 1984. – 190 p.
- John P., Cole A. When Do Institutions, policy sectors, and cities matter? Comparing networks of local policy makers in Britain and France // Comparative political studies. – L.: SAGE publications, 2000. – Vol. 33. – N 2. – P. 248–268.
- Kettl D.F. The Politics of the administrative process. – Washington, DC: SAGE publications, 2012. – 612 p.
- Kjær A.M. Governance. – Cambridge: Polity press, 2004. – 191 p.
- Ledeneva A. Can Russia Modernise?: Sistema, Power Networks and Informal Governance. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. – 305 p.
- Ledeneva A. Russia's Economy of Favours. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. – 232 p.
- March J.C., Olsen J.P. The New Institutionalism: organizational factors in political life // American political science review. – Cambridge, 1984. – Vol. 78, N 3. – P. 734–749.
- O'Flynn J. From New Public Management to Public Value: Paradigmatic change and managerial implications // The Australian journal of public administration. – Sydney, 2007. – Vol. 66, N 3. – P. 353–366.
- Osborn D., Gaebler T. Reinventing Government. How the entrepreneurial spirit is transforming the public sector. – N.Y.: Addison-Wesley, 1992. – 420 p.
- Public Management: the essential readings / Ed. by J. St. Ott, A.C. Hyde, J.M. Shafritz. – Chicago: Lyceum Books/Nelson-Hall publishers, 1991. – 551 p.
- The Oxford handbook of political institutions / Ed. by R.A. W. Rhodes. – Oxford: Oxford univ. press, 2008. – 816 p.
- The Oxford handbook of political science. – N.Y.: Oxford univ. press, 2006. – 1310 p.
- The Policy sciences / Ed. by H.D. Lasswell, D. Lerner. – Palo Alto, Calif.: Stanford univ. press, 1951. – 344 p.
- What is good governance? / UNESCAP. – Mode of access: <http://www.unescap.org/pdd/prs/ProjectActivities/Ongoing/gg/governance.asp> (Дата посещения: 16.05.2015.)
- Wildavsky A.B. Speaking truth to power: The art and craft of policy Analysis. – New Brunswick: Oxford, 1987. – 431 p.

А.В. ДАХИН*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА В РОССИИ: НА ПУТИ К УСТОЙЧИВОЙ НАУЧНОЙ ПОЛНОТЕ

Аннотация. В статье анализируется процесс становления политической регионалистики в современной России. Автор кратко характеризует как глобальный научный контекст региональных исследований, так и актуальные аналитические модели федерализма и регионализма, выделяя новые концептуальные подходы. Основное внимание фокусируется на особенностях развития политической регионалистики в России с 1990-х годов по настоящее время. Отмечаются достижения российской политической регионалистики, а также намечаются основные перспективы ее развития.

Ключевые слова: политическая регионалистика; федерализм; региональный политический режим; региональная политическая конкуренция; внутриполитическая регионалистика; международная политическая регионалистика.

* **Дахин Андрей Васильевич**, доктор философских наук, профессор, начальник управления научных исследований и проектов, заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, руководитель исследовательского комитета «Политическая регионалистика» Российской ассоциации политической науки (РАПН), e-mail: nn9222@yandex.com

Dakhin Andrey, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of Presidential Academy of National Economics and Public Administration (Nizhny Novgorod, Russia), Russia Political Sciences Association (Moscow, Russia), e-mail: nn9222@yandex.com

A.V. Dakhin
Regional political studies in Russia:
Towards sustainability and completeness

Abstract. The article represents observations of formation and development of the regional political studies as a separate branch of Russia political science. The author shortly describes international scientific context, issues of contemporary patterns of federalism and regionalism. The main focus is on features of development of Russia regional political studies since 1990 years to present days. In conclusion are noted main attainments of regional political studies in Russia, and also some most important dimensions for future progress are marked.

Keywords: regional political studies; federalism; regional political process; regional political regime; regional political competition; domestic regional political studies; international regional political studies.

Российская политическая регионалистика прошла значительный путь от состояния, когда специалисты различных отраслей советской гуманитарной науки отвечали на эмпирические и ситуативные запросы новой российской власти, до состояния, когда можно говорить об устойчивых признаках ее институционализации в качестве самостоятельной области научного знания. Мы наблюдаем поиски новой парадигмы политического знания, осуществляемые различными научными школами. Первоначальное накопление конкретных фактов начала 1990-х годов постепенно переходит к подбору «ключей» их концептуализации. Российская политическая регионалистика вплотную соприкасается с глобальной регионализацией политической науки, где принято выделять флагманские школы немецкой, американской, французской и т.д. политической науки. Научные школы разных стран стремятся сформулировать собственные оригинальные подходы к изучению России. Вопрос о вкладе отечественной политической науки о России в фонд мировой русистики постепенно стал предметом научной дискуссии. «Можно ли понять происходящие процессы в России, если исходить из мировой практики уже существующей демократии? И можно ли узнать что-то новое о демократии, если рассматривать ее с точки зрения развития современной России? Сегодня эти два вопроса для нас наиболее актуальны», – отмечают авторы знаковой коллективной монографии «Демократия в российском зеркале» [Демократия в российском зеркале, 2013]. Ре-

гионализация мировой политической науки создает новый объект политической регионалистики, который, с одной стороны, является предметом концептуальной рефлексии, с другой – в его границах происходит поиск новой отечественной научной парадигмы.

Международный научный контекст

Международные научные исследования достаточно давно включают в себя изучение региональных ниш, которые занимают отдельные страны. Региональные исследования в этом случае представляют собой изучение политических систем и процессов отдельных стран, выявление «генетических» особенностей их политических организмов и смыслов политической активности акторов. Достаточно сказать, что базовой единицей в структуре Международной ассоциации политической науки (IPSA) являются национальные ассоциации. С другой стороны, университетская политическая наука о регионах-странах организована на базе специализированных исследовательских центров, изучающих отдельные политики. Особенно интересны публикации по Китаю [Chang, Jian, Chih-Hsien, 1998; Yongnian, Wu, 2005], Южной Корее [Baeg Im, 2004; Lloyd, 2010 и др.], Индии [Lloyd, Rudolph, 2010 и др.], по государствам Африки [Posner, Simon, 2002 и др.] и т.д. Кроме того, объектом мировой политической регионалистики являются также и группы стран (надстранные регионы), которые воспринимаются как «генетически» сходные в своем политическом устройстве. В последние годы расширяются исследования таких надстранных регионов, как Азиатско-Тихоокеанский регион (см., например, специальный выпуск International Political Science Review, Vol. 32(5), 2011, который полностью посвящен теме качества демократии в Азиатско-Тихоокеанском регионе) [Morlino, Dressel, Pelizzo, 2011; Stockton, 2001], арабский мир [Murphy, 2009], Европа Восточная, Западная, Центральная, объединенная (ЕС) [Ciprian-Cain, 2004; Roberts, 2008 и др.], Латинская Америка [Mainwaring, Brinks, Perez-Liman, 2001; Inglehart, 1997 и др.], Африка [Lindberg, 2006 и др.], Австралия [Johnson, 2007 и др.], постсоветский регион [Bunce, Sharon, Wolchik, 2008 и др.] и др. В этом поле Россия рассматривается и как самостоятельный политический регион [Rosefiede, 2005; Contemporary Russian Politics, 2001; Javeline, Baird.

2011 и др.], и как часть постсоветского надстратового региона и СНГ [Slomczynski, Shahad, Zielinski, 2008; Beichelt, 2004; др.].

В рамках политической регионалистики развивается область сравнительных исследований, которые выявляют общие и отличительные черты различных территориально-политических акторов, создают базы данных для мониторинга их состояния [Varieties of democracy...; Мельвиль, 2007 и др.]. Вместе с тем происходит концептуализация представлений об архитектуре регионального политического пространства и предлагается линейка парадигм, в том числе «централизация – локальность» в ее связи с принципами демократии [Page, 1991 и др.], федерализм [Umbach, 2001; German, 2001 и др.], а также концепты многоуровневой системы [см.: Crozier, 2013; Kay, 2013], децентрализации [Amanor, Brown, 2003] и полицентричности [Aligica, Tarko, 2012; Ethier, 1998].

Использование в концептуальном глоссарии, описывающем пространственно распределенные политические системы, таких понятий, как «федерализм», «децентрализация», «сетевое государство», «многоуровневый» (*multi-level*), «полицентричный» (*polycentric*), «скрученный / спиралевидный» (*flemish*), позволяет говорить о широком теоретико-методологическом потенциале международной политической регионалистики, в развитии которой активное участие принимают отечественные ученые.

Так, в частности, российские ученые разрабатывают понятия «транснациональное пространство» и «международный регион» [Транснациональные политические пространства... 2011; Прохоренко, 2012], «межцивилизационное пространство» [Хатунциев, 2011], «(без)-опасное пространство» [Замятин, 2013], «потерянные а пространстве» [Иноземцев, 2014], «неконтролируемые территории» [Себенцов, Колесов, 2012], которые существенно расширяют диалектику «биполярности» и «многополюсности» [Симония, Торкунов, 2015], а также отечественные исследователи рассматривают вопросы нового концептуального определения статуса границы между политическими регионами разного типа [Силантьева, 2014; Пушкарёва, 2012]. Всё это позволяет заключить, что глобальная политическая регионалистика постепенно концептуализирует современные представления о региональной стратификации современного политического пространства, о его динамической подвижности и многоликости, а также о его взаимосвязи с суверенными территориально оформленными политическими акторами.

Отечественные специалисты также участвуют в составлении глобальной международной панорамы, представляя кейсы региональной политики на страницах иностранных научных журналов (В. Гельман [Gel'man, 2015 и др.], Г. Голосов [Golosov, 2006; Golosov, Shevchenko, 2005 и др.], А. Сергунин [Sergunin, Konyshев, 2014; Joenniemi, Sergunin, 2014 и др.], А. Макарычев [Makarychev, 2002 и др.], Р. Туровский [Turovsky, 2005; Turovsky, 2007 и др.], А. Дахин [Dakhin, 2008 и др.], А. Дука [Duka, Rutland, 2004; Duka, 2003 и др.] и др.).

Становление отечественной политической регионалистики

В 1990-е годы российская регионалистика формировалась как *внутриполитическая* регионалистика, погруженная в систематизацию и обобщение политических процессов в регионах России. Одновременно происходила модернизация советской теории международных отношений и мировой политической истории, в ходе которой подверглись обновлению представления о территориально-пространственных политических акторах в сфере международных отношений, геополитики, политической географии, сравнительном страноведении.

Так как современная политика протекает в режиме «*intermestic*»¹, т.е. активной взаимосвязи внешней (*international*) и внутренней (*domestic*) политической активности, а субнациональные регионы являются участниками глобальных международных процессов [Туровский, 2011; Дагбаев, 2015], то политическая регионалистика на субнациональном уровне смыкается с регионалистикой наднациональных, глобальных форматов, включая в единое

¹ Термин «*intermestic*» (интерместный) был введен в обращение американским политологом Б. Маннингом (B. Manning) для описания таких политик, которые неизменно зажаты между внутренней и международной (или по крайней мере двухсторонней) политикой. Торговля часто описывается как наиболее характерный случай интерместной политики, в которую вовлечены другие нации, и ее воздействие на внутреннюю политику глубоко укоренено в истории внутренней политики Америки. Р. Патнем и его коллеги называли сходное явление «игрой с двумя уровнями» (two-level games) в дипломатии, когда «дипломатические стратегии и тактика ограничены одновременно тем, что примут другие государства, и тем, что ратифицируют внутренне избирательные округа».

поле региональной стратификации регионы разной величины, от мирового города (Сингапур) до многосложного Европейского союза. Поэтому со второй половины 1990-х годов в российской внутриполитической регионалистике стали появляться исследования, посвященные международным аспектам политической активности российских регионов [Makarychev, 2001].

Хотя эмпирические базы внутриполитической и международной регионалистики заметно различаются, в первом случае – это субнациональные регионы страны, а во втором – суверенные акторы-страны, оба направления стимулируют развитие общей концептуальной основы, отвечающей на вопросы о природе политического пространства, его региональной стратификации, о границах суверенитета территориально-пространственных политических акторов.

В конце 1990-х годов политическая регионалистика как предметная область политологии представляла собой нечто аморфно-неопределенное, она далеко не всегда упоминалась в работах, посвященных структуре политической науки. Так, например, А.А. Дегтярёв в своей статье [Дегтярёв, 2000] выделяет 16 политологических субдисциплин, но регионалистики среди них нет. Автор показывает, что первоначально в структуре западной политической науки (1948) выделялись следующие компоненты:

- политическая теория (теория политики и история политических идей);
- публичные (государственные) институты (центральные, региональные, местные; законодательные, исполнительные и судебные), их структура и функционирование;
- политическое участие и давление граждан (партии, групповые объединения, общественное мнение);
- международные отношения (международные организации и мировая политика) [Дегтярев, 2000, с. 100–101].

Как видим, в этой структуре предметная область современной регионалистики «упакована» в теорию публичных / политических институтов и теорию международных отношений. Современный перечень исследовательских комитетов IPSA также не содержит политической регионалистики. Вместе с тем ее проблематика рассматривается рядом исследовательских комитетов, таких как «Сравнительные исследования местных властей и политик» (RC-05), «Политики и этничность» (RC-14), «Политическая и

культурная география» (RC-15), «Сравнительный федерализм и теория федерализма» (RC-28), «Отношения локальное – глобальное» (RC-47), «Административная культура» (RC-48).

Существование политической регионалистики как отдельной предметной области стояло под вопросом, данная ситуация требовала точной идентификации знаний, относимых к ведению политической регионалистики. В предыдущих публикациях уже приходилось определять этот комплекс знаний следующим образом: *к политической регионалистике относятся знания, отражающие аспекты строения и функционирования политического региона.* Ключевое понятие здесь – «политический регион», оно указывает на территориально выделенную область политического пространства, граница которого сопрягает внутреннее и внешнее поля его активности, а сам регион является субъектом политической деятельности и может претендовать на больший или меньший суверенитет.

Политический регион в таком понимании представляет собой таксономический тип политического пространства, который принципиально отличается от другого таксономического типа – «политического института». Иначе говоря, мы исходим из того, что политическое пространство делится на два измерения. Первое, *институциональное измерение* проявляется в том, что политическое пространство разбивается на различного рода политические институты (институты исполнительной власти, институты законодательной власти, партии, общественно-политические организации волонтеров, мозговые тресты и пр. организации), внутри которых и между которыми протекают политические процессы. Второе, *региональное измерение* проявляется в том, что политическое пространство разбивается на различного рода политические регионы (город, область, страна, союз стран и т.п. территориально определенные политические организмы).

При таком подходе предполагается, что политические институты и политические регионы взаимосвязаны, они сосуществуют в одном социальном пространстве / времени. Так, политические институты «привязаны» к тому или иному политическому региону, а в политических регионах функционируют различные политические институты.

Политическая регионалистика делает акцент на территориальной стратификации политического пространства, рассматривает его как базовую основу политики, в отношении которой институ-

циональная стратификация вторична. Соответственно, «анатомия» региона – это, в числе прочего, совокупность политических институтов, образующих его внутреннее политическое пространство и пространство его внешних отношений. Например, анализируя глобальные процессы, политическая регионалистика непременно фиксирует наличие тех или иных границ в общем пространстве глобальных взаимодействий и обращает внимание на состояние суверенитета отдельных территориально обособленных акторов (политических регионов). В отличие от этого в институциональном измерении, где взаимодействуют между собой институты образования, промышленного производства, торговли, науки, законодательной или исполнительной власти, тема границ и «государственных суверенитетов» либо вторична, либо вообще незаметна.

В политической регионалистике как отдельной субдисциплине развиваются две специфические теоретико-методологические области. Во-первых, это теория *региональной стратификации* политического пространства¹, т.е. теоретическое описание многообразия политических регионов, систематизация страт, выявление распределения регионов по стратам, анализ перемещения регионов в системе страт [напр.: Белозёров, Тикунов, Панин, 2008]. В результате может быть получена типология политических регионов, их страт и кластеров, динамическая модель их соотношения в действующем политическом пространстве.

Во-вторых, это целостное описание отдельных политических регионов, включая их историческую динамику. В результате могут быть созданы атласы² по регионам. Обычно такого рода атласы разрабатываются только для одного вида политического региона – для страны. Постепенно этот подход распространяется на сравнительные исследования иных видов политических регионов [см., напр.: Симонян, Кочегарова, 2014]. Так, в СССР существовал такой вид политического региона, как «союзная республика», в стране было 15 политических регионов. В настоящее время в России изучаются такие виды регионов, как «субъект федерации»

¹ Термин «региональная стратификация» был предложен в статьях: [Дахин, 1997; Дахин, 2003].

² Например: Белозёров В.С., Тикунов В.С., Панин А.Н. Атласная информационная система для изучения этнодемографических процессов в Ставропольском крае // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. – М., 2008. – № 1. – С. 39–44.

(85 политических регионов) [Фарукшин, 2005; Региональные политические процессы, 2013 и др.] и «федеральный округ» (девять политических регионов) [Федеральная реформа... 2003 и др.]. Основания для стратификации политических регионов могут быть как административные, так и экономические [Cooke, Christiansen, Schienstock, 1997 и др.], этнонациональные [Колосов, Себенцов, 2014 и др.], социокультурные [Дахин, 2000 и др.], политические [Орешкин, 2001]¹.

Перераспределение политической активности между «страной / государством» и субнациональными и наднациональными политическими регионами (ситуация «глобально-регионального беспорядка» [Peck, Tickell, 1994]) открывает для политической регионалистики новые исследовательские перспективы, интерес к которым будет только возрастать. Современный мир невозможно понять только в лекалах национальных государств. Страна / государство утрачивает свое монопольное значение, современный мир становится *мультирегиональным*. Это одна из реальностей, на фоне которой происходит становление политической регионалистики.

Основные этапы становления внутриполитической регионалистики в России. При подготовке главы мы использовали материалы о более ранних этапах эволюции внутриполитической регионалистики в России, что позволяет проследить актуальные тенденции ее развития за последние 10 лет [Авдонин, Баранов, Дахин, 2008]. Предложенная схема становления внутриполитической регионалистика привязана к реальному политическому процессу, в котором, как представляется, есть своя доминанта, меняющая систему отношений «центр – регионы» и, соответственно, предопределяющая возможности политической регионалистики.

1. *Этап институционального становления независимой России (первая половина 1990-х годов).* В этот период политические институты РСФСР как союзного государства преобразовывались в политические институты России как независимого государства.

Формирование политической регионалистики в России было связано, с одной стороны, с модернизацией советской гуманитарной и политической наук, а с другой – с процессом политического реформирования, который пришел в российские регионы сначала в

¹ Отметим также характерный термин «красный пояс» России, см.: [Туровский, 1999].

виде проекций федеральной политики, а затем в форме становления самостоятельной политической жизни. В открывшиеся «окна развития» устремились специалисты из различных областей науки и практики: представители философских, социологических, исторических, физико-математических, географических, юридических наук привносили в новую область исследований свой научный инструментарий, навыки и опыт, что делало политическую регионалистику этого этапа чрезвычайно разнородной и эклектичной¹. Собственно научный компонент был в этом потоке сравнительно невелик.

Важный фактор, стимулировавший развитие политической регионалистики в этот период, был связан с характером российских реформ, которые осуществлялись в форме «революции сверху» и протекали в условиях повышенной неопределенности, ослабления центральной власти, роста нестабильности и сепаратистских настроений в регионах. В федеральных структурах появились специалисты по региональной политике, которые стали затем важным ферментом для дальнейшего развития этой научной отрасли².

Открытие доступа к западной политической науке также было стимулирующим началом. Интерес к коммуникации с зарубежными коллегами был обоядным. Западная политическая наука также переживала смену парадигм в области российских исследований, переходя от традиционной советологии к изучению российской политики на совершенно новом материале в условиях открытости и снятия идеологических барьеров. Это взаимодействие также сыграло важную роль в развитии российской регионалистики³. В целом становление политической регионалистики на первом

¹ На это, в частности, обращали внимание В. Гельман и С. Рыженков в своем обзоре о развитии отечественной политической регионалистики: [Политическая регионалистика... 1998]. В этой работе второй половины 1990-х годов они полагали, что эта область познавательной активности к этому времени еще не приобрела статуса отрасли научного знания.

² Прежде всего, здесь можно отметить деятельность групп, сложившихся вокруг Л. Смирнягина и В. Тишкова, располагавших ресурсами поддержки исполнительной власти, что позволило им активизировать и научно-аналитическую работу.

³ В этом плане можно отметить активную деятельность Московского центра Карнеги, Института «Восток – Запад», а также ряда западных общественно-политических и научных фондов (Фонда «Фольксваген», Фонда Ф. Наумана, Фонда Ф. Эберта, Фонда Форда и других).

этапе выглядело достаточно противоречивым. С одной стороны, она формировалась в условиях повышенного общественного интереса, политического запроса, в обстановке новых возможностей. С другой – она подвергалась повышенному давлению ненаучной познавательной активности, переживала внутреннюю разнородность и эклектичность.

Тем не менее уже на этом этапе были сделаны первые шаги к институционализации политической регионалистики как научного направления. Прежде всего, они были связаны с деятельностью специалистов географического профиля, занимавшихся в советский период изучением политической географии зарубежных стран. По сравнению с другими специалистами, исследовавшими региональную проблематику в советский период, они обладали важным преимуществом – знакомством с политико-географическими исследованиями в зарубежной науке. Этот опыт, базирующийся на развитой эмпирической базе и теоретических обобщениях, оказался востребован федеральной властью. Он же облегчал взаимодействие с западными коллегами. Эти обстоятельства усиливали позиции политico-географического подхода, что позволило ему стать лидером на этом этапе становления отечественной политической регионалистики¹.

В какой-то мере это лидерство предопределило особое развитие политической регионалистики в отличие от других отраслей отечественной политической науки. Регионалистика формировалась как преимущественно эмпирическое направление, постепенно выстраивающее свой теоретико-методологический каркас, который и сегодня находится в процессе становления.

За пределами московского научного сообщества также наметились определенные центры активности, чаще всего возникавшие на базе академий госслужбы и институтов повышения квалификации (Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону) [Сунгурев, Распопов, Беляев, 2012]. Значимым событием на этом этапе стало создание НИИ регионологии при Мордовском госуниверситете (А.И. Сухарев, г. Саранск), НИИ Регионоведения на Северо-Западе России (А.П. Клемешев, В.С. Бильчак, г. Кали-

¹ Среди авторов этого направления следует назвать В.А. Колосова, Л.В. Смирнягина, Н.В. Петрова, О.Б. Глезер и др. См., в частности: [Колосов, 1988; Глезер, 1991; Каганский, 1993; Лившиц, Новиков, Смирнягин, 1994 и др.]

нинград). В Саранске была разработана одна из первых программ по регионоведению (1993–1994), опубликованы научные работы, а затем стал выпускаться журнал «Регионология» [Бильчак, Самсон, Федоров, 1999 и др.]. Журналы по междисциплинарной региональной тематике появились также в Новосибирске («Регион: экономика и социология»), Пензе («Земство»), Санкт-Петербурге («Региональная политика»).

2. *Этап региональной политической диверсификации российской политики (вторая половина 1990-х годов)*. В этот период стабилизация нового правящего класса требовала хотя бы временной институционализации, гибкого закрепления вопросов разграничения полномочий федерального центра и регионов, в котором федеральная власть шла на уступки субъектам федерации.

В это время происходит заметная интенсификация развития политической регионастики, большую роль в которой сыграл «большой» избирательный цикл российской политики 1995–1997 гг. Он включал, прежде всего, сложные и труднопредсказуемые парламентские (декабрь 1995 г.) и президентские (июнь–июль 1996 г.) выборы. Также в этот цикл входили «большая» серия губернаторских выборов почти в 60 регионах (многие из них проводились впервые) и выборы в законодательные собрания многих субъектов Федерации.

Этот избирательный цикл значительно обострил внимание к региональной политической проблематике. В стране активизировалась работа аналитических экспертных центров, осуществляющих мониторинги региональных политических событий¹. Существенно возрос интерес зарубежных политологов к российской

¹ Наиболее активны были в этом плане Московский центр Карнеги (Н.В. Петров, А.С. Титков); Институт гуманитарно-политических исследований (О. Сенатова, В. Гельман и др.); группа «Меркатор» при Институте географии РАН (Д. Орешкин и др.); группа по анализу политической ситуации в регионах при Администрации Президента РФ («группа Л.В. Смирнягина»). Наличием существенного регионального компонента отличалась и работа Центра политических технологий (Р.Ф. Туровский, А.В. Макаркин и др.), Экспертного института (М. Малютин, О. Григорьев и др.), Аналитической группы «Панорама» (В. Прибыловский) и др. За пределами Москвы региональные исследования активизировались в Нижнем Новгороде (Нижегородский центр социально-экономической экспертизы), Сыктывкаре, Пензе, Саратове, Татарстане, Новосибирске, Екатеринбурге и др.

регионалистике. Усилился приток ресурсов в эту исследовательскую сферу, заметно расширилась практика проведения исследовательских проектов¹. Этот избирательный цикл предоставил огромный эмпирический материал, относящийся как к избирательным кампаниям, так и к региональным политическим процессам в целом, что требовало теоретической рефлексии, концептуальных и методологических разработок.

Кроме того, итоги выборов, в силу их неопределенности и неоднозначности, привели к ослаблению центральной власти и стимулировали дальнейшую децентрализацию и регионализацию политики в России. Многообразие региональных политических условий, формирование специфических моделей функционирования региональной власти и особенности ее взаимоотношений с центром, конфигурации региональных политических акторов становились новыми объектами исследований. Все это также требовало разработки теории и методологии изучения региональных процессов.

Усилившаяся в этот период децентрализация политики, как и сохранявшаяся с начала 1990-х годов децентрализация гуманистических наук, породили специфический феномен – исключительную специализацию региональных экспертов на «своих» регионах. Это порождало тенденцию к гиперэмпиризму, утрате эффективных концептуальных рамок анализа и проявлению местнических научных традиций, редко выходящих за пределы своего субъекта РФ и подчас заново «открывающих Америку». Особенности становления регионалистики, связанные с сепаратистскими тенденциями, отмечались и в ряде республик РФ (Татарстан, Башкирия, Дагестан и проч.) [Савва, 2001].

По одновременно стали развиваться проекты, нацеленные на восстановление научной коммуникации между столицей и регио-

¹ Среди многочисленных проектов этого периода можно выделить многолетний масштабный проект «Регионального политического мониторинга» в ИГПИ, осуществлявшегося с 1993 по 1999 гг., Проект «Сеть этнологического мониторинга» Института этнологии и антропологии РАН (под руководством В.А. Тишкова), проект «Политический альманах России» Московского центра Карнеги, содержащий приложения «Регионы России», масштабный проект эмпирического изучения российских регионов Центра славяно-евразийских исследований ун-та Хоккайдо «Регионы России: хроника и руководители» под руководством К. Мацуцато и др.

нами, а также кроссрегиональные исследования, в которых анализировалась региональная политическая информация¹.

К концу 1990-х годов политическая регионалистика стала уже достаточно самостоятельным структурным элементом политической науки и приобрела черты полноценной институции внутри отечественной политологии, инкорпорировав «региональное знание» в научный объект исследования.

Существенное расширение исследовательской деятельности, развитие коммуникаций в научном сообществе имели зримое воплощение в целом ряде форумов и конференций, в интенсификации издательских инициатив² (Конгрессы по политической регионалиологии в Нижнем Новгороде в 1997 и в 1999 гг., конференции в Москве и в ряде других регионов, издательские проекты в МОНФе и др.). На встречах российских исследователей часто присутствовали и их зарубежные коллеги, возникали международные исследовательские проекты, заметно интенсифицировался обмен информацией и освоение западного опыта³. На форумах и в публикациях все чаще обсуждаются вопросы теории и методологии региональных исследований. Важным аспектом интенсификации развития политической регионалистики явилось введение в Госстандарт вузовских специальностей «Регионоведения», поли-

¹ В числе этих проектов, помимо упомянутых выше, следует отметить проект «Россия регионов: трансформация политических режимов», осуществляемый исследователями ИГПИ и Европейского ун-та в Санкт-Петербурге при поддержке Фонда «Фольксваген», проект *Studia política* по созданию учебных материалов для курса «Политическая регионалистика», осуществлявшийся в 1998–2001 гг. (вышло пять выпусков). Наибольшее развитие в этот период получил и проект К. Мацузато «Регионы России: хроника и руководители». По его итогам в 1997–2000 гг. было опубликовано семь томов материалов, посвященных различным регионам России.

² Прежде всего, здесь следует назвать издательские проекты МОНФа, в рамках которых публиковалось много работ по политической регионалистике. Например: [Власть и общество... 1999 и др.]. Часть этих проектов составляли публикации по проблемам развития местного самоуправления в регионах. Например: [Перспективы самоуправления... 2000 и др.].

³ Среди наиболее активно работавших с российскими коллегами по тематике политической регионалистики зарубежных специалистов следует назвать М. Маколи, К. Мацузато, М. Бри, М. Мендрас, П. Реддуэя, Р. Орттунга, М. Макфола, Н. Мэлвина и др. В регионах совместные проекты с европейскими и американскими исследователями осуществлялись в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Саратове, Калининграде и других местах.

тическая регионалистика также была введена в качестве обязательного предмета в учебные курсы подготовки дипломированных политологов.

Все перечисленные обстоятельства привели к тому, что к концу 1990-х годов политическая регионалистика в основном выделилась в качестве отдельной области отечественной политической науки, во-первых, на уровне сложившегося ядра специалистов, во-вторых, на уровне устойчивого интереса к предметной области, в-третьих, в плане выделения своего тематического формата в структуре научных конференций, в-пятых, в аспекте создания собственного публикуемого научного контента и архива публикаций, в-шестых, на уровне университетских курсов по политической регионалистике. Ненаучные формы познавательной активности, характерные для регионалистики на предшествующем этапе (журналистика, политтехнологии, партийно-организационные измерения), постепенно ушли на периферию, хотя оставались (и остаются теперь) в зоне взаимодействия и информационного обмена. Сформировались более четкие границы между собственно научной и ненаучной деятельностью в этой сфере, дифференцировались направления и уровни анализа, началось становление теоретических парадигм и т.д. Разумеется, это не значит, что все проблемы становления были решены. Многие из них продолжали сохраняться. И тем не менее состояние российской политической регионалистики в конце 1990-х годов являло собой разительный контраст с ее положением в начале 1990-х.

3. *Этап первичной институциональной централизации власти, 2000–2004 гг.*, состоял в том, что новый Президент предпринял ряд шагов, которые обеспечивали основы институционального и политического доминирования федерального центра над регионами (унификация законодательства, создание федеральных округов и нового института полпредов Президента), а также ввел принцип «президентского доверия» в качестве основы корпоративной культуры для политической элиты и более жесткие правила ее подбора.

Этап застал российскую политическую регионалистику в достаточно активном и динамичном состоянии, в настрое на преодоление текущих трудностей и формирование новых направлений развития. В этому времени вышел в свет ряд монографий (Фарукшин М.Х. и др.) и учебных пособий (Баранов А.В. и

Вартумян А.А., Пронкин С.В. и Петрунина О.Е., Медведев Н.П., Игнатов В.Г. и Бутов В.И. и др.) по политической регионалистике и федерализму (Миронюк М.Г., Марченко М.Н. и др.), а также большое количество разнообразных по тематике научных статей [Баранов, 2004; Баранов, 2001].

На дальнейшую эволюцию дисциплины опять заметное влияние оказал политический контекст. Лейтмотивом федеральной политики в этот период становится рецентрализация и ограничение разного рода регионалистских тенденций. Федеральным центром предпринимается целый комплекс мероприятий в этом направлении, получивший название «федеральной реформы», активными агентами которой стали новые представительства Президента РФ, а ее контуры были замкнуты в границах нового вида политического региона – федеральных округов [Гельман, Рыженков, Бри, 2000; Россия регионов… 2003].

Ярким примером переключения официальной активности с уровня субъекта федерации на уровень федерального округа может служить Приволжский федеральный округ (ПФО). В 2001 г. здесь был создан Центр стратегических исследований ПФО во главе с П. Щедровицким, который стал базовой «фабрикой мысли», работавшей в интересах Полпреда Президента в ПФО. Так сформировалась сильная платформа *корпоративной* политической регионалистики, которая работала по большей части в закрытом режиме под грифом «ДСП» (для служебного пользования), хотя Центр эпизодически привлекал внешних аналитиков и разрабатывал публичные аналитические доклады. Аналогичный центр работал в Северо-Западном федеральном округе (ЦСИ Северо-Запад).

Тенденции рецентрализации оперативно находят отражение в исследовательских проектах и научных публикациях академических исследователей [Эволюция российского федерализма… 2002; Феномен Путина… 2004]. При разнообразии оценок общий тон публикаций не оставлял сомнения в том, что политика, проводимая федеральной властью с 2000 г., рассматривается как существенное изменение характера отношений центра и регионов, а эпоха «федерализации» 1990-х годов сменилась тенденцией централизации и «унитаризации». Сохранили свое значение и такие направления, как исследование электоральных процессов в регионах, региональных элит, моделей функционирования региональной власти, партийной политики в регионах. В этом контексте следует

отметить работы О.В. Гаман-Голутвиной, Н.Ю. Лапиной, А.Е. Чирковой, Р.Ф. Туровского и др. Самым масштабным исследованием по данной теме стал реализованный под руководством О.В. Гаман-Голутвиной проект «Самые влиятельные люди России», в ходе которого в орбиту изучения были вовлечены более трех четвертей регионов РФ [Самые влиятельные люди... 2004; Гаман-Голутвина, 2004; Региональные процессы... 2002].

Постепенно проблемы централизации во внутриполитических региональных исследованиях стали выходить на первое место. Особенno это стало заметно после федерального избирательного цикла 2003–2004 гг., который означал легитимацию централизаторской политики В.В. Путина. В этот период к властной «вертикали» добавилась «партийная вертикаль» (сначала в виде выстраивания «партии власти», а затем в виде централизации всей партийной системы в рамках начавшейся партийной реформы). В этих условиях политическое пространство в регионах несколько сузилось, политическая жизнь в определенной мере унифицировалась, приобретая периферийное значение в общенациональной политике.

Внутриполитическая регионалистика столкнулась с некоторым сокращением своего предметного поля, по крайней мере в том виде, в каком оно сформировалось в предшествующий период. Некоторые проекты и центры исследований региональной политики прекратили свое существование. С 2004 г. в регионах снизилась интенсивность взаимодействия науки с практической политикой, что усилило взаимную изоляцию региональных политических «теоретиков» и «практической» политики. Снизилась активность научного сообщества, сократилась издательская деятельность. Появились критические оценки сложившейся ситуации, вплоть до фактической «смерти» политической регионалистики. Но эта оценка не соответствовала реальной ситуации, в которой спрос на региональную политическую аналитику сохранялся, но в других формах. Об этом говорит тот факт, что в 2001 и в 2004 гг. все же состоялись ставшие уже традиционными Конгрессы по политической регионалогии в Нижнем Новгороде, на которых активно обсуждались проблемы дальнейшего развития отрасли.

Несмотря на политику централизации, в этот период в России сохранялся спрос на адекватное знание регионов. Мониторинговый анализ региональной информации велся и на уровне цен-

тральных федеральных ведомств и новых федеральных структур¹. По заказам федеральных властей анализ региональной информации осуществляли и некоторые специализированные аналитические центры². Существовали независимые аналитические проекты (сеть регионального правозащитного мониторинга, проекты региональных экспертиз в Фонде развития информационной политики и др.), специализирующиеся на проблемах реформ, правозащитной деятельности, протестной активности, состояния сферы СМИ, правоприменительной практики, коррупции на региональном уровне и др. Объем региональной политической информации заметно шире был представлен в Интернете³. Кроме того, крупные финансово-промышленные группы в той или иной форме обладали аналитическими службами, изучающими политические процессы в регионах, где присутствовали интересы их бизнеса (например, Институт корпоративного развития, созданный компанией «Ренова» и т.п.). Статьи в русле глобальной политической регионалистики касались целого ряда актуальных процессов ближнего [Баранов, 2012 и др.] и дальнего зарубежья [Малинова, 2004; Белокреницкий, 2005 и др.].

4. *Этап всесторонней институциональной централизации власти и децентрализации неформальных политических практик, 2005–2015 гг.* Специфика этапа заключается в том, что, с одной стороны, централизуются институциональные ресурсы власти, поддерживаются элементы унитарного политического устройства (укрупнение партий и централизация государственного влияния на их деятельность, централизация деятельности институтов законодательной, судебной, исполнительной власти в рамках административной реформы, централизация государственного влияния на СМИ, НКО, на общественные палаты, на уполномоченных по правам человека и пр.), с другой стороны – происходит распространение неформальных политических практик, осуществляемых в ин-

¹ Известно о ведении регионального мониторинга в МРЭТ, Минрегионального развития и ряде других правительственные ведомств. Эта работа также проводится, например, в ЦСИ Поволжского федерального округа и ЦСИ Северо-Запад.

² Например, Институт региональной политики (Москва), сектора региональных программ Фонда эффективной политики, Центра политических технологий и другие.

³ Региональная политическая информация, например, активно представлена на сайтах: www.regions.ru; www.strana.ru; www.carnegie.ru; www.hro.org и др.

тересах бизнес-лоббистов, существенная доля которых имеет региональную «прописку» [Головин, Дан-Чин-Ю, 2015].

Политическая атмосфера требует от исследователей вновь и вновь обращаться к вопросам регионального строения политического пространства России, уточнять изменения в характере российской территориальной политики, в моделях политического управления [Лебедева, Бусыгина, 2012; Гончаров, 2012; Дахин, 2009 и др.].

Отдельным объектом внимания политической регионалистики становится административная реформа в ее региональных проявлениях [Лебедева, Бусыгина, 2012; Гончаров, 2012; Дахин, 2009]. Одновременно активизировались исследования партийного строительства в регионах, которое происходило сначала в русле политики укрупнения партий (2008–2010) [Гельман, 2008], а затем – политики повышения партийного разнообразия (2012–2013) [Коргунюк, 2015 и др.]. Партстроительство сталкивается с такими же проблемами неопределенности, что и строительство «вертикали власти» и «партии власти» в самом начале 2000-х годов (региональные проблемы «Единой России» периодически дают о себе знать), поэтому требуется региональный анализ этих процессов.

Еще одной точкой притяжения регионального анализа остается порядок легитимации должности губернатора. В 2005–2012 гг. анализируется механизм «назначения» губернаторов, полученные данные позволяют заключить, что в рамках формальной бюрократической процедуры кипят нешуточные страсти конкурирующих групп политических лоббистов. Ярким примером в 2005 г. была Нижегородская область, где действовавший губернатор Г. Ходырев не смог «переизбраться» из-за сопротивления устойчивой группы региональной элиты, поддержанной полпредом Президента в ПФО [Дахин, 2007 и др.]. В 2013–2015 гг. анализируются процессы возврата института выборов главы субъекта федерации, в которых наиболее привлекательной и типичной «страницостью» становится то, что почти все действующие губернаторы незадолго до истечения официального срока их полномочий обращаются к Президенту с прошением об отставке и получают его согласие вместе с его же «кредитом доверия» на участие в новых досрочных выборах. Такой алгоритм возвращенных выборов действовал и в 2013, и в 2014, и в 2015 гг., что порождает научную дискуссию о его политическом смысле [Дахин, Крузе, Семёнов, Стрелков, 2015].

Ситуативный прилив интереса был связан с практиками укрупнения регионов [Панов, 2008] и затем уступил место исследованиям реакций административно-политических регионов России на ситуацию финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. и экономического спада 2013–2015 гг. [Россия, 2010].

Очередной цикл аналитической активности был связан и с региональными итогами парламентских (2011) и президентских (2012) выборов, которые породили резонансные общественно-политические движения и дискуссии, а также некоторые институциональные политические преобразования (упрощение процедуры государственной регистрации партий, возвращение выборов губернаторов и др.) [Грачёв, 2012 и др.].

После президентских выборов наиболее ярким и дискуссионным событием стало включение Крыма в состав РФ. Событие внесло свежую острую струю в академические дискуссии о границах суверенитета субнациональных регионов. В этой сфере исследователи обсуждают общую архитектуру и динамику современного глобального мультирегионального пространства [Симония, Торкунов, 2015; Бусыгина, Окунев, 2014; Воскресенский, 2013], а отечественная внутриполитическая регионалистика получила новый объект исследования (Крым) [Баранов, 2013 и др.].

Неизменным предметом исследования регионального политического процесса были и остаются выборы депутатов региональных легислатур, претерпевавшие некоторые изменения, но в целом сохранившиеся в качестве устойчивого элемента региональной политики [Туровский, 2006].

Другими устойчивыми элементами внутриполитического регионального анализа в этот период являются проблемы российского федерализма [Чернышов, 2009; Федякин, Кочетков, 2009], исследование гражданских и аналитических ресурсов региональной политики [Сунгиров, 2014 и др.], различные аспекты отношений федерального центра и регионов [Гельман, 2006; Лапина, 2006 и др.], специфика политической жизни отдельных субъектов федерации и их групп [Матвиенко, 2009; Туровский, 2009; Галлямов, Сакаев, 2010 и др.], вопросы регионального партийного строительства [Попова, 2006 и др.], региональной этнополитики [Сухарь, 2007; Шабаев, Садохин, 2013 и др.], региональных выборов, избирательной активности [Авдонин, 2011; Макаркин, 2006 и др.], сквозные

проявления политической активности в различных регионах [Соколов, 2015; др.].

Новые предметы исследования появились в сфере международной политической регионалистики. Это связано как с активизацией внешнеполитической деятельности России, так и с возникновением новых внешнеполитических вызовов – события в Украине в 2013–2015 гг. [Лапкин, Пантин, 2014 и др.], а также другие актуальные процессы преобразований региональных пространств в ближнем и дальнем зарубежье [Баранов, 2014; Хенкин, Кудряшова, 2015].

Завершая обзор становления отечественной политической регионалистики, можно заключить, что ее институционализация связана, прежде всего, со сложившимся ядром специалистов, с устойчивым набором тематических направлений исследований, со сформировавшимися практиками преподавания политической регионалистики на университетских кафедрах, со значительным архивом текстов по дисциплине, с постоянным присутствием политической регионалистики в рамках научных политологических конференций. Кроме того, в структуре РАПН существует Исследовательский комитет «Политическая регионалистика», который поддерживает профессиональные коммуникации специалистов субдисциплины. На базе исследовательского комитета было реализовано несколько исследовательских проектов, поддержаных грантами РГНФ и РАПН, в том числе «Современная эволюция политических систем и режимов в регионах России: сравнительный анализ», 2010–2014 гг. (РГНФ, рук. Р.Ф. Туровский), «Социокультурные изменения и инновации в Республике Татарстан в 2000-е гг.», 2011–2012 гг. (РГНФ, рук. А.Л. Салагаев), «Источники регионального разнообразия и формирование новых субъектов развития России», 2010 г. (РАПН, рук. А.В. Дахин) и др.

Основные достижения российской политической регионалистики и перспектива развития

Современная российская политическая регионалистика представляет собой достаточно разветвленную и динамичную часть политической науки. В ней представлена совокупность различных уровней и направлений анализа, обладающих известной самостоятельностью и в то же время связанных некоторыми общими предметными рамками, познавательными интересами и ин-

теграционными тенденциями¹. Среди основных успешных направлений – изучение электоральных процессов в регионах, субъектов регионального политического процесса – региональных политических элит, групп интересов, политических партий (с применением базовых концепций политической науки – элитологии, партологии, теории региональных политических процессов, политической социологии, теорий социально-экономического управления, методов статистического анализа), исследования региональной политики, в том числе зарубежной (в основном это направление базируется на концепциях экономической географии). С одной стороны, делаются попытки проанализировать структуру, цели, направления российской региональной политики, выявить ее проблемы и т.д. С другой стороны, в рамках этого направления стала активно исследоваться зарубежная региональная политика. Особенно показательны в этом плане работы по изучению региональной политики Европейского союза, сравнительные исследования региональной политики России и ЕС, а в последние несколько лет – исследования по Украине, странам Таможенного союза и ЕАЭС. В рамках получившего распространение в последние годы такого направления исследований, как внутренняя geopolитика, исследуются строение российской территории, динамика пространственных процессов, а также проблематика территориальных конфликтов России с зарубежными странами и оптимального территориального устройства. Оно также опирается на концепции географической науки, мировой экономики и международных отношений, хотя ряд авторов подвергают сомнению его научный характер.

Что касается исследований политико-территориальной организации общества и федеративных отношений, то основная масса работ, особенно по проблемам федерализма, носят, по существу, государственно-правовой характер, в них анализируются юридические проблемы распределения полномочий и построения федераций различных типов, с 2000-х годов – проблемы централизации федеральной политики. С другой стороны, территориальная организация анализируется в основном в рамках политico-географического направления. Эти исследования сыграли определенную роль в становлении отечественной политической регионалистики, однако их значение в дальнейшем развитии отрасли снижается.

¹ См. также: [Авдонин, Бааронов, Дахин, 2008].

Исследования региональных политических систем, политических режимов и моделей политического управления рассматривают принципы и динамику отношений ветвей и уровней власти в регионах, взаимодействия власти и общества, модели отношений региональных элит. В частности, были выдвинуты концепции «региональных авторитаризмов» (Сенатова), регионального «боссизма» (Мацузато), «неопределенности трансформаций» (Гельман) и др. Большинство авторов исходили из тезиса о складывании в российских регионах относительно автономных от федерального центра «систем политического управления», «политических режимов», «политий».

Новые тенденции централизации и унификации поставили исследователей перед проблемой переосмысления теоретических подходов к новой реальности. Это направление, пожалуй, является «коньком» отечественной внутриполитической регионалистики. Поэтому научные поиски в этой сфере имеют особую важность: с ними связаны перспективы развития всей субдисциплины. В частности, отметим подход, согласно которому политическая конкуренция рассматривается как базисная составляющая регионального политического процесса, характер которого определяется политическим статусом акторов, степенью их институционализации в региональной политике, институциональной устойчивостью соревновательных процедур и процедур разрешения конфликтов интересов, ролью в этих процессах политических партий, региональных выборов, «праймериз» и проч. [Дахин, 2009 и др.]. В рамках этого направления, в отличие от подхода авторов работы 2000 г. «Россия регионов: трансформация политических режимов» В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри [Гельман, Рыженков, Бри, 2000], ключевыми реалиями, определяющими характер местного политического режима и модель регионального политического управления, являются конфликты интересов акторов региональной политики за доступ к тем или иным ресурсам влияния. Собственно, в соревновательности, в распределении доступа к ресурсам влияния региональных политических акторов «высекаются» искры реальной, эмоционально заряженной региональной политики, мотивированной, азартной, напористой, циничной, – одним словом, живой.

Фактор конкуренции выделяет и Р.Ф. Туровский: в рамках дескриптивного подхода, применяемого в сравнительных исследованиях, он определяет четыре оси сравнения региональных поли-

тий, одна из которых – ось «консолидация – конкуренция» [Туровский, 2009]. Для сравнительного описания политических регионов система Туровского может быть вполне операбельна, но для понимания внутренней природы политического регионализма, для постижения онтологии, «генетики» региональных политических организмов она недостаточно аналитична (это нечто вроде ламаркизма в биологической науке, которая нуждалась в Дарвине и Бавилове).

В соревновательном конкурентном существовании политических акторов и создаваемого ими политического порядка видится ключ к постижению бытийных оснований политического регионализма и форм его проявления. Перспективная задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, понимать регионализм и форму региональной политии в качестве «функции», флуктуации самой природы политического пространства, а с другой стороны, – чтобы распознавать в строении этой онтологической флуктуации влияние отдельных, конкретных акторов, ограничений и «окон» возможностей со стороны административно-правовых, индивидуально-психологических, экономических, этнокультурных и других обстоятельств.

Список литературы

- Авдонин В.С. Административная реформа в регионе – конфликты и компромиссы (пример Рязанской области) // Влияние культур на взаимоотношения людей: Конфликт или шанс? / А. Дахин, Х. Хелфрич (ред.). – Н. Новгород: ННГАСУ, 2008. – С. 49–57.
- Авдонин В.С. Региональные выборы 2009–2010: тенденции и проблемы электоральных изменений // Политическая регионалистика и исследования в регионах России. Политическая наука: Ежегодник 2010. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 78–94.
- Авдонин В.С., Баранов А.В., Дахин А.В. Политическая регионалистика в современной России: ретроспектива и перспектива становления // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007) / Отв. ред. О.Ю. Малинова. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – С. 105–126.
- Баранов А.В. Политизация ислама в современном Крыму: конфликтологический аспект // Власть. – М., 2013. – № 4. – С. 196–200.
- Баранов А.В. Проблема базирования Черноморского флота в российско-украинских отношениях после «оранжевой революции» // Вестник Института стратегич. ис-

- следований Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. – Ставрополь, 2012. – Вып. 2. – С. 21–24.
- Баранов А.В.* Сепаратизм в современной Каталонии: Ресурсы, акторы и политические стратегии // Актуальные проблемы Европы. – М., 2014. – № 2. – С. 95–113.
- Баранов А.В.* Федерализм в исламском мире // Человек. Сообщество. Управление. – Краснодар, 2004. – № 3–4. – С. 112–123.
- Баранов С.А.* Проблемы сепаратизма и терроризма в штате Ассам // Восток. – М., 2001. – № 3. – С. 81–93.
- Белозёров В.С., Тикунов В.С., Панин А.Н.* Атласная информационная система для изучения этнодемографических процессов в Ставропольском крае // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. – М., 2008. – № 1. – С. 39–44.
- Белокреницкий В.Я.* Персоналистский авторитаризм в Пакистане // Восток. – М., 2005. – № 6. – С. 74–92.
- Бильчак В.С., Самсон И., Федоров Г.М.* Калининградский полюс интеграции. – Калининград: Янтарный сказ, 1999. – 316 с.
- Бусыгина И.М., Окунев И.Ю.* Пространственное распределение силы и стратегии государств, или что и как объясняет геополитика // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 2. – С. 106–123.
- Власть и общество в постсоветской России: новые практики и институты / Под ред. М. Афанасьева. – М.: МОНФ, 1999. – 342 с.
- Воскресенский А.Д.* Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 6. – С. 82–96.
- Галлямов Р.Р., Сакаев И.Н.* Тенденции взаимодействия государственной власти и региональных бизнес-элит // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2010. – № 3. – С. 80–87.
- Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Полис: Политические исследования – М., 2004. – № 2. – С. 6–19; № 3. – С. 22–32.
- Гельман В., Рыженков С.* Политическая регионалистика: от общественного интереса к отрасли знания? // Социальные исследования в России: Немецко-российский мониторинг / Пер. с нем. – Берлин; М., 1998. – С. 138–185.
- Гельман В.Я.* Возвращение Левиафана? (Политика рецентрализации в современной России) // Полис: Политические исследования. – М., 2006. – № 2. – С. 90–109.
- Гельман В.Я.* Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис: Политические исследования. – М., 2008. – № 5. – С. 135–152.
- Гельман В., Рыженков С., Бри М.* Россия регионов: трансформация политических режимов. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – 375 с.
- Головин Ю.В., Дан-Чин-Ю Е.Ю.* Конфликтное взаимодействие региональных и муниципальных органов власти (российский опыт) // Кофликтология. – М., 2015. – № 1. – С. 105–125.
- Гончаров Д.В.* Структура территориальной политики в России // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 3. – С. 63–74.

- Грачёв Г.А. Оценка политической стабильности на прошедших выборах парламента и Президента России // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 3. – С. 30–35.
- Дагбаев Э.Д. Регионы и новая восточная политика России // Полис: Политические исследования. – М., 2015. – № 1. – С. 151–157.
- Дахин А. Российская провинциальная культура в глобальной региональной стратификации: проблема социальной ценности «внутренних пространств» // Международные отношения в XXI веке: региональное в глобальном, глобальное в региональном. – Н. Новгород: НГЛУ, 2000. – С. 214–225.
- Дахин А.В. Архитектура власти региональных политических пространств в России: Транзит и конфликтогенные риски // Конфликтология. – М., 2010. – № 3. – С. 137–154.
- Дахин А.В. Конфликтогенная инфраструктура региональной политической конкуренции в России (на примере Нижегородской области) // Конфликтология. – М., 2013. – № 3. – С. 84–104.
- Дахин А.В. Региональная политическая конкуренция в ситуации изменения института легитимации глав исполнительной власти субъектов РФ (на примере Нижегородской области) // Россия и современный мир. – М., 2007. – № 2. – С. 88–108.
- Дахин А.В. Региональная стратификация и территориальная целостность: поиск формулы нового мирового порядка // Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад / Ред. А.С. Макарычев. – Н. Новгород: ННГУ, 1997. – С. 209–225.
- Дахин А.В. Региональная стратификация политического пространства России: новые подходы и тенденции // Политическая наука. – М., 2003. – № 3. – С. 87–122.
- Дахин А.В. Система власти в России в 2000-х гг. и модели политического управления регионами // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 2. – С. 52–60.
- Дахин А.В. Система государственной власти в России: феноменологический транзит // Полис: Политические исследования. – М., 2006. – № 3. – С. 29–41.
- Дахин А.В. Споры вокруг «Бронзового солдата» // Космополис. – М., 2008. – № 1(20). – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/cosmopolis_01_2008/09.pdf (Дата посещения: 05.02.2016.)
- Дахин А.В. Транзит российской политической власти на рубеже 2008 г.: Особенности политического управления (методология анализа) // Политическая наука. Региональная политика и развитие территорий в условиях административно-политической реформы 2004–2008 гг. / РАН. ИНИОН; ред. Л.Н. Верчёнов, А.В. Дахин. – М., 2009. – С. 8–26.
- Дегтярёв А.А. Предмет и структура политической науки // Политическая наука в России. – М.: МОНФ: ООО «Издательский центр учебных и научных программ», 2000. – С. 95–116.
- Демократия в российском зеркале / Ред.-сост. А.М. Мигранян, А. Пшеворский. – М.: МГИМО-Университет 2013. – 519 с.
- Замятин Д.Н. Пространство и (без) опасность: онтологические модели воображения // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 3. – С. 137–148.
- Иноземцев В.Л. Евразийский экономический союз: Потерянные в пространстве // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 6. – С. 71–82.

- Каганский В.Л. Административно-территориальное деление: логика системы и противоречия в ней // Известия РАН. Серия География. – М., 1993. – № 4. – С. 85–94.
- Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Актуальные теоретические очерки / Под ред. А.В. Дахина. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2011. – 174 с.
- Колосов В.А. Политическая география: Проблемы и методы. – Л.: Наука, 1988. – 190 с.
- Колосов В.А., Себенцов А.Б. Северный Кавказ в российском geopolитическом дискурсе // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 2. – С. 146–163.
- Коргунюк Ю.Г. Партийная реформа 2012–2014 гг. и структура электоральных размежеваний в регионах // Полис: Политические исследования. – М., 2015. – № 4. – С. 97–113.
- Латина Н.Ю. «Центр – регионы» в постсоветской России: история, механизмы взаимодействия, сценарии будущего // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – М., 2006. – Т. 2, № 2. – С. 85–98.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Кризис украинской государственности: Политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 5. – С. 68–89.
- Лебедева Е.Б., Бусыгина И.М. Административно-территориальное деление в РФ: реформы и фактор политического режима // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 3. – С. 35–62.
- Лившиц А., Новиков А., Смирнягин Л. Региональная стратегия России // Регион: экономика и социология. – М., 1994. – № 3. – С. 3–23.
- Макаркин А.В. Смешанная система выборов в регионах России // Pro et Contra. – М., 2006. – № 1 (31). – С. 104–113.
- Малинова О.Ю. Имперский опыт: Прошлое или будущее Европейского Союза? // Политическая наука: Современные империи / РАН. ИНИОН. – М., 2004. – С. 31–45.
- Матвиенко И.Г. Парадоксы дальневосточной стратегии // Политическая наука. – М., 2009. – № 2. – С. 121–131
- Мельвиль А.Ю. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: МГИМО-Университет 2007. – 272 с.
- Миронюк М.Г. Человеческое измерение федерализма // Полис: Политические исследования. – М., 2003. – № 3. – С. 98–108.
- Нижегородская область и Нижний Новгород в на путях выбора антикризисной стратегии 2015 г.: основные тенденции, прогнозные гипотезы, оценки. Аналитический доклад / А.В. Дахин, Ю.Л. Крузе, Е.Е. Семёнов, Д.Г. Стрелков. – Н. Новгород, 2015. – С. 13–15. – Режим доступа: <http://nn-now.ru/mainnews/chegezhdat-ot-2015-go-doklad-res-polnaya-versiya-video/> (Дата посещения: 05.02.2016.)
- Орешкин Д.Б. География электоральной культуры и цельность России. // Полис: Политические исследования. – М., 2001. – № 1. – С. 73–94.
- Панов П.В. «Объединение» vs «присоединение»: Сравнительный анализ первого опыта укрупнения регионов Российской Федерации // Россия и современный мир. – М., 2008. – № 1. – С. 125–144.
- Перспективы самоуправления и самоорганизации в России / Под ред. И.А. Бутенко. – М.: МОНФ, 2000. – 256 с.

- Попова О.В. Группы поддержки «партии власти» в Санкт-Петербурге и Ленинградской области // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – М., 2006. – № 2. – С. 225–233.
- Прохоренко И.Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 6. – С. 68–80.
- Пушкарёва Г.В. Политическое пространство: Проблемы теоретической концептуализации // Полис: Политические исследования. М., 2012. – № 2. – С. 166–176.
- Региональные политические процессы: Насколько «субъектны» субъекты РФ? Материалы «круглого стола» // Полис: Политические исследования. – М., 2003. – № 5. – С. 59–76.
- Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть / РАН. ИНИОН; Отв. ред. Н.Ю. Лапина. – М., 2002. – 192 с.
- Россия: Региональная власть в условиях экономического кризиса / РАН. ИНИОН; Отв. ред. Н.Ю. Лапина. – М., 2010. – 185 с.
- Савва М.В. Мифоидеологемы – замена сепаратизма // Вестник Евразии. – М., 2001. – № 3 (14). – С. 86–107.
- Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты российских регионов / Отв. ред. Гаман-Голутвина О.В. – М.: ИСАНТ, 2004. – 218 с.
- Себенцов В.М., Колосов С.Н. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 2. – С. 31–46.
- Силантьева М.В. Новые принципы «философии границы» в глобальном мире – десуверенизация или «постсуверенизация»? // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 3. – С 8–26.
- Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: От bipolarности к многополюсности // Полис: Политические исследования. – М., 2015. – № 3. – С. 27–37.
- Симонян Р.Х., Кочегарова А.М. Приграничное взаимодействие России и Евросоюза: тенденции и моделирование // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 5. – С. 41–49.
- Соколов А.В. Протестная активность в регионах России в 2013 г. // Конфликтология. – СПб., 2015. – № 2. – С. 43–59.
- Субъекты федерации: какими им быть? / О.Б. Глазер, В.А. Колосов, Н.В. Петров, Л.В. Смирнягин, А.И. Третьяков // Полис: Политические исследования. – М., 1991. – № 4. – С. 149–159.
- Сунгурев А.Ю. Экспертное сообщество, фабрики мысли и власть: опыт трех регионов // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 2. – С. 72–87.
- Сунгурев А.Ю., Распопов Н.П., Беляев А.Ю. Институты-mediаторы и их развитие в современной России. II. Фабрики мысли и центры публичной политики // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 4. – С 99–116.
- Сухарь А.А. Этнонациональный конфликт в Чечне и Косово: сравнительный анализ // Полис: Политические исследования. – М., 2007. – № 4. – С. 158–173.
- Транснациональные политические пространства: явление и практика / Отв. ред. М.В. Стрежнева – М.: Весь мир, 2011. – 376 с.
- Третьяков А., Артоболевский С. Введение: что такое регионализация и надо ли с ней бороться // Регионализация в развитии России. – М.: УРСС, 2007. – С. 3–9.

- Туровский Р. Парламентские выборы 1999 г.: региональные особенности. // Полития. – М., 1999. – № 4 (14). – С. 102–121.
- Туровский Р.Ф. Региональные выборы в России: случай атипичной демократии // Технологии политики / Под ред. Б.И. Макаренко. – М., Центр политических технологий, 2006. – С. 143–190.
- Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 2. – С. 77–95.
- Туровский Р.Ф. Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России) // Полис: Политические исследования. – М., 2011. – № 2. – С. 99–117.
- Туровский Р.Ф. Федеральные округа: политико-географический подход в теории и на практике // Федерализм. – М., 2003. – № 1. – С. 217–250.
- Фарукин А.М. Об определении конституционно-правового статуса республик в составе Российской Федерации // Проблемы политической науки. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – С. 89–97.
- Федеральная реформа 2000–2003. Том 1. Федеральные округа / Под ред. Н.В. Петрова. – М.: Московский общественный научный фонд, 2003. – 412 с.
- Федякин А.В., Кочетков Е.Е. В поисках оптимальной формы территориально-политического устройства современной России (Обзор научных и общественно-политических дискуссий) // Политическая наука. – М., 2009. – № 1. – С. 108–136.
- Феномен Владимира Путина и российские регионы: Победа неожиданная или закономерная? / Под ред. К. Мацуцато. – М.: Материк, 2004. – 350 с.
- Хатунцев С.В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // Полис: Политические исследования. – М., 2011. – № 2. – С 86–98.
- Хенкин С.М., Кудряшова И.В. Политическая география современного Египта // Полис: Политические исследования. – М., 2015. – № 2. – С. 117–136.
- Чернышов А.Г. Конструирование современной российской власти и управление территориями: Федеральные и региональные аспекты // Политическая наука. – М., 2009. – № 2. – С. 27–34.
- Шабаев Ю.П., Садохин А.П. Дискурс этнической и гражданской идентичности. Финно-угорский мир России в материалах переписи 2010 г. // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 3. – С. 113–125.
- Эволюция российского федерализма / А.А. Галкин, П.А. Федосеев, С.Д. Валентей, В.Д. Соловей // Полис: Политические исследования. – № 3. – С. 96–128.
- Aligica P.D., Tarko V. Polycentricity: From Polanyi to Ostrom, and beyond // Governance. – L., 2012. – N 25(2). – P. 237–262.
- Amanor K., Brown D. Making environmental management more responsive to local needs: Decentralisation and evidence-based policy in Ghana // ODI Forestry Briefing. – L., 2003. – N 3 (3). – P. 132–145.
- Baeg Im H. Faltering democratic consolidation in South Korea: Democracy at the end of «Tree Kims» era // Democratization. – L., 2004. – Vol. 11(5). – P. 179–198.
- Bechtel T. Autocracy and democracy in Belarus, Russia and Ukraine // Democratization. – L., 2004. – Vol. 11(5). – P. 113–132.
- Bunce V., Sharon L.W. Mixed regimes in post-communist Eurasia: Tipping democratic and tipping authoritarian // SSDD Working paper series. – L., 2008. – P. 1–28.

- Chang T.-K., Jian W., Chih-Hsien C.* The social construction of international imagery in the post-Cold War era: A comparative analysis of U.S. and Chinese national TV news // Journal of broadcasting & electronic media. – L., 1998. – Vol. 42 (3). – P. 277–296.
- Ciprian-Cain A.* Parliamentary representation of minorities in Romania // Southeast European politics. – Budapest, 2004. – N 5(1). – P. 60–75
- Contemporary Russian politics / Ed. by A. Broun. – Oxford: Oxford univ. press, 2001. – 574 p.
- Cooke Ph., Christiansen Th., Schienstock G.* Regional economic policy and a Europe of the regions // Developments in West European politics / M. Rhodes, P. Heywood, V. Wright. – L., 1997. – P. 192–193.
- Crozier M.P.* Redescribing authoritative action: Systems of democracy and good governance. – 2013. – Mode of access:<http://www.icpublicpolicy.org/Multi-level-governance-in-a#> (Дата посещения: 05.08.2015.)
- Dakhin A.* The political and economic after-effects of political-administrative reform and of changes in structures and regional authority institutions // Impact of culture on human interaction: Clash or challenge? / H. Helffrich, A. Dakhin, E. Hölder, I. Arzhenovskiy (eds.). – Göttingen: Hogrefe & Huber, 2002. – P. 5–16.
- Duka A.* Reforms and orientations of regional elites: The case of St. Petersburg // Elites and democratic development in Russia / Ed. by A. Steen, V. Gel'man. – L.; N.Y.: Routledge, 2003. – P. 148–167.
- Duka A., Rutland P.* North-West Federal Okrug // The dynamics of Russian politics: Putin's reform of federal-regional relations / Ed. by P. Reddaway, R.W. Ortung. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield publishers, 2004. – Vol. 1. – P. 53–86.
- Ethier W.J.* The new regionalism // The Economic journal. – L., 1998. – N 108 (449). – P. 1149–1161.
- Gel'man V.* Political science in Russia: scholarship without research? // European political science. – L., 2015. – N 14 (1). – P. 28–36.
- Golosov G.* The structure of party alternatives and voter choice in russia: evidence from the 2003–2004 regional legislative elections // Party politics. – L., 2006. – Vol. 12, N 6. – P. 707–725.
- Golosov G., Shevchenko I.* Incumbent re-election strategies in duma elections // The 1999–2000 national elections in Russia: Analyses, documents and data / V. Gelman et al. (eds.). – Berlin: Edition Sigma, 2005. – P. 166–187.
- Inglehart R.* Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political change in 43 societies. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1997. – 464 p.
- Javeline D., Baird V.A.* The surprisingly nonviolent aftermath of the Beslan school hostage taking // Problems of post-communism. – N.Y., 2001. – Vol. 58 (4–5). – P. 3–22.
- Joenniemi P., Sergunin A.A.* Paradiplomacy as a capacity-building strategy // Problems of post-communism. – N.Y., 2014. – Vol. 61, N 6. – P. 18–33.
- Johnson C.* John Howard's 'values' Australian identity // Australian journal of political Science. – Canberra, 2007. – N 42. – P. 195–209.
- Kay A.* Multi-level governance in Australian federalism: The open method of coordination in open economy policy-making. – 2013. – Mode of access: <http://www.icpublicpolicy.org/Multi-level-governance-in-a#> (Дата посещения: 05.08.2015.)

- Lindberg S.* The surprising significance of African elections // *Journal of democracy*. – Baltimore, 2006. – Vol. 17 (1). – P. 139–151.
- Mainwating S., Brinks D., Perez-Liman A.* Classifying political regimes in Latin America, 1945–1999 // *Studies of comparative International development*. – N.Y., 2001. – Vol. 36 (1). – P. 37–65.
- Makarychev A.S.* Contribution of the regions to Russian security policy // *Conflict, Security, Development*. – L.: London Centre for defence studies, King's College, 2002. – N 2 (2). – P. 47–67.
- Makarychev A.S.* The Region and the World: the Case of Nizhny Novgorod. Russian Study Group, project on «Regionalization of Russian Foreign and Security Policy». – Zurich, 2001. – Mode of access: <http://e-collection.library.ethz.ch/eserv/eth:24051/eth-24051-01.pdf> (Дата посещения: 13.03.2016.)
- Morlino L., Dressel B., Pelizzo R.* The quality of democracy in Asia-Pacific: issues and findings // *International Political Science Review*. – L., 2011. – Vol. 32(5). – P. 491–511.
- Murphly E.C.* Theorizing ICTs in the Arab world: Informational capitalism and the public sphere // *International studies quarterly*. – L., 2009. – Vol. 53 (4). – P. 1131–1153.
- Page E.C.* Lokalism and centralism in Europe. The political and legal bases of local self-government. – Oxford: Oxford univ. press, 1991. – 372 p.
- Peck J., Tickell A.* Searching for a new institutional fix: the after-Fordist crises and the global-local disorder // Post-Fordism: a reader / Ed. by A. Amin. – Oxford: Oxford univ. press, 1994. – P. 280–315.
- Posner D., Simon D.* Economic conditions and incumbent support in Africa's new democracies: Evidence from Zambia // *Comparative Political Studies*. – Thousand Oaks, CA, 2002. – N 35 (3). – P. 313–336.
- Roberts A.* Hyperaccountability: Economic voting in Central and Eastern Europe // *Electoral studies*. – Oxford, 2008. – Vol. 27. – P. 533–546.
- Rosefiede S.* Russia in 21 st century. The prodigal superpower. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – 268 p.
- Rudolph L.I., Rudolph S.H.* Federalism as state formation in India: A theory of shared and negotiated sovereignty // *International political science Review*. – L., 2010. – Vol. 31 (5). – P. 553–572.
- Sergunin A.A., Konyshov V.* Is Russia a revisionist military power in the Arctic? // *Defense and security analysis*. – L., 2014. – N 3. – P. 1–13.
- Slomczynski K.M., Shahad G. and Zielinski J.* Fluid party systems, electoral rules and accountability of legislations in emerging democracies: The case of Ukraine // *Party politics*. – L. 2008. – Vol. 14 (1). – P. 91–112.
- Stockton H.* Political parties, party system and democracy in East Asia: Lessons from Latin America // *Comparative political studies*. – L., 2001. – Vol. 34. – P. 94–119.
- Turovsky R.* Regional aspects of national elections in Russia // *The 1999–2000 National elections in Russia. Analyses, documents and data* / V. Gel'man, G. Golosov, E. Meleshkina (eds.). – Berlin: Edition Sigma, 2005. – P. 143–165.
- Turovsky R.* The mechanism of representation of regional interests at the federal level in Russia: Problems and solutions // *Perspectives on European politics and society*. – Dundee, 2007. – Vol. 8 (1). – P. 73–97.

- Umbach M.* German federalism: Past, present and future. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001. – 232 p.
- Varieties of democracy. Global standards, local knowledge. – Mode of access: <https://v-dem.net/ru/> (Дата посещения: 10.02.2016.)
- Yongnian Z., Wu G.* Information technology, public space, and collective action in China // Comparative political studies. – L., 2005. – Vol. 38 (5). – P. 507–536.

ИДЕИ И ПРАКТИКА

Л.А. ФАДЕЕВА*

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ И КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация. В статье рассматриваются факторы популярности концепта идентичности в современных социально-гуманитарных науках и концептуализация понятий политической идентичности и политики идентичности. Автор анализирует основные проблемы и результаты политологических исследований идентичности (социальной, национальной, гендерной, гражданской, политической и др.), характеризует различия в подходах российских и западных ученых к политике идентичности, отмечая высокую степень сопоставительности и проблематичности этой категории.

Ключевые слова: идентичность; политическая наука; политическая идентичность; политика идентичности.

L.A. Fadeeva

Identity as political science term: Research area and cognitive resource

Abstract. The article examines the main factors of researchers' interest to the concept of identity and the conceptualization of political identity and identity policy. The author analyzes problems and results of political scientists' investigations of identity (social, national, gender, civic, political etc.). The differences of approach to iden-

* **Фадеева Любовь Александровна**, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедры политических наук ФГБОУ ВПО Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, e-mail: lafadeeva2007@yandex.ru

Liubov Fadeeva, Perm State University (Perm, Russia), e-mail: lafadeeva2007@yandex.ru

tity policy are explained by differences of research traditions and by contentious character of the concept.

Keywords: identity; political science; political identity; identity policy.

Проблемы с идентичностью

Категория идентичности испытала на себе все вызовы и трудности, с которыми сталкивается научное понятие, введенное в широкий публичный оборот. С одной стороны, чрезвычайная популярность данной категории обусловила вал публикаций – как научных, так и публицистических, – которые посвящены идентичности в разных ее измерениях и проявлениях. «Производство (“взрыв”) идентичности становится одним из самых популярных полей социального и гуманитарного знания с конца 1960-х годов, проникая и в самые различные социальные практики», – отмечает Г.Я. Миненков [Миненков, 2011].

Подобный взрыв ученые объясняют потребностью дать анализ «социокультурных оснований общественных процессов, и в том числе политических изменений» [Семененко, 2011], «потерей кредита традиционной понятойности» [Малахов, 2008] когнитивным поворотом в науке, выдвижением новых акторов в публичном поле. Можно говорить о совокупности факторов научного и социально-политического характера, обусловивших то, что целая плеяда блестящих исследователей, таких как Б. Андерсон, З. Бауман, П. Бергер, П. Бурдье, Э. Гидденс, К. Калхун, М. Кастельс, Э. Лакло, А. Мелуччи, Ш. Муфф, Ч. Тилли, Ч. Тэйлор, А. Турен, С. Холл и другие, включили идентичность в сферу своих научных интересов, способствовали ее концептуализации, сделав эту категорию привлекательной и популярной.

«Приход» категории идентичности в политическую науку из сферы психологии, социологии и социальной антропологии, как разъясняет И.С. Семененко, важен тем, что она «позволила соединить индивидуальный и надиндивидуальный (на уровне групп, больших и малых сообществ) срезы политического сознания и поведения и отразить одновременно и динамику, и состояние общественных настроений, и сопряженную с ними рефлексию их носителей» [Семененко, 2011, с. 8]. В результате интеллектуальных усилий ученых были разработаны так называемые сильная и слабая

бая концепции идентичности, определились разные методологические подходы к ее анализу. Сильная и слабая трактовки отличаются пониманием природы идентичности, степени ее устойчивости, стабильности и др. В значительной мере они сопряжены с разными подходами – эсценциалистским и конструктивистским. Согласно первому подходу, идентичность определяется понятиями «самость», постоянство, непрерывность, идентификация с группой, память, сингулярность, исключительность. В конструктивистском подходе используются понятия «социальный конструкт», контекст, властные отношения, стратегия, переговоры. Даже понятие «самость» используется как элемент конструкта. По мере развития концепта идентичности усиливались позиции конструктивистского подхода, который в настоящее время является доминирующим. Согласно ему, идентичность определяется как «категория социального и гуманитарного знания, ориентированная на выявление и описание смысловых характеристик индивидуальных и коллективных действий в контексте (само) определения принадлежности субъектов данных действий к тем или иным группам и / или сообществам и соответствующим ценностно-нормативным регуляциям» [Миненков, 2011, с. 18].

Однако эсценциалистские интерпретации остаются значимыми в ряде случаев, например когда речь идет о региональной или локальной идентичностях [Смирнягин, 2007; Назукина, 2009; Крылов, 2010]. Аналитический инструментарий, используемый представителями разных подходов, существенно различается. В реальности, на наш взгляд, трудно обнаружить как конструируемую идентичность без опоры на «самость», так и «чистую» идентичность, без элементов и механизмов конструирования.

К важным результатам концептуализации идентичности можно отнести то, что наполнились конкретным содержанием понятия национальной, гражданской, политической, этнической, локальной идентичностей, сложилось представление о множественной, многосоставной идентичности как атрибуте современности. При этом идентичность была и остается, по выражению З. Баумана, в высшей степени состязательным термином; он уточняет: где бы ни употреблялось это слово, можно быть уверенным, что речь идет о борьбе: «Поле битвы – это родной дом идентичности. Идентичность приходит в жизнь в грехоте битвы, и она задремывает и становится безмолвной, когда битва стихает» [Bauman, 2004, р. 77].

Справедливо замечание О.В. Поповой, что на современные версии теории идентичности оказали влияние исследователи, стоящие на принципиально разных методологических (можно добавить – и идеологических) позициях [Попова, 2011, с. 24].

Существенное место в научной полемике занимает проблема кризиса идентичности. Более того, на протяжении ряда лет полемика идет по поводу кризиса самого концепта идентичности. Широкая популярность данного понятия, вошедшего прочно в лексикон социально-гуманитарного знания, привела к чрезмерной многозначности интерпретаций идентичности. «В отсутствие в политической науке общего дискурса идентичности (как способа ее презентации в публичном пространстве и “говорения” об идентичности) нынешние частные дискурсы зачастую представляют туманные смыслы либо создают – усилиями публичных интеллектуалов и политиков – благодатную почву для политического манипулирования. Причем это отнюдь не сугубо российская, а общая для современной политической науки и социогуманитарного знания проблема», – этим объясняет И.С. Семененко критический настрой ряда исследователей в отношении когнитивного потенциала концепта идентичности [Семененко, 2011, с. 13]. Наибольшую известность в этом плане получила острые полемические статья Роджера Брубейкера и Фреда Купера «За пределами идентичности», авторы которой заявляли: «Идентичность может означать слишком много... слишком мало... или вообще ничего», указывая именно на неодномерность и чрезмерную многозначность понятия идентичности, перед которым исследователи, на их взгляд, капитулировали как по интеллектуальным, так и по политическим основаниям [Brubaker, Cooper, 2000, р. 1]. Авторы критического очерка, который активно цитируется в дискурсе идентичности, попытались обойти ловушки терминологического характера и те, что связаны с политической конъюнктурой. Проведя основательный анализ генезиса концепта идентичности и современных вариантов его применения, они убедительно обосновали необходимость отхода как от конъюнктурного и чрезмерно политизированного его понимания, так и от слишком амбивалентного.

Как правило, именно критические замечания статьи «За пределами идентичности» цитируются чаще всего. Между тем ее авторы предприняли попытку существенного продвижения концепта идентичности, его развития за счет включения и разработки таких

понятий, как идентификация и категоризация; самосознание и место в обществе; общность, связанность и групповая принадлежность. Несмотря на усилия Брубейкера и Купера тщательно прописать предлагаемые категории, им не удалось преодолеть многозначность и даже двусмысленность данной цепочки понятий [Борьба за идентичность... с. 7].

В российских научных кругах в конце 1990-х годов широко обсуждалась статья В.С. Малахова «Неудобства с идентичностью», в которой говорилось, что «идентичность делается составной частью своего рода жаргона, бессознательное употребление которого превращается в норму и научной публистики, и политической журналистики» [Малахов, 2008, с. 33]. Именно такое бессознательное или плохо осознаваемое употребление понятия идентичности сделало популярными шутки: проблематика идентичности якобы более всего подходит для любителей научного туризма, если не знаешь, как объяснить какое-то явление или процесс, используй понятие идентичности. Это аналогично тому, как иронически лет 20 назад подшучивали над категорией политической культуры. Это совершенно не случайно, поскольку обе категории, по точному замечанию И.С. Семененко, разрабатываются и внедряются в политической науке в качестве инструментария, который бы позволил «выявить механизмы влияния ценностных ориентаций на эволюцию социальных и, в частности, политических институтов» [Семененко, 2011, с. 8].

Многозначность категории идентичности объясняется сложностью ее генезиса. Ученые, которые внесли свой вклад в проблематизацию идентичности в социальном и политико-культурном измерениях, выходят на эту проблематику из разных сфер, побуждений и интересов. З. Бауман, П. Бергер, П. Бурдье, Э. Гидденс, М. Кастельс, Э. Лакло, А. Мелуччи, Ш. Муфф, Ч. Тилли, Ч. Тэйлор, А. Турен – разве можно кого-то из них «приписать» к строго определенной области научных знаний и конкретных проблем? Для одних идентичность позволяет рассматривать многие важные черты современности, определяемой как текучая (Бауман), эпоха постмодернити (Гидденс, Холл). Для других обращение к идентичности важно в плане определения соотношения универсального и партикулярного (Лаклау, Муфф). Третий идут к концептуализации идентичности через анализ коллективных действий (Мелуччи, Тилли). Выбор смыслов, борьба за признание – главное, что делает

«борьбу за идентичность» политической проблемой для Тэйлора и Кастельса [Миненков, 2011, с. 21–24].

Нет недостатка в объяснительных схемах популярности концепта идентичности в современных социально-гуманитарных науках. Это и неудовлетворенность традиционными понятиями, и рост социальных движений, и развитие новых информационных технологий. Немаловажное значение для судьбы концепта идентичности имеет его включение в обиход политиков и гражданских активистов, что придает ему налет политизированности. Обширный пласт публикаций посвящен обсуждению идентичности, оспариванию идентичности, концептуализации идентичности [Questioning identity... 2000; The identity in question... 1996]. Г.Я. Миненков точно подметил, что идентичности не создаются в лабораториях или аудиториях, а конструируются в конкретных социальных практиках, это и делает как сами эти практики, так и знание о них политическим, поскольку они всегда являются взаимодействием смыслов, которые индивиды вкладывают в социальные действия.

Освоение идентичности политической наукой

Для политической науки особое значение имеет концептуализация понятий политической идентичности и политики идентичности. Не случайно в России одно за другим вышли в свет издания с аналогичным названием [Политическая идентичность... 2011; Политическая идентичность и политика идентичности... 2011]. «Идентичность вообще, а политическая идентичность не в последнюю очередь, приобрела значение решающего фактора жизни человека в современном обществе, подверженном риску, неопределенности, кризису и изменениям», – поясняет Л.В. Сморгунов интерес авторов двухтомника к «весьма острому в политическом отношении и интересному в научной интерпретации феномену» [Сморгунов, 2012, с. 178]. Он оценивает подход авторов как аналитический, объективистский,rationально определенный, синтизирующий дискурсивно наличный материал и стимулирующий дальнейшие исследования идентичности. В самом деле, с одной стороны, российские исследователи идентичности, опираются на достижения мирового социогуманитарного знания, а с другой – активизация интереса к проблематике идентичности в российской

политической науке происходит в принципиально иных условиях, прежде всего политических, что обусловило потребность в поиске новых подходов, оценок, даже языка.

Характеризуя развитие теории политической идентичности в зарубежной политической науке, О.В. Попова считает возможным выделить три волны концептуализации политической идентичности, которые связаны с актуализацией социально-политических проблем, прежде всего западных стран [Попова, 2011, с. 18–24]. Российская наука обращается к проблематике идентичности также с 1960-х годов, но в ином контексте и с учетом идеино-политической составляющей: так, в работах, посвященных социальной психологии рабочего класса, существенное место отводилось классовой идентификации и классовому сознанию [Дилигенский, 1962; Иерусалимский, 1988; Вайнштейн, 1977]. Кстати, проблематика классовой идентичности была популярной в 1960-е годы и в западной науке и не совсем утратила актуальность даже сегодня. Анализируя исследования классовой идентичности в современной науке, Серена Бафтон замечает, что отрицание значимости социального класса как источника социальных размежеваний или идентичности (Гидденс, Бауман, Лэш) парадоксальным образом пришлось на те годы (1990-е), когда пропасть между богатыми и бедными увеличилась, как и различия в уровне и образе жизни, образования, заботы о здоровье и пр. у разных социальных групп [Bufton, 2004, р. 20]. Она приводит убедительные примеры того, что среди исследователей существуют принципиально разные взгляды на доказательства существования классовой идентичности. Сейчас идет переосмысление классовой идентичности, в том смысле что ее предлагают снова иметь в виду, в пересмотренном виде.

Политическая идентичность и политика идентичности

Представляется, что особое значение имеет проблема концептуализации политической идентичности и политики идентичности. И.С. Семененко определяет политическую идентичность как «комплекс идеино-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с тем или иным политиче-

ским сообществом. Она утверждается во взаимодействии с политическими институтами и реализуется в публичной сфере» [Семененко, 2011, с. 71]. Предлагается два измерения идентичности: узкое и широкое. Первое предполагает соотнесенность граждан с политическими институтами и их вовлеченность в политико-институциональное взаимодействие в рамках политической общности. Широкое измерение политической идентичности включает проекции национально-цивилизационных, этнонациональных, расовых, религиозных и конфессиональных, территориальных, возрастных, гендерных, культурных и иных составляющих социальной идентичности в политическую сферу.

Конструирование политической идентичности – процесс многоакторный, включающий усилия разных субъектов по формированию представлений о государстве и его институтах, ценностных ориентиров, политических притязаний, которые осуществляются в публичном пространстве. Очевиден факт, что ключевым игроком выступает государство, которое в проведении политики идентичности использует символическую политику, политику памяти, языковую политику. Исследователи отмечают существенную роль в символической политике и политике памяти подконтрольных власти СМИ, образовательных институтов, прежде всего школ и учебников истории [Национальные истории... 2009]. К субъектам формирования политической идентичности относятся политические партии, функции которых выражаются в артикуляции интересов, выработке смыслов, определении политической повестки дня. Претензии политических партий на субъектную роль в политике идентичности зависят от типа политической системы, практики партийного строительства и политической конъюнктуры. Одной из причин возникновения феномена «вседневных» партий (*catch-all parties*) является стремление создать широкую социальную базу за счет как можно более неопределенной партийной идентичности. В то же время политическая конъюнктура может диктовать четкие представления и ориентиры, в особенности если они направлены на определяемого «Другого» и позволяют представить партийную или идеально-политическую идентичность как национально-государственную.

Влияние на процесс формирования политической идентичности оказывают общественные организации, это относится в значительной мере к политике памяти: там, где публичная или коллектив-

ная память выстраивается совместно государством и общественными организациями, она имеет более широкую и легитимную базу [Идейно-символическое пространство... 2011]. Общественные организации могут выступать в качестве инициаторов значимых тем и сюжетов публичного обсуждения, повестки дня, способствовать укреплению или оспариванию ориентиров политической идентичности. Зачастую роль общественных организаций в политической идентификации становится предметом серьезных споров: так, в России дискуссии по поводу правозащитного движения носили в начале 2000-х годов настолько ожесточенный характер, что привлекли за собой изменения в самоидентификации самих правозащитников, которые с недавнего времени предпочитают называться гражданскими активистами. Политические элиты выступают в качестве безусловного субъекта политики идентичности, другое дело, что они гетерогенны и позиции разных групп отличаются в плане оценки политической идентичности. Бизнес-элиты играют роль субъекта формирования политической идентичности непосредственно в процессе определения идеологических и ценностных основ национально-государственной идентичности, как в эпоху господства неолиберальной идеологии, либо опосредованно, например через распространение концепта корпоративной социальной ответственности и корпоративного гражданства.

Особая роль принадлежит интеллектуалам и интеллектуальным сообществам. Понятие «публичный интеллектуал» появилось во второй половине XX в. с изменением пространства коммуникаций и актуализацией потребности в личностях, способных вести общественную дискуссию, адресовать свои размышления широкой публике, предлагая повестку дня. Несмотря на повсеместные стенания о том, что публичный интеллектуал как общественно значимая фигура исчезает или совсем исчез, такие личности, как Юрген Хабермас, Умберто Эко, Славой Жижек, Иммануил Валлерстайн и др., будоражат общественность, поднимая вопросы о политической, европейской, гражданской идентичностях. Еще более важна способность этих неординарных личностей формировать интеллектуальные сообщества, которые претендуют на субъектные позиции в политике идентичности [Фадеева, 2012]. Политический характер могут приобретать идентичности, формируемые этническими и конфессиональными сообществами. В современном мире эти сообщества приобретают особое значение, объясняя как множест-

венный характер идентичности, так и противоречивость глобализационных процессов. Следствием глобализации в немалой степени является все более активная роль региональных элит в конструировании идентичности. Перечень субъектов обширен, причем они оказывают влияние на политику идентичности даже тогда, когда сами не ставят такой цели. Например, феминистское движение гендеренно по вопросу о наличии гендерной идентичности, часть его участников полагают такую идентичность искусственным конструктом. Тем не менее наличие гендерного подхода оказывает немаловажное влияние на политику идентичности. Новым феноменом являются сетевые сообщества, которые привлекают все больший интерес исследователей [Сообщества... 2009; Мирошниченко, 2013; Морозова, 2016]. Насколько они политически ориентированы, в какой мере совпадает сетевая идентичность и политическая идентификация, кто и как формирует политические идентичности в Интернете – эти вопросы носят как исследовательский, так и политически релевантный характер. Принципиальное значение имеет то, как складывается взаимодействие акторов в публичном пространстве, обладают ли они способностью учитывать множественный характер идентичности в современном мире, выстроить диалог друг с другом, скорректировать свои позиции под влиянием других, является ли их конкуренция публичной и корректной, либо она приобретает характер борьбы, переходящей в схватку.

Понятия «схватка», «борьба», как уже отмечалось, часто используются для характеристики конструирования идентичности, и в особенности для характеристики политики идентичности. По мнению Г.Я. Миненкова, политика идентичности – это борьба, «борьба теоретическая и социально-политическая, связанная с разрушением прежних легитимаций и поиском признания и легитимности, а иногда и власти, а не только возможностей для самовыражения и автономии. Политика идентичности является политикой и потому, что она включает отрицание или замену тех идентичностей, которые другие, часто в форме различного рода ярлыков, хотели бы навязать от имени “всеобщего” борющимся за признание индивидам» [Миненков, 2005].

Исследование проблем идентичности в отечественной политологии

Что касается российской науки, то Г.Г. Дилигенский, заложивший основы социально-политической психологии, уделял существенное внимание процессам идентификации в российском обществе в переходные 1990-е годы. В рамках этого направления проводились исследования идейно-политической идентификации К.Г. Холодковским, В.В. Лапкиным, В.И. Пантиным. Интерес к данной проблематике демонстрировали многие политологи, социологи, конфликтологи, которые внесли вклад в анализ разных проявлений ее идентичности – партийной, этнической, региональной и др. [Попова, 2002]. Комплексный анализ гражданской, этнической и региональной идентичности содержится в серии коллективных монографий под редакцией Л.М. Дробижевой [Гражданская, этническая и региональная идентичность... 1962]. Кстати, обстоятельный обзор исследований этнической и национальной идентичности представлен в настоящем сборнике в статье В.А. Ачкасова, посвященной развитию этнополитологии.

Подходы к политике идентичности в отечественной науке существенно отличаются от западных. В западной науке сохраняется устойчивая традиция рассматривать политику идентичности применительно к меньшинствам, ущемленным в своих правах и претендующим на признание их специфики. Такая традиция сложилась в 1960-е годы на волне новых социальных движений и оказалась весьма прочной [Identity Politics... 2004; Knauer, 2011; D'Cruz, 2008]. Чаще всего политика идентичности оказывается связана с гендерной проблематикой. Гендерная идентичность выглядит как одна из наиболее проблематичных идентичностей, не только потому, что она рассматривается с разных, нередко – плохо совместимых теоретических позиций – психоанализа, теории социализации, постструктурализма, квира, но и потому, что подвергается политизации, временами – жесткой. Дороти Смит полагает, что проблематичность гендерной идентичности обусловлена доминированием капиталистических и патриархальных сил, Джудит Батлер видит в гендерном перформансе и идентичности индикаторы социального сопротивления и потенциал социальных изменений [Green, 2004].

Попытки оспорить такой подход к политике идентичности достаточно редки. Так, известный республиканский публицист Тод Джитлин предпринял одну из первых в американской практике попыток рассматривать политику идентичности в исторической ретроспективе именно в связи с тем, что обычно она оказывается плотно привязана к конкретным социальным практикам «бунтующих меньшинств». Он подверг критике идею, что идентичность есть прочное основание политики, поскольку сама она изменчива [Gitlin, 1995] «С окончания холодной войны идентичность становится новым способом делать политику», – замечает его рецензент Никола Эванс [Evans, 1998, p. 94]. Можно добавить, что в современной ситуации, которую называют новой холодной войной, осторожность проблем только усилилась. Так или иначе использование идентичности в политических целях, выстраивание политического курса с опорой на конструируемую политическую или макрополитическую (термин, введенный О.Ю. Малиновой) [Малинова, 2010] идентичность очевидно, что требует от исследователей разработки новых подходов и отказа от жесткой привязки к устоявшимся стереотипам.

Не будет преувеличением сказать, что политика идентичности – понятие, которое только начинает разрабатываться в отечественной *политической науке*. И.С. Семененко определяет его как деятельность государства и других субъектов политического процесса, направленную на формирование совокупности ценностных ориентиров, практик, целью которой является формирование и поддержание национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, ориентиров развития национального сообщества и идентичностей групп и сообществ внутри него [Семененко, 2011, с. 160–168]. Эта сфера является объектом государственной политики и деятельности различных акторов, так или иначе задействованных в политическом процессе.

Концептуализации идентичности как категории политической науки посвящены публикации И.С. Семененко, как индивидуальные, так и коллективные, подготовленные под ее руководством. И.С. Семененко выступает не только в качестве генератора научных идей и креативного импульса в исследованиях идентичности, но и как организатор ряда проектов и конференций, ставящих целью сделать концептуализацию социальной и политической идентичности «одной из основ для развития нового направления меж-

дисциплинарных исследований – социально-политической культуры или социокультурных исследований политики» [Семененко, 2011, с. 8]. Ей удалось собрать команду единомышленников, вошедших в Исследовательский комитет РАПН по исследованию идентичности, организовать и поддерживать Экспертную сеть по исследованию идентичности, которая объединяет больше сотни исследователей из России и ближнего зарубежья и успешно функционирует с 2009 г. Участники сети и члены исследовательского комитета представляют научные центры разных российских регионов. Уже упоминавшийся двухтомник под редакцией И.С. Семененко, по мнению Л.В. Сморгунова, призван стать событием в политической науке, поскольку его отличает «постановка проблемы соотношения политической идентичности, культуры и политического и значительное продвижение в ее решении, в концептуализации идентичности как политического феномена» [Сморгунов, 2012, с. 185].

Г.Я. Миненков указывает на важность задачи «вписать идентичность в некий поток событий и обозначить справедливость ее притязаний на признание другими. Отсюда столь острая борьба в современном обществе вокруг вопросов исторической памяти, или «мест памяти». Кроме того, практики идентификации оказываются своего рода предпринимательством, бизнесом, продажами. Очень ярко это проявляется, например, в практиках конструирования национальных идентичностей, где разворачивается остройшая борьба за владение «правильным» национальным дискурсом и «правильной» исторической памятью и механизмы их продвижения на «рынок идентичности» [Миненков, 2005].

По мнению О.Ю. Малиновой, «политика идентичности – если использовать это понятие расширительно, применяя его ко всем акторам, которые так или иначе участвуют в дискурсах и практиках, формирующих паттерны социальной идентификации, – является важной составляющей символической политики» [Малинова, 2010]. Разрабатывая категорию символической политики, О.Ю. Малинова способствует и развитию инструментария исследования идентичности, хотя в трактовке соотношения этих понятий есть существенные различия. Не вызывает сомнений, что разделяемые представления о прошлом являются одной из основных опор идентичности современных политических сообществ. И сообщество, стоящее за современным российским государством, в этом смысле не является исключением: конструирование его идентичности,

безусловно, включает в себя то, что можно было бы назвать политикой памяти, т.е. производство социальных представлений о прошлом этого сообщества [Малинова, 2015].

Проблематика идентичности формирует широкое поле научных исследований. По-прежнему ключевое место в нем занимает идентичность национальная и национально-государственная. Так, масштабные исследования российской идентичности представлены трудами К.Г. Холодковского, С.В. Кортунова, И.Н. Тимофеева и др. Особая тема – конструирование европейской идентичности или идентичности граждан ЕС. Существенное место в исследовательском поле начинают занимать новые технологии и социальные медиа, в рамках которых идентичность понимается как совокупность ресурсов, с помощью которых люди выражают себя и представляют другим участникам во взаимодействии [The Language... 2014]. Безусловно, такая презентация принимает разные формы, она может быть разновидностью карнавала, театра масок. Борьба за идентичность осуществляется посредством социальных коммуникаций, и изменение коммуникативного пространства оказывает влияние на этот процесс [Борьба за идентичность... 2012].

В связи с этим понятен интерес политологов к вовлечению анализа коммуникативных практик в исследование конструирования идентичности, политики идентичности. Именно в таком ракурсе выстроены исследования кубанских (Е.В. Морозовой, И.В. Мирошниченко, И.В. Самаркиной) и пермских ученых (П.В. Панова, М.В. Руткаускайте, С.В. Пономарева, С.А. Новиковой, Л.А. Фадеевой, Н.В. Борисовой). Современные отечественные исследования позволяют внести корректизы во внесенные в научный оборот Кастельсом, Делезом и др. представления о ризомности и относительной свободе новых медиа как пространства социальных и политических взаимодействий. В современных условиях это пространство становится площадкой острой и временами ожесточенной борьбы, в том числе за идентичность.

Вряд ли можно утверждать, что идентичность как научная категория перестала быть проблематичной и состязательной. Сохраняет актуальность замечание В.С. Малахова, что проблематичность идентичности как понятия объясняется ее привязкой к понятию национального. Состязательность термина усиливается по мере нарастания важности политики идентичности. Это ставит перед исследователями новые задачи как по развитию концепта

идентичности, так и по анализу процессов ее конструирования, проходящих в противоборстве акторов, в современном мире. Тем не менее за последнее время предприняты серьезные и плодотворные усилия по концептуализации идентичности в качестве категории политической науки, существенный вклад в которые принадлежит российским ученым.

Список литературы

- Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / Под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М.: РОССПЭН, 2012. – 263 с.
- Вайнштейн Г.И. Американские рабочие: сдвиги в общественном сознании. – М.: Наука, 1977. – 217 с.
- Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: РОССПЭН, 2013. – 485 с.
- Дилигенский Г.Г. Рабочий на капиталистическом предприятии. – М.: Наука, 1962. – 410 с.
- Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под ред. О.Ю. Малиновой. – М.: РОССПЭН, 2011. – 285 с.
- Идентичность как предмет политического анализа / РАН. ИМЭМО; Отв. ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева. – М., 2011. – 299 с.
- Иерусалимский В.П. Рабочий класс ФРГ: психология, сознание, сознательность. – М.: Мысль, 1988. – 282 с.
- Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. – М.: Новый хронограф, 2010. – 240 с.
- Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Идентичность. Хрестоматия / Сост. Л.Б. Шнейдер. – М.; Воронеж: Издательство МОДЕК, 2008. – 272 с.
- Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис: Политические исследования. – М., 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Малинова О.Ю. Концепция символической политики [видео] // Постнаука. – Режим доступа: <http://postnauka.ru/video/29961> (Дата посещения: 17.02.2016.)
- Миненков Г. Идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 2011. – Т. 1. – 208 с.
- Миненков Г.Я. Политика идентичности: Взгляд современной социальной теории // Политическая наука. – № 3. – С. 21–38.
- Мирошниченко И.В. Сетевой ландшафт российской публичной политики. – Краснодар: Просвещение–Юг, 2013. – 295 с.
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. «Инвесторы политического капитала»: социальные сети в политическом пространстве региона // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 2. – С. 60–76.

- Морозова Е.В., Мирошинченко И.В., Рябченко Н.В.* Фронтier сетевого сообщества // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2016. – № 2. – С. 83–97.
- Назукина М.В.* Региональная идентичность как категория политической практики. Автореф. дисс., канд. полит. наук. – Пермь: ПермГУ, 2009. – 24 с.
- Политическая идентичность и политика идентичности: Очерки / Под ред. О.И. Зазнаева. – Казань: Отечество, 2011. – 264 с.
- Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН, 2011. – Т. 1. – 208 с.
- Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН. – Т. 2. – 472 с.
- Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. – 257 с.
- Попова О.В.* Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке // Идентичность как предмет политического анализа / Отв. ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева. – М.: ИМЭМО, 2011. – С. 13–28.
- Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии // Российская политическая наука: истоки и перспективы / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: РОССПЭН, 2015. – Т. 3. – 464 с.
- Семененко И.С.* Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа / Отв. ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева / РАН. ИМЭМО. – М., 2011. – С. 8–12.
- Смирнягин Л.В.* О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: Материалы 4 Конвента РАМИ. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – Т. 2. – 116 с.
- Сморгунов Л.В.* Политическая идентичность и понятие политического // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 6. – С. 178–185.
- Сообщества как политический феномен / Под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М.: РОССПЭН, 2009. – 248 с.
- Фадеева Л.А.* Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. – М.: Новый хронограф. – 2012. – 320 с.
- Bottero W. Class identities and the identity of class // Sociology. – L., 2004. – N 38(5). – P. 985–1003.
- Brubaker R., Cooper F.* Beyond «Identity» // Theory and society. – Amsterdam, 2000. – N 1. – P. 1–47.
- Bufton S.* Social class // Social identities: Multidisciplinary approaches / Ed. by G. Taylor, S. Spencer. – L.; N.Y.: Routledge, 2004. – P. 14–34.
- D'Cruz C.* Identity politics in deconstruction. Calculation with the incalculable. – Ashgate, 2008. – 127 p.
- Crompton R.* Renewing class analysis. – Cambridge: Polity press, 2008. – 304 p.
- Eidlin B.* Class and work. – L.: Sage, 2015. – 728 p.
- Evans N.* Identity in question // Quaterly journal of speech. – L.; N.Y.: Routledge, 1998. – N 84:1. – P. 21–34.

- Gitlin T.* The twilight of common dreams: Why America is wracked by culture wars. – N.Y.: Henry Holt, 1995. – 288 p.
- Green L.* Gender // Social identities. Multidisciplinary approaches / Ed. by G. Taylor, S. Spencer. – L.; N.Y.: Routledge, 2004. – P. 35–63.
- Identity politics at work: Resisting gender, gendering resistance / Ed. by R. Thomas, A. Mills, J.H. Mills. – L.; N.Y.: Routledge, 2004. – 179 p.
- Bauman Z.* Conversations with Benedetto Vecchi. – Cambridge: Polity press, 2004. – 140 p.
- Knauer N.J.* Lesbian elders. History, law and identity politics in the United States. – Farnham: Ashgate publishing ltd., 2011. – 165 p.
- Questioning identity: Gender, class, nation / Ed. by K. Woodward. – L.; N.Y.: Routledge, 2000. – 166 p.
- The identity in question / Ed. by J. Rajchman. – L.; N.Y.: Routledge, 1996. – 310 p.
- The language of social media. Identity and community on the internet / Ed. by P. Seargent, C. Tagg. – L.: Palgrave Macmillan, 2014. – 260 p.

Л.В. СМОРГУНОВ *

ЗНАНИЕ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ОТ УТВЕРЖДЕНИЯ НОРМЫ К СУЖДЕНИЮ¹

Аннотация. В противоположность нормативному и структурному подходам в статье предлагается рассмотреть роль и значение фактора знания в развитии коммуникационных процессов публичного управления. Современное публичное управление перестает ориентироваться только на нормативные условия устойчивого порядка, а все более использует суждение для достижения управляемости.

Ключевые слова: публичное управление; знание; публичная коммуникация; суждение.

L.V. Smorgunov

Knowledge and public administration: From ordered rule to judgment

Abstract. In contrast to the normative and structural approach the article proposes to consider the role and importance of the knowledge factor in the development of communication processes of public administration. Modern public administration is no longer relying solely on the regulatory environment for sustainable order, but increasingly uses judgment to achieve governability.

Keywords: public administration; knowledge; public communication; judgment.

* **Сморгунов Леонид Владимирович**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления факультета политологии Санкт-Петербургского государственного ун-та, e-mail: l.smorgunov@spbu.ru

Smorgunov Leonid, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), e-mail: l.smorgunov@spbu.ru

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ N 14-03-00816 «Управляемость и конкурентоспособность в условиях неопределенности: сравнительный анализ стран БРИКС».

Исследование государственного управления в России относится к приоритетным научным направлениям. Его изучением занимаются экономисты, юристы, социологи, политологи, историки, культурологи и ученые других отраслей общественного и гуманистического знания. В центре внимания исследователей находятся идеинные основания и научные основы государственного управления [Атаманчук, 2004], институциональные условия осуществления государственной власти [Олейник, 2011; Куприяшин, 2012; Слатинов, 2012], общесоциальные и правовые условия и механизмы государственного управления [Охотский, 2008; Иванов, 2014], принятие и исполнение государственных решений [Дегтярев, 2004; Соловьев, 2014], аксиологические проблемы государственного управления [Волкова, 2013], административные реформы [Административные реформы... 2008]. В последние годы усилилось внимание к сетевому анализу государственного управления и политики [Курочкин, Шерстобитов, 2012; Михайлова, 2013]. Следует, однако, отметить, что доминирование структурных и институциональных подходов (включая сюда неоинституционализм) являются заметными методологическими инструментами анализа государственного управления. Хотя ясно, что изучение нормы и ее осуществления в государственном управлении предоставляет богатый исследовательский материал для познания процессов осуществления государственной власти, тем не менее в современном процессе политико-государственного управления растет значение новых факторов и условий. Такие категории, как лидерство, сотрудничество, символическая власть, интерпретация, идеинная инновация, миссия, коммуникация, дискурс, способности, состоятельность, публичность, начинают теснить привычные нормативные и структурные описания государственного управления. В связи с этим следует обратить внимание на то, что порядок в государственном управлении, опираясь на нормативные основания, уже не может быть обеспечен без интерпретации нормы, постоянной легитимации властных отношений и без использования коммуникативных средств взаимодействия множества участников принятия и реализации государственных решений. Да и сам порядок сегодня все больше описывается в понятиях управляемости, а не стабильности. Нормативная дисциплинированность не может полностью обеспечить развитие общества в условиях быстро изменяющихся обстоятельств, требуются другие средства и стимулы. И здесь следует

подчеркнуть значение такого фактора современного управления, как знание.

Государственная управляемость в условиях неопределенности выступает в этом отношении в трех понятиях: (1) управляемость как способность государства использовать свои стратегические ресурсы для повышения конкурентоспособности в мире; (2) управляемость как постоянная координация государством ответственных интересов в публичном пространстве выработки и реализации публичной политики; (3) управляемость как обеспечение политическими институтами справедливости и повышения качества жизни. В целом «управляемость демонстрирует различные профили разнообразия, динамики и сложности, завися от сочетания открытых и закрытых управленческих интеракций на их интенциональном и структурном уровнях» [Kooiman, 2010, p. 204]. В общем государственная управляемость соотносима и с конкурентоспособностью государства, и с его суверенитетом как способностью координировать публичную власть, на субъектность реализации которой притязают негосударственные акторы. Изменяется природа государственного насилия. Координация посредством легитимного насилия и приказа уступает место координации посредством вовлечения в публичность. При этом публичная власть выступает как постоянно согласуемая воля координируемого сообщества, а не принадлежность неразделенного единства. В этом отношении когнитивные элементы и факторы становятся определяющим условием согласуемой воли координируемого сообщества. Не норма, которая всегда выступала границей объединения и согласия, а суждение, высказанное в процессе коммуникации, приобретает колossalную роль в публичной политике и управлении.

Когнитивная модель управления

Современная теория управления стоит перед вызовом, который определяется трансформацией общества и всех составляющих его сфер в условиях повышения роли коммуникационных и когнитивных процессов и механизмов. Симптомами изменений здесь следует назвать, во-первых, интерес к фукианской идеи «управленческой ментальности» (*governmentality*), которая стала рассматриваться в качестве методологии размышления о различных

феноменах управления – человека самим собой, своей душой, своим поведением, коллективное управление, управление семьей, вплоть до политического управления. Общий смысл данного подхода состоит в том, что существуют плюральность и частичная несовместимость различных практик управления человеком своим поведением, определяемые сменой ментальных конструкций. При этом управление не рассматривается только как монопольная принадлежность государства, это – управление поведением в широких и разнообразных смыслах: человека – самим собой, групповое управление, управление детьми, управление душой, болезнью и т.д. вплоть до политического управления. Если «управленческую ментальность» понимать как форму политического анализа, то она «нацеливает быть критическим и рефлексивным; она пытается сделать ясными формы политического разума и этических допущений, которые воплощены в нашей деятельности по управлению. Смысл здесь в том, что управление никогда не является общей или родовой деятельностью... Она раскрывается как активность, которая является “редкой”, всегда исторически партикулярной» [Walters, Haahr, 2005, р. 290–291]. Во-вторых, в теории организации и основанном на ней менеджменте парадигмальные изменения связаны с концепцией ресурсной теории и стратегического управления, в которых интеллектуальные ресурсы стали рассматриваться в качестве самого значимого элемента развития и эффективности действия. В-третьих, в публичном управлении на первый план исследования выходят дискурс-методы анализа, нарративный подход, герменевтический анализ, конструктивизм, которые теснейшим образом связаны с гуманитарными, человеческими составляющими управления. В организационном плане сюда добавляются сетевой анализ и коммуникативистика, новый институционализм с его акцентом на идеях и интерпретативной рациональности. В-четвертых, практика управления уже не может обойтись без включения в свой арсенал знания, коммуникации, образов и репутаций. Обычной становится деятельность по управлению знаниями, имиджами, брендами и т.д. В-пятых, производство знания становится значимой сферой как в масштабе страны, так и на уровне отдельных сфер, отраслей, организаций, фирм, учреждений. Система образования, сохраняя свою автономность, включается в интеграционные связи, а материальное производство вынуждено разрабатывать свои ниши создания знания и управления им. Производство знания

становится производительным в прямом и непрямом смыслах этого слова. В этих условиях управление как организационное творчество приобретает новые черты и начинает, с одной стороны, реагировать на изменения, перестраивая себя, с другой – оно само становится частью интеллектуального производства, создания и развития знаний. Понятие «интеллектуальная организация» начинает использоваться довольно широко, а ее содержательные характеристики тяготеют к управленческой проблематике.

Для сравнения роли знания в современной теории управления с предыдущими теориями и для того, чтобы подчеркнуть, как знание проблематизирует управленческую тематику, обратим внимание на три теоретические конструкции управления: научная теория, информационная теория и когнитивная теория. Подчеркнем, что научная теория управления (А. Файоль, Г. Форд, Ф. Тэйлор, Л. Гулик) и информационная теория управления (Н. Винер, У. Эшби, П. Друкер) относятся к одному и тому же типу управления, который связан с эпохой веры в рационализм и независимость управления от объекта управленческого воздействия. Они имеют сходные характеристики в отношении использования когнитивных ресурсов (информация), хотя имеют и различия.

Для них характерен информационный подход к данным ресурсам, хотя характер и содержание необходимой для управления информации здесь различаются. Научная теория рассматривает управление с точки зрения объект-субъектных отношений, сводя информационный компонент к совокупности данных об объекте, с помощью которых организуется эффективная деятельность объекта. Направленность информации на функции организации определяется ее репрезентативным характером и инструментальной ценностью. Управление здесь является внешним агентом по отношению к деятельности, которую оно налаживает. Оно руководствуется некоторыми универсальными законами, относящимися и к объекту управления, и к самой управленческой деятельности. Управленческим аналогом законов здесь выступает *норма*, которой организуются и управляющие и управляемые.

Информационная теория управления тоже базируется на информации. Более того, здесь информация выступает движущей силой самоорганизации системы, куда встроен механизм управления в качестве ее необходимого звена. Деятельность управления и деятельность самоорганизующейся системы здесь сочетаются. Но

использование когнитивных ресурсов в таких системах отличается направленностью на стабилизацию, на поддержание равновесия с внешней средой. Сигнальная природа информации здесь имеет репрезентативный характер, а управленческое воздействие осуществляется посредством целеполагания.

Переход к обществу, основанному на знаниях и коммуникативных процессах, проблематизирует теорию управления и изменяет роль и место этих компонентов в управленческих системах. Современная теория управления, будь то менеджмент или публичная администрация, радикально меняет отношение к когнитивным составляющим управленческого процесса. Из инструментального фактора управления, пусть и процессуально значимого для него, когнитивные компоненты превращаются в субстанцию конструирования организации, организационных отношений, деятельности людей, связей со средой и т.д. Этому способствуют трансформации в самой системе когнитивных факторов, когда на первый план выходят не информация, а знание и познание (*knowledge and knowing*). То, что в данном тексте называется «когнитивной теорией управления», лишь отчасти относится к когнитивным наукам. Подразумевается более широкое понимание, захватывающее стиль и методологию размышлений об управлении, основанном на знании. Знание является типом когнитивного ресурса, который приобретает субстанциональное значение для публичной управленческой деятельности. Оно занимает центральное место во взаимодействии участников координируемого общественного пространства и выражает общее стремление не в виде функций или целей (т.е. предписанных направлений деятельности), а в форме миссии, которая лишь обозначает общий вектор движения общественного целого, его аксиологию и идеиную парадигму. Оценка публичного использования разума основывается на совместном процессе размышления о возможности социального развития, неизбежная конфликтность которого (спорная политика) определяет спектр политических возможностей для инноваций на основе общей убежденности в возможности поиска и достижения согласия относительно институтов, процессов, средств и перспектив. Этому служит человеческая способность общения, значимость которой сегодня невозможно не отмечать. В политико-философском смысле современная эпоха – это время возрождения коммуникации. Как пишет Джорджо Агамбен, «эпоха, в которую мы живем, на деле является также

эпохой, когда люди впервые обретают возможность получить опыт своей собственной речевой сущности, – не того или иного содержания речи, не того или иного истинного предположения, но *самого факта, что мы говорим*» [Агамбен, 2015, с. 116]. Отсюда политическая реальность не может рассматриваться отдельно от того, как эта реальность производится (конструируется) в процессе коммуникативного действия.

Конструктивистский подход к управлению

Конструктивизм является сегодня одним из методологических подходов, объединивших ряд идей таких направлений в изучении политики и управления, как новый институционализм, когнитивистика, теория автопоейтических систем, интерпретативизм, идеи постмодернизма и др. В целом можно говорить о том, что на его становление и развитие повлияли философия коммунитаризма, коммуникативная теория и концепция общества знаний. Марта Финнемор и Кетрин Сиккинк пишут о следующих конкретных теориях, которые так или иначе проработаны конструктивистами: фукианский анализ власти и дискурса, теории агентств и культуры, идеи самопрезентации в публичной жизни, понятие «безопасных коммун» Дейча, идеи организационного поведения и теория социальных движений, теория коммуникативного действия Хабермаса, теория переговоров и др. [Finnemore, Sikkink, 2001, р. 394]. Суть конструктивистского подхода состоит в том, что в нем общественные отношения, выраженные в нормах, конституциях, денежной форме обмена, власти, культурных традициях и др., являются конструктами «интерсубъективных» верований, разделяемых идей и мнений. Факторы человеческого сознания являются значимым элементом формирования интересов и направленности общественной деятельности в целом. Как подчеркивал Александр Уенд применительно к изучению международных отношений, «социальные структуры включают материальные ресурсы наподобие золота и танков. В противоположность десоциализированному взгляду неореалистов на такие способности конструктивисты утверждают, что материальные ресурсы имеют значение для человеческого действия единственно через структуры совместного знания, в которых они выражаются... Материальные способности

как таковые ничего не объясняют; их результативность определяется структурами совместного знания, которые изменяются и которые не сводятся к [этим] способностям» [Wendt, 1995, p. 73; Dessler, 1999, p. 126]. Конструктивистский подход выдвигается в общественной науке как против материалистического детерминизма, так и против теории рационального выбора, ставящей акцент на индивидуальной рациональной калькуляции выгод и потерь. Однако, как и теория рационального выбора, конструктивизм лишь моделирует социальное человеческое действие, но не указывает на его содержательные составляющие, имеющие отношение к тем или иным сферам или конкретным вопросам. Он определяет лишь некоторые исходные предпосылки анализа социального действия, будет ли оно совершаться в сфере политики, экономики, права и т.д. «При конструктивистском анализе агенты и структуры взаимно конституированы теми способами, которые объясняют, почему политический мир является таким, а не другим, но субстанционная спецификация агентов и структур должна приходить из некоторого другого источника. Ни конструктивизм, ни теория рационального выбора не обеспечивают содержательных объяснений или прогнозов политического поведения, пока оно не будет соединено с более специфическим пониманием, кем являются соответствующие акторы, чего они хотят и каким контекст социальной структуры мог бы быть» [Finnemore, Sikkink, 2001, p. 393].

В качестве общих предпосылок конструктивистского подхода можно выделить следующие положения:

- социальные системы могут быть объяснены в качестве социальных конструктов, возникающих в процессе социального действия;
- социальное действие не является индивидуальным актом, а представляет собой «интерсубъективную» структуру, т.е. систему взаимодействий людей;
- хотя люди посредством социального действия добиваются реализации определенных интересов и целей, однако последние не берутся в качестве само собой разумеющихся исходных оснований деятельности; интересы и цели также являются социальными конструктами;
- люди в своем взаимодействии выступают как ценностно-рациональные субъекты, ценностная структура которых определяется тем, как люди понимают тот мир, в котором они живут; соци-

альные факты являются выражением тех ценностей, которые совместно выбирают люди;

– люди соглашаются считать то или иное ценным в результате серии коммуникативных практик, т.е. достигнутого согласия относительно обсуждаемого предмета;

– в процессе коммуникативных практик люди обмениваются идеями и формируют совместное знание, лежащее в основании достигнутого согласия о ценностях; в этом отношении идеи имеют значение и являются конститутивными для так понятой социальной реальности.

Можно сказать, что идеи и коммуникация составляют существо конструктивистского подхода к анализу социальных фактов и процессов. И в политике, включая государственное управление, идеи и коммуникации являются конститутивными и находятся сегодня в центре внимания ряда исследователей. Однако следует различать «строгих» и «мягких» конструктивистов. Первые относятся к тому направлению конструктивизма, который можно определить как «онтологический конструктивизм», т.е. здесь господствует представление о социальной реальности как созданной взаимодействием людей, являющейся «интерсубъективной». Мягкие конструктивисты не рассматривают проблему статуса социальной реальности, а полагают, что в любом случае при изучении различных социальных объектов необходимо учитывать конструктивную роль идей, от которых зависят наши решения, выбор методов и направлений деятельности. В этом отношении нельзя на практике жестко провести границу между тем, что есть, и тем, что должно быть. Конструктивистская методология говорит о том, «что реальность не является идеалистически сконструированной, но любое понятие, любое описание, любой рассказ о реальности формирует то, что можно рассматривать, включая проблему решений» [Andersen, 2005, p. 895]. В определенном смысле идеи задают границы принимаемых решений.

В теории управления часто «знать» означает «быть информированным» о законах объекта и нормах, регулирующих деятельность и управленцев, и управляемых. Вместе с тем способности умственной деятельности в обществе знаний требуют не только интеллекта, но и того, что можно обозначить как нравственно-этические позиции и коммуникативные ориентации.

Различие между желанием знать и способностью мыслить здесь является определяющим. Кажется, что данные рассуждения очень далеки от практики современного управления. Однако это не так. Современное управление нагружено необходимостью формирования способности мышления на всех уровнях, будь то руководство или менеджмент. Возьмем, например, исследование управленческой практики, представленное в статье Хендрика Уогенара «”Познание” правил: административная работа как практика». Он пишет, как важно в управленческой практике не просто руководствовать нормой, а трансформировать ее применительно к условиям ситуации, руководствуясь коммунитарным характером общения с клиентами и сотрудниками, когда знание возникает в процессе коммуникации и составляет существо управленческой практики, включающей в себя большой нравственный аспект. Таким образом, не норма является условием координации управленческой деятельности, а интерсубъективное суждение. Управленческая практика «требует не только того, чтобы мы применяли деконтекстуализированное знание, но чтобы мы обращали внимание на понимание человеческого опыта и форм жизни. Я полагаю, – пишет автор, – что это направляет нас в морально-политическую среду с высокой степенью неопределенности, которая сопровождает повседневную административную работу» [Wagenaar, 2004, p. 650].

Если суммировать новые черты возникающей концепции управления, которые бы раскрывали ее особенности в отношении структуры, методов и ориентиров, то «когнитивная теория управления» явилась бы некой моделью, с разной степенью полноты представленной сегодня и в различных отраслевых теориях управления, и в управленческой практике. Все эти характеристики можно найти при описании теории «governance», стратегического управления в бизнесе, ресурсной теории организации, сетевого подхода к управлению, управленческой герменевтике, менеджмента знаний и т.д. Современное управление окончательно теряет характер технической работы и превращается в значимый фактор порождения знания посредством управленческой коммуникации. Можно сказать, что в политическом отношении современная система управления характеризуется демократическим потенциалом и новыми гуманитарными подходами, учитывающими истинно человеческий характер взаимодействия людей, решающих разные

задачи, но все же остающихся разумными и способными понимать друг друга.

Общество знания затрагивает многие стороны современного общественного развития. Не случайно основной социальной группой будущего многие сегодня называют «работников знания», или «когнитариев». Общество знания прежде всего влияет на экономику, позволяя ей включать в основной актив современного производства – знание. Развитие технологической окружающей среды современных форм жизни модифицирует их, делает более информационно насыщенными и динамичными. Современное общество создает разветвленную информационную инфраструктуру, обеспечивающую современные потоки общения, движения товаров, производства услуг, культурное взаимодействие. Общество знания невозможно без инноваций, которые пронизывают современное производство, науку, культуру и общение. Инновационный характер деятельности заставляет учиться и делает образование решающей сферой развития производства и общественных отношений. Соответственно, приобретает существенное значение такой фактор развития, как инвестиции в людей и совершенствование их способностей.

В этом отношении технологии менеджмента знания начинают использоваться в публичном секторе довольно активно, а электронное правительство здесь служит удобным средством их реализации. Значение менеджмента знания для публичного сектора определяется рядом обстоятельств, среди которых обычно выделяют роль знания как средства конкуренции между публичными акторами и между публичным и частным секторами в деле производства товаров и услуг, которые становятся все более наполняемыми невидимым капиталом (знаниями); необходимость постоянного обучения и переобучения государственных служащих, когда, с одной стороны, знания устаревают очень быстро и когда, с другой стороны, в условиях подвижности кадров в управлении возникает проблема поддержания институциональной памяти и механизмов передачи опыта; усложнение целей политики и необходимость обмена знаниями в качестве фактора эффективной их реализации, минуя институциональные барьеры, разделяющие государственных служащих. Как пишут Крис Харман и Сью Брилэйд, «многие правительства в мире считают занятие лидирующей позиции в экономике знания существенным фактором будущего национального процветания. В этом ключе менеджмент знания, основанный

на электронных системах, явно рассматривается как перспективное средство предоставления правительством Великобритании услуг на всех уровнях... К этому следует добавить еще и стремление достичь “сочлененного правительства” (“jointed-up government”) (все уровни и агентства действуют вместе)».

Сегодня знания превратились в решающий фактор развития экономики, социальной сферы, политики и культуры. Требование управлять знаниями является необходимым условием конкурентоспособности современной организации в частном или публичном секторе. От этого в значительной мере зависит эффективность деятельности и потенциал развития любой организации. Современное публичное управление учитывает эту особенность и использует возможности новых информационных технологий для совершенствования процесса принятия решений, развития внутриправительственной деятельности, предоставления общественных услуг и в целом для построения новых демократических отношений между государством и обществом.

Как раз эти умения и навыки являются чрезвычайно важными в современном государственном управлении, ориентированном на сетевые структуры, сотрудничество и обмен знаниями. Новая концепция публичного управления включает в себя такие важные аспекты, как менеджмент знания и связанные с ним возможности открытого правительства.

Менеджмент знания в публичном управлении – новое направление организации деятельности государственных структур. Возникнув в качестве важнейшего фактора повышения эффективности деятельности бизнес-структур в 1990-е годы, в конце прошлого века он начинает использоваться и в публичном секторе, в органах законодательной и исполнительной власти. Особое внимание в связи с этим уделяется электронному правительству (электронные услуги) и открытому правительству (гражданское участие в принятии решений). По сути, менеджмент знания – это новые стратегии и технологии управления интеллектуальным капиталом организации, основанные на революции в знаниях и коммуникации.

Коммуникация в публичном управлении

Коммуникационные аспекты менеджмента знания в публичном управлении затрагивают его существенные характеристики и процессы.

Во-первых, менеджмент знания учитывает, что процессы получения, обработки и использования знания невозможны без коммуникации; при этом коммуникация понимается не только как передача информации (знание не сводится к информации), но и как процесс формирования разделяемых участниками организации ментальных моделей. В этом отношении публичное управление, хотя и базируется на нормативно-правовой определенности, но выходит в пространство публичной коммуникации, которая организуется не только для обсуждения (делиберативная демократия), для контроля и оценки (мониторинговая демократия), но и для превращения публичных суждений в инструмент координации взаимодействий при принятии и исполнении решений.

Во-вторых, коммуникация выступает центральным фактором расширения знания в организации, так как обмен знаниями в процессе общения взаимно обогащает его участников и создает дополнительный импульс для эффективной деятельности. И здесь публичное управление может включить в свой арсенал менеджмент знаний для формирования важнейшего условия эффективного политического управления – доверия [Сатаров, 2016], а затем и притока публичных знаний в виде постоянно порождаемых суждений как фактора политических инноваций для устойчивого развития. Здесь публичная коммуникация, реализующаяся в принятых решениях, порождает новый их тип – решение как суждение, а не как норма. Вот почему даже нормативные решения сегодня подвергаются постоянной практике интерпретации. Политическая роль суда в этом отношении становится все более заметной.

В-третьих, менеджмент знания посредством коммуникации организует то, что называется «организационным обучением» («*organizational learning*»); способность учиться – это свойство не только членов организации, но и организации в целом. Понятие «организационного обучения» вошло в организационную теорию вместе с пониманием роли интеллектуального капитала в деятельности организации. Научение в этом смысле становится процессом производства и воспроизведения интеллектуального капитала организации. В противоположность старой организации, где обучение отождествлялось с обучением, а последнее рассматривалось в качестве хотя и планомерного, но все же спорадического процесса, разделенного по времени обучения и работы, современная интеллектуальная организация находится в постоянном процессе науче-

ния, а следовательно, значение приобретает процесс управления получением знания. В этом отношении следует различать организационное обучение и обучение. Организационное обучение является процессом изменения поведения организации (и людей в организации) под влиянием воздействия внутренних и внешних факторов организации. Научение осуществляется спонтанно в процессе жизнедеятельности организации. Организационное обучение представляет собой осознанное приобретение знаний и навыков поведения. В большинстве подходов организационное обучение включает в себя и обучение, т.е. результатом такого обучения будет изменение как поведения, так и сознания. Однако эти результаты не всегда совпадают. В этом отношении выделяют различные типы обучения, определяемые соотношением изменений в сознании и в поведении.

Общая направленность изменений будет следующей: (1) обучение превращается в перманентный процесс, связанный с решением основных задач организации, вплетенным в него, и затрагивает работников всех уровней; (2) особое внимание уделяется практическому знанию, «знанию как»; (3) акцент в обучении становится скорее на процессах, чем на структурах и функциях, скорее на изучении опыта работы во многих организационных формах, работы в составе коллектива; (4) изменяется установка на обучение: внимание обращается преимущественно на формирование устойчивого интереса к самообучению, личной ответственности обучающегося за результаты обучения и получение знаний; (5) предпочтение отдается программам обучения, построенным на формировании умений производить оценивание деятельности, ее результативности и эффективности; вот почему технологии оценивания начинают применяться повсеместно; (6) современное обучение и обучение нацелены на формирование инновационного мышления, методологическую культуру, восприимчивость к постоянному выбору новых решений и действий. Публичная политика и управление следуют общим правилам организационного обучения, однако вносят в этот процесс свои особенности, которые определяются институциональной и контекстуальной спецификой публичной деятельности. Институциональная специфика связана с характером политических институтов (открытость, презентативность, кооперативность, ценностная ориентированность, правовая упорядоченность и др.). Контекстуальная специфика публичной дея-

тельности определяется связью политики с социетальными фактами, международными условиями, историческими традициями, ситуационными обстоятельствами. Научение в публичных структурах взаимодействия приобретает форму интегративного научения, соединяющего суждения и деятельность в политической культуре участия (политический актор знает о своем влиянии, он включен в политическую систему на основе доверия, он кооперируется с другими, признавая их значимость).

В-четвертых, эффект знания в организации определяется ее коммуникативными способностями в отношении внешнего окружения; обширные межорганизационные связи (а следовательно, и общение) позволяют более эффективно осуществлять выбор в условиях быстро изменяющейся ситуации. Действенность публичного управления, использующего ресурс знания, определяется системой коммуникативных способностей государств, гражданских ассоциаций, международных объединений и движений. Объем межорганизационных связей здесь является залогом проактивной реакции на возможные вызовы и изменения.

В-пятых, развитые организационные потоки коммуникации способствуют единой организационной культуре и повышению общей корпоративной ответственности за реализацию организационной миссии на основе совместного знания. Публичная ответственность не является категорией, описывающей внешний механизм санкций как фактора принуждения к выбору правильных действий. Она является внутренним качеством политических участников, возникающим в процессе обоснования публичных ценностей в суждениях.

В-шестых, организационное знание, функционирующее и обновляющееся в процессе коммуникации, составляет условие развития организации, позволяет снизить издержки «организационного торможения» реформ. Для публичного управления с ориентацией на инклюзивные институты совместное знание является значимым ресурсом общественного развития. Издержки «организационного торможения» социально-экономических и политических реформ снижаются за счет доверия и легитимности предпринимаемых действий.

Особое значение эти и другие коммуникационные компоненты менеджмента знания имеют для государственного управления, ориентированного на эффективное следование общественно-

му благу и сотрудничество с гражданским обществом. С одной стороны, повышение уровня взаимосвязей между различными государственными структурами, с другой – невозможность выполнения задач без сетевых структур, включающих гражданские ассоциации и бизнес, увеличивают сложность организации управления. Эффективное управление в этой ситуации может быть достигнуто за счет в том числе формирования и институционализации совместных ментальных моделей, влияющих на процессы разработки, принятия и реализации государственных решений. Доверие к государству возникает на основе разделенного знания, эффективным пространством для которого является сетевое взаимодействие.

* * *

Современная теория управления, учитывающая растущую роль знания, трансформируется и переходит от кибернетико-механистической парадигмы к гуманитарной теории. Особенно это заметно в тех отраслях управленческой теории, которая имеет отношение к управлению социальными системами. Вместе с тем ноосферное мировоззрение начинает активно воздействовать и на общую теорию управления. Метафора «коммуникации» является в этом отношении доминирующей при описании управления в условиях знания. Немалое значение придается и процессу управления производством знания, идущим от современной организационной теории. Пока доминирующим здесь является инструментальный аспект – производство знания как ресурса эффективности и конкурентоспособности деятельности организации. Однако гуманитарный подход, свойственный современной теории управления, заставляет и здесь выходить на более серьезные обобщения, связанные с пониманием способа жизнедеятельности людей в организованных формах взаимодействия.

Список литературы

- Агамбен Дж. Средства без цели: Заметки о политике. – М.: Гилея, 2015. – 148 с.
Административные реформы в контексте властных отношений / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.Н. Олейника. – М.: РОССПЭН, 2008. – 368 с.

- Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. – М.: Омега-Л, 2004. – 584 с.
- Волкова А.В.* Публичные ценности и государственное управление в России. – СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 2013. – 383 с.
- Дегтярев А.А.* Принятие политических решений. – М.: КДУ, 2004. – 416 с.
- Иванов Н.Б.* Государственное управление в современной России. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – 172 с.
- Куприяшин Г.Л.* Модернизация государственного управления: институты и интересы. – М.: Изд. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. – 312 с.
- Курочкин А.В., Шерстобитов А.С.* Политика и государственное управление в условиях сетевого общества. – СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 2012. – 152 с.
- Олейник А.Н.* Власть и рынок. Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. – М.: РОССПЭН, 2011. – 440 с.
- Охотский Е.В.* Государственное управление в современной России. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 548 с.
- Сатаров Г.А.* Доверие как объект политической социологии. Часть 1 // Полис: Политические исследования. – М., 2016. – № 1. – С. 121–138.
- Слатинов В.Б.* Реформирование государственной службы в России: Институциональные эффекты и ловушки. – М.: Агентство научных изданий, 2012. – 150 с.
- Соловьев А.И.* Принятие и исполнение государственных решений. – М.: Аспект-Пресс, 2014. – 496 с.
- Andersen S.* How to improve the outcome of state welfare service. Governance in a systems-theoretical perspective // Public administration. – New Jersey, 2005. – Vol. 83., N 4. – P. 891–907.
- Dessler D.* Constructivism within a positivist social science // Review of international studies. – Cambridge, 1999. – Vol. 25, N 1. – P. 123–137.
- Finnemore M., Sikkink K.* Taking stock: The constructivist research program in international relations and comparative politics // Annual review of political science. – Palo Alto, 2001. – N 4. – P. 391–416.
- Kooiman J.* Governing as Governance. – L.: Sage, 2010. – 264 p.
- Wagenaar H.* «Knowing» the rules: Administrative work as practice // Public administration review. – New Jersey, 2004. – Vol. 64, N 6. – P. 643–656.
- Walters W., Haahr J.* Governmentality and political studies // European political science. – L., 2005. – Vol. 4, N 3. – P. 288–300.
- Wendt A.* Constructing international politics // International security. – Cambridge, 1995. – Vol. 20. – P. 71–81.

РАКУРС

Ю.Г. КОРГУНЮК, О.В. ПОПОВА, Я.Ю. ШАШКОВА*

ИЗУЧЕНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ РОССИЙСКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ (2000–2015)

Аннотация. Анализируется изучение российскими исследователями зарубежных партий и партийных систем с целью выяснить, насколько такое изучение интегрировано в мировую науку и насколько активно в нем используется современный политологический инструментарий. Рассматривается массив литературы, опубликованной в 2000–2015 гг. Авторы приходят к выводу, что интерес российских исследователей сохраняет свою «европоцентричность» – почти половина публикаций касается Западной Европы, стран Британского Содружества и США. При этом лишь менее четверти работ выполнены с применением современных инструментов политической науки, и только три публикации основаны на оригинальных авторских методиках.

Ключевые слова: зарубежные политические партии; партийные системы зарубежных государств; партология; история политической науки.

* **Коргунюк Юрий Григорьевич** – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, руководитель отдела политологии РОФ «Информатика для демократии» (Москва), e-mail: partinform@mail.ru; **Попова Ольга Валентиновна** – доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: pov_64@mail.ru, o.popova@spbu.ru; **Шашкова Ярослава Юрьевна** – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, e-mail: yashashkova@mail.ru

Yury Korgunyuk – Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, INDEM Foundation (Moscow, Russia), e-mail: partinform@mail.ru; **Olga Popova** – St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); e-mail: o.popova@spbu.ru, pov_64@mail.ru; **Yaroslava Shashkova** – Altai State University (Barnaul, Russia), mail: yashashkova@mail.ru

**Y.G. Korgunyuk, O.V. Popova, Y.Y. Shashkova
Study of foreign party systems by Russian researchers (2000–2015)**

Abstract. The article analyzes how Russian researchers study foreign parties and party systems. The goal is to understand how deeply are these studies integrated into the world political science and how actively they use up-to-date tools and methodologies. The literature of 2000–2015 is taken into consideration. The conclusion is that Russian researchers remained to be Western- and Europe-oriented. Less than a quarter of works were carried out with the use of modern tools of political science, only three publications are based on the original author's methodology.

Keywords: foreign political parties; party systems of foreign countries; history of political science.

В советское время, если вынести за скобки «Историю КПСС», изучение партий и партийных систем носило либо исторический, либо страноведческий характер. Наиболее ущербным было исследование отечественных реалий – чем ближе к современности, тем меньше в нем оставалось науки и больше прибывало пропаганды. Зарубежные партии и партийные системы представляли собой некую нишу, где под прикрытием исторического либо страноведческого интереса были возможны более-менее серьезные изыскания, пусть даже с неизбежной данью дежурным идеологическим штампам.

С начала 1990-х годов исследование отечественных партий – как дореволюционных, так и современных – освободилось от идеологического надзора. Более того, именно партии-соотечественники и стали привлекать основное внимание российских партологов. Поначалу эти исследования носили почти исключительно описательный характер, но с конца 1990-х годов они стали активно привлекать понятийный аппарат, инструменты и методики, заимствованные из мировой политической науки.

Продолжалось и изучение зарубежных партий и партийных систем. Однако здесь с внедрением последних достижений западной политической науки дела обстояли хуже – во многом потому, что в этой области по-прежнему доминировали не политологи, а историки и страноведы.

Задача данной статьи – выяснить, насколько изучение зарубежных партийных систем российскими исследователями интегрировано в мировую науку, насколько активно оно использует современный политологический инструментарий.

С этой целью авторами был проанализирован массив литературы, опубликованной в 2000–2015 гг. Основное внимание уделено диссертационным исследованиям, монографиям и статьям, опубликованным в реферируемых изданиях. Такой выбор обусловлен тем, что публикации в других изданиях, как правило, лишь повторяют сказанное в трех вышеперечисленных типах литературы.

Исследуемые публикации были классифицированы по трем признакам: типу публикации (1), специализации (2) и уровню исследования (3).

Первый классификатор относит публикацию к одному из шести типов: 1) научная статья; 2) монография; 3) диссертация на соискание ученой степени (кандидатская либо докторская); 4) рецензия на публикацию; 5) сообщение о научном мероприятии (конференция, семинар, круглый стол); 6) учебник или учебное пособие.

Второй классификатор обозначает три возможных сферы специализации исследователя: 1) историческая наука (страноведение); 2) политическая наука; 3) юриспруденция.

Третий классификатор выделяет в качестве уровня исследования описательный (1), основанный на использовании современных инструментов, принятых в западной политологии (2), разработку оригинальных концепций и инструментов, учитывающих последние достижения мировой политической науки (3).

Общая характеристика массива литературы

Всего были проанализированы 518 публикаций. Наибольшая их часть (169) касаются Западной Европы, далее по убывающей – сравнительные исследования зарубежных партийных систем в целом (89), стран Британского Содружества и США (82). Наименьшее число работ посвящены партийным системам Латинской Америки (18), Ближнего Востока и Ирана (16), Африки (12). На долю Азиатско-Тихоокеанского региона, Центральной и Восточной Европы, а также постсоветского пространства приходится соответственно 59, 42 и 31 публикация.

Основной массив публикаций составляют научные статьи (326), за ними идут диссертации (99 кандидатских и 12 докторских), монографии (42), учебники и учебные пособия (25) (табл. 1).

Таблица 1

**Работы о зарубежных партиях и партийных системах
по типу публикации**

	Науч. статья	Монография	Дисс. канд. наук	Дисс. докт. наук	Рецензия	Сообщение о мероприятии	Учебник
Сравнительные исследования	59	5	6	0	2	1	16
Страны Содружества и США	46	9	21	3	0	0	3
Западная Европа	103	11	41	5	1	5	3
Центральная и Восточная Европа	23	6	9	1	1	1	1
Латинская Америка	13	1	0	2	2	0	0
Африка	11	0	1	0	0	0	0
Ближний Восток и Иран	10	1	5	0	0	0	0
Страны Азиатско-Тихоокеанского региона	36	7	13	0	1	0	2
Постсоветское пространство	25	2	3	1	0	0	0
Всего	326	42	99	12	7	7	25

Что касается специализации, то наибольшую часть массива составляют политологические работы (278), а также страноведческие либо исторические (231). Юридических публикаций восемь, одна диссертация [Маврин, 204] написана соискателем ученой степени кандидата социологических наук (табл. 2).

Таблица 2

**Работы о зарубежных партиях и партийных системах
по специализации**

	Истор. наука / страноведение	Полит. наука	Юр. науки
Сравнительные исследования	2	85	2
Страны Содружества и США	43	39	0
Западная Европа	91	73	5
Центральная и Восточная Европа	7	35	0
Латинская Америка	12	6	0
Африка	8	4	0
Ближний Восток и Иран	11	5	0
Страны Азиатско-Тихоокеанского региона	50	8	1
Постсоветское пространство	7	24	0
Всего	231	279	8

Уровень подавляющего большинства публикаций (392) описательный, тем не менее в 123 задействован современный инструментарий политической науки, а три работы содержат оригинальные методики исследования (табл. 3).

Таблица 3
**Работы о зарубежных партиях и партийных системах
по уровню исследования**

	Описательный	С использованием современных инструментов политической науки	С использованием оригинальных разработок
Сравнительные исследования	39	49	1
Страны Содружества и США	70	12	0
Западная Европа	140	28	1
Центральная и Восточная Европа	22	20	0
Латинская Америка	15	3	0
Африка	11	0	1
Ближний Восток и Иран	14	2	0
Страны Азиатско-Тихоокеанского региона	59	0	0
Постсоветское пространство	22	9	0
Всего	392	123	3

Рассмотрим распределение работ по рубрикам и регионам подробнее.

Сравнительные исследования зарубежных партийных систем

К категории сравнительных исследований можно отнести 89 публикаций, в том числе 16 учебников (17,9% от общего числа), 59 научных статей (66,4%), пять монографий (5,6%), шесть кандидатских диссертаций (6,8%), две рецензии (2,2%) и одно сообщение о научном мероприятии (1,1%). Подавляющее большинство из них отнесены к политологической тематике (85), четыре работы – к исторической или юридической (по две). Больше половины пуб-

ликаций (49) основаны на использовании подходов, принятых в современной зарубежной науке; 39 – носят описательный характер; одна – основана на оригинальной авторской разработке.

Исследования посвящены таким темам, как особенности существования и трансформации партийной системы как компонента политической системы современных государств в условиях глобализации [Гудков, 2012; Маврин, 2004; Партийные системы, 2015 и др.], степень значимости партий в сравнении с другими политическими акторами [Кулик, 2010 и др.], перспективы правых [Галкин, 2008 и др.] и левых партий [Социал-демократия, 2010; Партийная реформа и контрреформа, 2015]. Важную роль в сравнительных исследованиях занимают попытки проанализировать трансформацию партийных систем, выявить их современные модификации [Телков, 2002; Худолей, 2013 и др.].

Продолжается традиция исследования особенностей функционирования партий и партийных систем в государствах с различными политическими режимами [Коргунюк, 2009; Мелешкина, 2006; Порошин, 2014; Шендрикова, 2012 и др.]. Интерес проявляется в первую очередь к практикам функционирования зарубежных партий и партийных систем, однако отдельные исследователи пытаются оценить и теоретическую разработанность этой области политологического знания [Исаев, 2008 и др.].

В ряде работ проводится сравнительный анализ партийных систем зарубежных стран и России [Формирование партий, 2003 и др.], оценивается роль партийных организаций в модернизации общества [Сморгунов, 2010], рассматриваются нормативно-юридические [Курочкин, 2014 и др.] и технологические аспекты создания и функционирования партийных коалиций, в том числе в рамках институционального подхода [Сидоров, 2014 и др.]. Исследование партий в политической науке традиционно связывается с их ролью в избирательном процессе, однако обращение к сравнительному аспекту этой проблемы достаточно редко [Гришин, 2015].

В ряде статей развитие партийных систем описывается в сравнительно-исторической перспективе [Голосов, 2012 и др.]. Оцениваются также формы и перспективы взаимодействия партий с общественными объединениями и группами интересов [Перегудов, 2014 и др.], выявляется связь между эффективностью государства и особенностями функционирования партийной системы [Гаспарян, 2013].

Наряду с описанием ставших уже рутиной картельных партий [Александров, 2011] российские ученые все чаще обращаются к изучению феномена онлайн-партий, их роли в избирательных системах, технологий привлечения ими избирателей [Партийная реформа и контрреформа, 2015; Кабанов, 2015 и др.], а также особенностей взаимодействия партий в интернет-пространстве [Кислицына, 2009].

Партии анализируются как компоненты политического рынка, эффективность функционирования которых во многом связывается со способностью встраиваться в различные проекты, предлагаемые политическим классом [Пшизова, 2010 и др.]. Отдельные работы посвящены методикам оценки состояния политических организаций [Шуров, 2015 и др.].

Специального упоминания заслуживают немногочисленные публикации российских исследователей в зарубежных изданиях, посвященные проблеме фрагментации партийных систем разных государств [Golosov, 2015 a; Golosov, 2015 b; Golosov, 2014].

Учебники о политических партиях и партийных системах написаны преимущественно в нормативном ключе [Ашкеров и др., 2013; Современные политические партии, 2013 и др.], некоторые из них дают представление об истории партий, особенностях их формирования, функционирования и взаимодействия с другими подсистемами государства в рамках институционального подхода [Исаев, 2008 и др.]. Отдельные учебно-методические издания посвящены технологии создания и продвижения партийных организаций на политическом рынке [Технология создания партии, 2007].

Среди всего разнообразия публикаций обнаружены только две рецензии, посвященные зарубежным публикациям о партийных системах [Анохина, 2008; Коргунюк, 2008]. Такое невнимание можно было бы объяснить тем, что «среднестатистический» российский партолог прекрасно владеет иностранными языками и не нуждается в информации о наиболее значимых зарубежных публикациях, если бы не одно «но»: в списках использованной литературы к большинству публикаций фигурирует преимущественно отечественный материал. Складывается своего рода замкнутый круг с воспроизведением уже опубликованного.

Страны Британского Содружества и США

В данную рубрику включены публикации, касающиеся только тех стран, которые наиболее близки к Великобритании – не только историческими связями, но и уровнем общественно-политического развития. В связи с этим здесь не упомянуты, в частности, Индия, Малайзия, африканские страны и др.

Наибольший интерес российских исследователей вызывает партийная система Великобритании. В 2000–2015 гг. этой теме посвящены 46 работ, 22 из которых относятся к страноведению, 24 – к политической науке. Из указанного числа 25 составляют научные статьи (54,4%), 14 – кандидатские диссертации (30,4), четыре – монографии (8,7), три – учебники (6,5%). Подавляющее большинство научных публикаций (39) носят описательный характер; только в семи использованы методики, принятые в современной западной науке.

Основное внимание российских исследователей уделяется становлению партийной системы Великобритании [Громыко, 2005; Тивоненко, 2001 и др.] и современным тенденциям в ее трансформации [Громыко, 2005; Исаев, 2008; Ефимов, 2008]. Рассматривается влияние «эпохи тэтчеризма» на современное состояние и идеологию политических партий [Ананьева, 2001; Белкин, 2005], анализируется эволюция идеологии и политики «новых лейбористов» [Бунькова, 2007; Валуев, 2010; Работяжев, 2014], проводится сравнительный анализ политических идей в партиях Великобритании и России в конце 1990-х – начале 2000-х годов [Куликов, 2008]; ставится вопрос о рисках слома двухпартийной системы в Великобритании [Перегудов, 2010 и др.].

Значительная часть партийных исследований посвящена праворадикальным и националистическим партиям, оказывающим существенное влияние на общественные настроения [Еремина, 2008; Курносов, 2008; Курносов, 2015 и др.] в связи с ростом потоков мигрантов в Великобританию [Кондратьева, 2012; Кондратьева, 2015].

Анализируются реакция британских партий на процессы евроинтеграции [Брункевич, 2005; Потапенко, 2002 и др.], институциональные [Зарубина, 2012] и технологические [Бадьян, 2004] аспекты взаимодействия партийной и избирательной систем.

Партийной системе Канады посвящены восемь работ, в том числе одна докторская и три кандидатских диссертации, а также

четыре статьи. Пять публикаций относятся к области страноведения, три – к политической науке. Все они носят описательный характер: рассматриваются эволюция идеологии партий [Казанцева, 2006; Комаров, 2004; Комаров, 2015], трансформация партийной системы Канады в целом [Василенко, 2004; Третьякова, 2015], роль квебекского фактора в изменении партийной системы [Жуков, 2013],дается общая оценка роли партий в политических процессах [Вересоцкая, 2012], включая избирательный [Демчук, Соколов, 2015].

Три страноведческие работы по Австралии принадлежат одному автору. В них анализируется отношение граждан страны к «Партии одной нации» [Скоробогатых, 2011], оцениваются предвыборные стратегии отдельных организаций [Скоробогатых, 2012] и степень партийного влияния на внешнюю политику государства [Скоробогатых, 2014].

Партийной системе Новой Зеландии посвящена одна публикация, рассматривающая роль партий в становлении государства «всеобщего благодеяния» [Стефанчук, 2012].

Из 24 публикаций, посвященных партиям и партийной системе США, 13 – научные статьи, пять – монографии, шесть – диссертации (четыре кандидатские и две докторские). Половина из них были идентифицированы как политологические публикации, другая – как страноведческие. Большая часть (20) носит описательный характер, в четырех использованы принятые в современной западной науке инструменты.

Тематика исследований в большинстве своем вполне традиционна: оцениваются исторические особенности становления двухпартийной системы [Байбакова, 2002] и ее сегодняшнее состояние [Согрин, 2003], специфика идеологического и институционального противостояния двух основных партий [Журавлева, 2006; Журавлева, 2005; Руга, 2001], причины провала попыток новых партий и движений выйти на политическую арену страны [Высоцкий, 2014 и др.].

Традиционно анализируются роль партийных организаций в избирательном процессе [Борисюк, 2001; Соколов, Смирнов, 2006; Травкина, Маргелова, 2014 и др.], их влияние на различные аспекты внутренней [Гулемпинченко, 2012; Травкина, 2008 и др.] и внешней политики [Алхименков, 2013; Шумилин, 2005 и др.]. Отдельные работы связаны с исследованием трансформации партий-

ных идеологий [Загладин, 2000 и др.] и влияния партийной проблематики на общественные науки [Невакшенов, 2008].

Западная Европа

Наиболее значительное место среди исследований зарубежных партий занимают работы, посвященные партийным системам стран Западной Европы (169 публикаций).

Обращает на себя внимание географическая диспропорция научных интересов. Так, наиболее востребованным объектом изучения являются германские партии, которым за описываемый период было посвящено 63 работы; затем идут публикации по европейской партийной системе в целом – 47. Количество работ по другим европейским странам существенно меньше. Третье место занимают исследования, посвященные Франции и Швеции (по 10 публикаций), далее следуют Испания (9), Италия (7), Бельгия (5), Австрия (3). По две публикации пришлось на Португалию, Швейцарию, Данию, Норвегию, Финляндию, а также на Скандинавию в целом, по одной – на Грецию, Исландию и Нидерланды.

Самый распространенный жанр публикаций – научные статьи (103 публикации, 61%). От них существенно отстают кандидатские диссертации – 31 (24,3%), а также монографии – 11 (6,5%), зачастую написанные на основе кандидатских диссертаций. Почти не востребована тема западноевропейского партогенеза для докторских диссертаций (5) и учебных пособий (3). Кроме того, не слишком популярно информирование о научных мероприятиях (пять публикаций: [Аникеева, 2003; Воронина, 2010; Швейцер, 2003; Швейцер, 2006 и др.]) и совсем непопулярно – рецензирование (всего одна рецензия: [Славин, 2002]).

При этом 37% научных статей пришлось на немецкую и общеевропейскую тематику – 31 и 32. Статьи, посвященные партийным системам Австрии, Дании, Нидерландов, Финляндии и Швейцарии, носят чисто справочный характер [Чернышов, 2012 б, Чернышов, 2013 а; Чернышов, 2013 б; Чернышов, 2013 с; Чернышов, Копалкина, 2012].

Большинство монографий (7 из 11) также посвящены немецким партиям [Дерябина, 2005; Роль малых, 2015; Спасский, 2006 и др.]. Кроме того, три монографии посвящены Западной Ев-

ропе в целом [Каринцев, 2013; Каринцев, 2014; Каринцев, Чернышов, 2008] и одна – итальянским партиям [Матвеева, 2012].

Германская тематика преобладает и среди диссертаций: 18 кандидатских [Амиантова, 2012; Белинский, 2013; Блинкова, 2008; Доленко, 2011; Дорофеев, 2007; Кардашов, 2002; Кербиков, 2008; Матвеев, 2011; Трегубова, 2010; Щепкин, 2004 и др.] и три докторские [Вититнев, 2004; Петелин, 2003; Саюров, 2002]. Темой докторских диссертаций является также история «левых» партий Италии и Франции [Любин, 2007; Костюк, 2003].

Объектами кандидатских изысканий выступали партийные системы Австрии [Качалова, 2007; Ильина, 2009], Испании [Кутузова, 2007; Кутырев, 2015; Роговицкий, 2006], Италии [Тыновский, 2012], Франции [Абраменко, 2010; Васильева, 2000; Вершинин, 2010; Кукаркина, 2011 и др.], Швеции [Рябиченко, 2014] и Швейцарии [Евстратенкова, 2015].

Как применительно и к другим регионам, в данном массиве работ преобладает историческая и страноведческая тематика (21 работа, 54%). Кроме хронологических рамок [Вершинин, 2010; Дерябина, 2005; Киселев, 2002; Семёнова, 2006; Устинова, 2013; Целищев, 2008; Чубинский, 2010; Щепкин, 2004 и др.], их отличает большое внимание к фактологической стороне, использование методов исторических исследований. Наибольшее внимание истории уделяли Германии (35 публикаций), общеевропейским процессам (21), Франции (8), Швеции и Италии (по 7), Испании (5).

К политологическим отнесены 73 публикации (43%), которые также в основном посвящены структурным и идеологическим трансформациям, электоральной деятельности партий Германии (25 публикаций), Западной Европы в целом (25), Бельгии (5: [Барсуков, 2012; Иванова, 2008 и др.]), Испании (4: [Аникеева, 2003; Кутузова, 2007; Кутырев, 2015; Хенкин, 2012]), Швеции (3: [Болотникова, 2008; Болотникова, 2011; Новикова, Толстова, 2011]), Австрии и Франции (по 2: [Качалова, 2007; Социал-демократия, 2010; Чернышов, 2013 а; Яшлавский, 2013]), Нидерландов, Финляндии и Швейцарии (по одной: [Копалкина, 2012; Чернышов, 2012 б; Чернышов, 2013 в]).

Юристы защитили пять кандидатских диссертаций: три – по Германии [Блинкова, 2008; Доленко, 2011; Дорофеев, 2007], одну – по Швейцарии [Евстратенкова, 2015], одну – по общеевропейским процессам [Исмаилов, 2010].

Большинство работ носят описательный характер (140 из 169, 83%), в них излагается история, программные положения отдельных партий или партийных систем, позиции партий по актуальным вопросам европейской или мировой политики, результаты участия в местных, национальных выборах или выборах в Европарламент. При этом авторы, как правило, рассматривают текущую ситуацию, лишь изредка применяя кросстемпоральный анализ.

Современный инструментарий политологических исследований задействован только в 28 работах (16,6%). Значительная их часть (16) опять же выполнены на германском материале [Амиантова, 2012; Белинский, 2013; Белинский, 2015; Витинев, 2004; Глухова, Матвеев, 2011; Матвеев, 2011; Партии и выборы, 2012; Роль малых, 2015; Саюров, 2002; Трегубова, 2010; Шуберт, Кочев, 2011 и др.], восемь – на общеевропейском [Гончаров, 2009; Громогласова, Либман, 2015; Гущина, 2011; Ерохин, 2006; Тарабенко, 2009; Чередов, 2009 и др.]; по одной работе посвящено Австрии [Качалова, 2007], Бельгии [Григорьев, 2008], Испании [Кутырев, 2015] и Италии [Матвеева, 2012].

Количественные методы использованы только двумя авторами: И. Чередов применил метод сравнения партийных систем Масао Нагайами к четырем электоральным циклам в Великобритании, Германии и Франции [Чередов, 2009 а], а С. Тарабенко формализовал сравнительный анализ позиций 16 праворадикальных партий Европейского союза по отношению к интеграции [Тарабенко, 2009].

На этом фоне выделяется концептуальная статья ростовского политолога С. Поцелуева «Символические партии как культурно-политический феномен: немецкий опыт в российской перспективе». Опираясь на концепцию «социоморальной среды» немецкого социолога М.Р. Лепсиуса, он исследовал феномен «символических партий» [Поцелуев, 2015].

Проблемное поле исследований западноевропейских партий в основном сформировано тремя темами: развитие социал-демократии в постиндустриальном обществе (37 работ); деятельность праворадикальных партий (26); ход и результаты выборов в Европарламент, а также позиции партий по значимым вопросам европейской политики (например, проблеме мигрантов) (29 публикаций).

Центральная и Восточная Европа

Партиям и партийным системам Центральной и Восточной Европы посвящены 42 публикации, причем более половины (23) – проблемам региона в целом, в том числе 12 статей [Бродовская, 2011; Гайворонский, 2014; Тараков, 2012; Социал-демократия, 2010 и др.], пять монографий [Барабанов, Горбаченко, Жиряков, 2012; Барабанов, Горбаченко, Жиряков, 2013; Голосов, 1999; Гуселетов, 2011 и др.], четыре кандидатские [Блинова, 2003; Горбаченко, 2011; Латков, 2004; Пасынкова, 2008] и одна докторская диссертация [Гуселетов, 2013], а также одна рецензия [Дунаева, 2004].

Из конкретных стран больше всего публикаций (9) приходится на Польшу, в том числе пять статей [Буневич, 2013; Бухарин, 2010; Политические партии и политическая конкуренция, 2010 и др.], одна монография [Жуковский, 2010], одна кандидатская диссертация [Жуковский, 2009], одна рецензия [Социал-демократия, 2010] и одно учебное пособие [Жуковский, 2011]. Шесть публикаций посвящены Чехии и Словакии, в том числе три статьи [Социал-демократия, 2010; Казадаев, 2013; Шимов, 2011] и три кандидатские диссертации [Баландина, 2002; Бирюкова, 2012; Шимов, 2003]; четыре – странам постюгославского пространства, в том числе три статьи [Барыгин, Декальчук, Елсаков, 2008; Робская, 2012; Пономарева, 2004] и одна кандидатская диссертация [Волкова, 2009]; одна статья – Венгрии [Социал-демократия, 2010].

Подавляющее большинство публикаций о партиях и партийных системах стран Центральной и Восточной Европы (35) имеют политологический характер, остальные исторический либо страноведческий.

Почти половина всех работ (20 из 41) выполнены с использованием современных инструментов, принятых в западной политологии, остальные носят описательный характер. Прежде всего здесь следует выделить монографию Г. Голосова [Голосов, 1999], явившуюся своего рода пионерской публикацией – в ней едва ли не впервые в российской литературе были использованы такие современные инструменты, как эффективное число партий (индекс Лааксо–Таагепера) и коэффициент устойчивости партийных систем (индекс Педерсена).

Подавляющее большинство работ (27) посвящены различным аспектам становления и функционирования партийных сис-

тем (отсюда и большое количество политологических исследований), 10 публикаций касаются деятельности социал-демократических партий, одна – партий праворадикальных. Две статьи подводят итоги прошедших накануне выборов, две посвящены отдельным партиям.

Латинская Америка

Латиноамериканским партиям и партийным системам посвящены 18 публикаций, в том числе 13 статей, две докторские диссертации, две рецензии и одна монография. Пять из этих работ касаются проблем континента в целом, в том числе три статьи [Дударь, 2004; Ивановский, 2008 и др.], одна монография [Хейфец, 2012] и одна докторская диссертация [Хейфец, 2007].

Из отдельных стран наибольшее внимание привлекла Мексика – ей посвящены пять статей [Гришина, Мелешкина, 2015; Политические партии и политическая конкуренция, 2010; Хейфец, 2006; Хейфец, 2001; Шуленина, Себастьян, 2013], две рецензии [Коргунюк, 2010; Скулкин, 2010] и одна докторская диссертация [Хейфец, 2010].

На долю остальных стран пришлись единичные статьи, в том числе две – на Бразилию [Ивановский, 2005; Томин, 2014], по одной – на Боливию [Чернышев, 2015], Коста-Рику [Дабагян, 2003] и Эквадор [Хейфец, 2004].

Две трети работ (12 из 18), посвященных этому региону, носят исторический или страноведческий характер, оставшаяся треть – политологический. Основная доля политологических публикаций (5) пришлась на Мексику. При этом 15 работ носят описательный характер и только три используют современные инструменты политической науки.

Что касается тематики публикаций, то треть из них составляют работы Л. и В. Хейфецов, посвященные формированию в Латинской Америке коммунистического движения и связям последнего с Коминтерном.

Семь публикаций затрагивают проблемы становления и функционирования в регионе партийных систем, три – участия партий в выборах в электоральных процессах; обе «бразильские» статьи посвящены исключительно Партии трудящихся Бразилии.

Африка

Африканским партиям и партийным системам посвящены 12 публикаций – 11 статей и одна кандидатская диссертация. Пять статей касаются проблем континента в целом [Емельянов, 2013; Ко-сухин, 2009; Шубин, 2013; Golosov, 2016 и др.], две имеют отношение к Египту [Васильев, 2012; Царегородцева, 2013], по одной – к Анголе [Токарев, 2003], Бенину [Чакран, 2014], Зимбабве [Шубин, 2014], Нигерии [Гевелинг, 2011] и Эфиопии [Брагин, 2011].

Две трети работ (8) носят исторический и страноведческий характер, остальные – политологический. Причем 11 публикаций имеют описательный уровень, зато Г. Голосов в своей статье, касающейся развития партийных систем 43 стран Черной (Тропической) Африки, не просто использует новейшие инструменты мировой политической науки, но и предлагает собственные оригинальные разработки – в частности, индекс национализации партийных систем (IPSN).

Тематически публикации либо затрагивают вопросы специфики партий и партийных систем Африки (5), либо просто подводят итоги очередных выборов (4). В статье И. Царегородцевой и диссертации А. Токарева рассматривается история отдельных политических образований.

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона

Партиям и партийным системам Азиатско-Тихоокеанского региона посвящены 59 публикаций, в том числе 36 статей, семь монографий, 13 кандидатских диссертаций, одна рецензия и два учебных пособия. При этом проблем региона в целом касается всего одна публикация [Симоненко, 2013], остальные имеют четкую страновую привязку.

Наибольшее количество публикаций (10) приходится на Китай [Пупей, 2011; Смирнов, 2013; Турушева, 2013; Усов, 2003 и др.], далее по убывающей следуют Япония (9: [Исаев, 2010; Павленко, 2006; Павленко, 2003; Смоляков, 2015; Япония: полвека правления, 2010 и др.]), Индия (8: [Бочкарёва, 2013; Кашин, 2014; Машьянова, 2006; Ремизова, 2009; Хуснитдинов, 2013 и др.]), Индонезия (7: [Другов, Куликова, 2010; Сучков, 2012 и др.]), Камбоджа (6:

[Бектимирова, 2014; Бектимирова, 2013; Мосяков, 2014 и др.]), Южная Корея (4: [Андронова, 2011; Афонин, 2003; Чернышев, 2012 и др.]). По три публикации посвящены Малайзии [Погадаев, 2013; Урляпов, 2012; Урляпов, 2013], Монголии [Ганжуров, 2012; Гольман, 2013 и др.], Филиппинам [Левтонова, 2012 и др.], по две – Тайваню [Батчаев, 2003; Гудошников, 1999] и Сингапуру [Гуревич, 2010; Гуревич, 2012], одна – Мьянме [Симония, 2010].

Подавляющее большинство публикаций (50) носят страноведческий либо исторический характер, восемь – политологический и одна – юридический. Уровень всех без исключения работ – сугубо описательный.

Тематически работы описывают состояние партийных систем в целом (20, причем 12 из них посвящены влиянию политического режима на партийные системы – особенно это относится к Китаю), подводят итоги выборов либо, наоборот, дают характеристику предвыборной ситуации (19) или анализируют деятельность отдельных партий и политических течений (16). Кандидатская диссертация Э. Батчаева посвящена правовому регулированию деятельности политических партий на Тайване [Батчаев, 2003].

Постсоветское пространство

Развитию партий и партийных систем на постсоветском пространстве посвящена 31 публикация, из них только шесть затрагивают проблемы, связанные с бывшим СССР в целом [Григоренко, 2011; Подвинцев, 2008; Порошин, 2014; Социал-демократия, 2010 и др.].

Из отдельных стран наибольшее внимание (семь работ) привлекла Украина [Партийная реформа и контрреформа, 2015; Лещуков, 2012; Пашковский, 2014; Токарев, 2014; Чернышов, Амиников, 2013], за ней следует Литва [Баторшина, 2013; Фурман, 2009; Ямалова, 2015 и др.]. По две работы приходится на Казахстан [Шкель, 2015; Партийная реформа и контрреформа, 2015], Грузию [Кирчанов, 2014; Тихонов, 2011], Прибалтику в целом [Социал-демократия, 2010 и др.] и Эстонию [Ланко, 2015 и др.], по одной – на Абхазию [Крылов, 2002], Латвию [Мегем, Рекеда, 2014], Белоруссию [Кирилкина, 2001], Молдавию [Коргунюк, Ме-

лешкина, 2010], Среднюю Азию в целом [Валиханова, 2001] и Узбекистан [Скиперских, Толочкин, 2009].

Что касается специализации, то подавляющее большинство публикаций (24 из 31) относятся к сфере политологии и семь – к истории или страноведению. При этом лишь в девяти работах за действован современный инструментарий мировой политической науки, остальные имеют преимущественно описательный характер.

По тематике большая часть публикаций (25) касается различных аспектов развития партийных систем, в том числе влияния на них характера политического режима (1), а также этнических и религиозных факторов (2); одна статья посвящена проблемам финансирования партий [Мегем, Рекеда, 2014], еще одна – историографии партийных исследований [Валиханова, 2001]. Шесть публикаций описывают состояние различных сегментов партийного спектра: социал-демократического (2), праворадикального (2) и «партии власти» (2).

Заключение

Следует констатировать, что внимание российских исследователей к зарубежным партиям и партийным системам по-прежнему сосредоточено на развитых западных странах, – почти половина публикаций (48,5%) касаются Западной Европы, стран Британского Содружества и США. Если учесть, что большинство сравнительных исследований также опираются преимущественно на западный опыт, то это число возрастает до 65,6%, а если подверстать сюда и Восточную и Центральную Европу, то оказывается, что почти три четверти (точнее, 73,7%) всей литературы о зарубежных партиях и партийных системах «европоцентричны». Из отдельных регионов наибольший интерес российских ученых вызывают Германия (63 публикации), Западная Европа в целом (47) и Великобритания (46).

Среди обделенных вниманием российских исследователей следует упомянуть прежде всего Африку (12 публикаций), Ближний Восток (даже с учетом двух статей об Иране число публикаций не превышает 16) и Латинскую Америку (18).

Хотя более половины публикаций (278, или 53,9%) можно отнести к области политической науки, они очень неравномерно

распределены по карте мира. Наиболее высокая доля политологических публикаций приходится на сравнительные исследования (95,5%), Центральную и Восточную Европу (83,3%) и постсоветское пространство (77,4%), наименьшая – на страны Азиатско-Тихоокеанского региона (13,6%).

Однако формальная принадлежность к политологии вовсе не означает высокой степени освоения современного инструментария мировой политической науки. Только 126 публикаций (24,3%) свидетельствуют о знакомстве их авторов с этими инструментами, причем лишь в работах Г. Голосова [Golosov, 2016], С. Поцелуева [Поцелуев, 2015] и С. Пшизовой [Пшизова, 2010] эти инструменты не просто используются, но и творчески развиваются. Наиболее «продвинутыми» с точки зрения использования современных инструментов политической науки можно считать сравнительные исследования (55,1%), а также изучение стран Центральной и Восточной Европы (47,6%), наиболее «отсталыми» – исследования партий и партийных систем Африки и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (ни одной публикации).

Список литературы

- Абраменко А.Г.* Создание и эволюция Союза за народное движение во Франции: 2002–2007 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений, 2010. – 239 с.
- Александров К.А.* Картельные политические партии: условия возникновения и современные трансформации // Среднерусский вестник общественных наук. – Орел, 2011. – № 2. – С. 83–87.
- Алхименков М.А.* Религиозные аспекты внешнеполитических постулатов Республиканской партии США: консервативная эволюция 2008–2011 гг. // США и Канада: экономика, политика, культура. – М., 2013. – № 11 (527). – С. 38–54.
- Амиантова И.С.* Большая коалиция как институциональный фактор развития партийной системы: на примере ФРГ: Автoreф. дис. ... канд. полит. наук. – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2012. – 24 с.
- Ананьева Е.В.* О современных путях реформизма, или о реформизме как современном пути. Опыт Великобритании («Политика убеждений» М. Тэтчер и «перманентный ревизионизм» Т. Блэра) // Полис: Политические исследования. – М., 2001. – № 5. – С. 163–173.
- Андронова Л.А.* Эволюция партийной системы Республики Корея в 1948–2008 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Томск: Том. гос. ун-т, 2011. – 259 с.
- Аникеева Н.Е.* Эволюция партийной системы Испании // Латинская Америка. – М., 2003. – № 2. – С. 93–98.

- Анохина Н.В. Сравнительный анализ партий и партийных систем: новые публикации (рецензии на книги) // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2008. – Т. 4, № 4. – С. 267–277.
- Афонин М.В. Корейские политические партии и проблемы объединения Кореи: Дис. ... канд. полит. наук. – Владивосток, 2003. – 234 с.
- Ачкасов В.А., Линецкий А.В. Ложная альтернатива: «третий путь» европейских крайне правых популистских партий // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2008. – Т. 4, № 1. – С. 5–22.
- Ашкеров А.Ю. Основы теории политических партий: Учеб. пособие / А.Ю. Ашкеров, М.А. Бударагин, Н.В. Гараджа, В.Н. Данилов, М.В. Жаров, С.Е. Заславский. – М.: Европа, 2013. – 261 с.
- Бадаева А. Праворадикальные партии и иммиграция в странах Скандинавии // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2012. – № 12. – С. 78–86.
- Бадьян Е.В. Опыт работы лейбористской партии Великобритании с избирателями: Новые формы и методы: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: Дипломат. акад. МИД РФ, 2004. – 144 с.
- Байбакова Л.В. Двухпартийная система в период вступления США в индустриальное общество: Последняя треть XIX в.: Дис.... докт. ист. наук. – М.: МГУ, 2002. – 472 с.
- Байбакова Л.В. Двухпартийная система в период вступления США в индустриальное общество (последняя треть XIX в.). – М.: МАКС Пресс, 2002. – 435 с.
- Баландин А.В. Партия чешских национальных социалистов, 1898–1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ, 2002. – 352 с.
- Барсуков А.М. Партийная система Бельгии в условиях политических реформ // Вопросы политологии. – М., 2012. – № 3 (7). – С. 188–193.
- Барыгин И.Н., Декальчук А.А., Елсаков А.В. Эволюция праворадикальных политических партий современной Сербии и Хорватии // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2008. – Т. 4, № 1. – С. 117–136.
- Басов Ф. Россия в установках политических партий ФРГ // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2014. – № 4. – С. 56–61.
- Баторшина И.А. Особенности генезиса современной многопартийной системы Литвы // Вестник БФУ им. И. Канта. – Калининград, 2013. – № 6. – С. 70–76.
- Батчаев Э.О. Правовое регулирование деятельности политических партий на Тайване: Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02. – М.: РАГС, 2003. – 137 с.
- Бектимирова Н.Н. Гражданская протестная активность в Камбодже в 2013–2014 гг. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития / РАН. Институт Востоковедения. – М., 2014 а. – Вып. 22. – С. 82–105.
- Бектимирова Н.Н. Парламентские выборы в Камбодже в 2013 г. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – М., 2013. – Вып. 20. – С. 206–225.
- Беленькая М.Б. Шаткая избирательная система // Азия и Африка сегодня / РАН. Институт Востоковедения. Институт Африки. – М., 2009. – № 6. – С. 25–30.
- Белинский А.В. Политические партии Германии в начале XXI в.: Между традицией и модернизацией // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – № 1. – С. 48–59.

- Белинский А.В. Формирование политического лидерства в ФРГ в условиях трансформации партийно-политической системы на рубеже ХХ–XXI вв.: Автограф. дис. ... канд. полит. наук. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ), 2013. – 26 с.
- Белкин С.В. Эволюция британского лейборизма в условиях подъема и спада «консервативной волны»: 1979–2001 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2005. – 194 с.
- Беренкова Н.А. Шиитские партии Ливана: общие и специфические черты // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2014. – Т. 10, № 1. – С. 44–51.
- Бирюков С., Барсуков А. «Крайне правые» партии в современной Европе // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2011. – № 8. – С. 91–100.
- Бирюкова Е.В. Чешский политический католицизм перед Первой мировой войной. Идейно-организационное становление и парламентская деятельность: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ, 2012. – 211 с.
- Блинкова Н.Ю. Правовое положение политических партий на современном этапе: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Федеративной Республики Германии: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – М.: Российский ун-т дружбы народов, 2009. – 190 с.
- Болотникова Е.Г. Праворадикальные партии современной Швеции // Вестник МГИМО-Университета / – М.: МГИМО-Университет, 2011. – № 5. – С. 174–181.
- Болотникова Е.Г. Праворадикальные партии Швеции // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2008. – Т. 4, № 1. – С. 49–57.
- Борисюк В. Президентская кампания 2000 г. в США: кризис партийной идентичности // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2001. – № 3. – С. 84–95.
- Бочкарева И.Б. Свараджистская партия и формирование парламентских институтов в Индии в 1920-е гг. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. – 147 с.
- Брагин Н.А. Эфиопия: РДФЭН победил. Сейчас новые вызовы? // Азия и Африка сегодня / РАН. Институт Востоковедения. Институт Африки. – М., 2011. – № 2. – С. 47–49.
- Брункевич Д.В. Консервативная партия Великобритании и Европейский Союз в 1990–2004 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль: Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2005. – 304 с.
- Буневич Д.С. Партийная система Польши. История. Современность. Перспективы // Международные отношения / РУДН. – М., 2013. – № 2. – С. 156–162.
- Бунькова Л.А. Социальная программа «новых лейбористов» Великобритании: подготовка, приоритетные направления, реализация: 1994–2001 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. гуманитарного ун-та, 2007. – 134 с.
- Валиханова Н.С. Историография национальных движений партий Средней Азии за период 1917–1991 гг.: Дис. ... докт. ист. наук. – М.: Московский гос. ун-т сервиса, 2001. – 346 с.
- Валуев А.В. Основные итоги внешней политики правительства «новых» лейбористов в Великобритании // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2010. – Т. 6, № 4. – С. 256–267.

- Василенко М.В.* Эволюция партийной системы Канады: 90-е гг. XX века. Дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 2004. – 211 с.
- Васильев А.М.* Египет после выборов // Азия и Африка сегодня / РАН. Институт Востоковедения. Институт Африки. – М., 2012. – № 4. – С. 2–15.
- Васильева Н.* Международный аспект в идеологии и политике крайне правых политических движений во Франции в 80-е – первой половине 90-х годов: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГИМО-Университет, 2000. – 228 с.
- Васильева С.А.* Партийная преемственность в Турции // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2009. – № 40. – С. 73–79.
- Вересоцкая М.В.* Партии Канады как важнейшие участники политического процесса // Этносоциум и межнациональная культура. – М., 2012. – № 10 (52). – С. 151–159.
- Вершинин А.А.* Становление Французской коммунистической партии и Коминтерн: 1919–1924: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. – 310 с.
- Вититинев С.Ф.* Экологическое движение в ФРГ: генезис, идеология, функции: Автограф. дис. ... докт. ист. наук. – М.: Московский гос. областной ун-т, 2004. – 55 с.
- Волкова Е.Г.* Европейский Союз как фактор преобразования партийной системы Сербии на рубеже ХХ–XXI вв.: Дис. ... канд. полит. наук. – Екатеринбург: Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького, 2009. – 196 с.
- Воронина Е.А.* Что происходит с европейской социал-демократией? // Современная Европа. – М., 2010. – № 3. – С. 137–142.
- Высоцкий А.М.* Движение «христианских правых» в США в 1990-е годы // Вестник БФУ им. И. Канта. – Калининград, 2014. – № 6. – С. 137–143.
- Галкин А.А.* Прошлое и настоящее партий правого фланга // Полития. – М., 2008. – № 2. – С. 83–102.
- Ганжусров А.В.* Политические партии Монголии во второй половине 1980-х гг. – начале XXI века: Дис. ... канд. ист. наук / РАН. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения. – Улан-Удэ, 2012. – 223 с.
- Гаспарян О.Т.* Партийные системы и эффективность государства // Политическая наука. – М., 2013. – № 1. – С. 293–300.
- Гевелинг Л.В.* Выборы в Нигерии: время политических парадоксов // Азия и Африка сегодня / РАН. Институт Востоковедения. Институт Африки. – М., 2011. – № 8. – С. 37–44.
- Глухова А.В., Матвеев Е.В.* Межпартийная конкуренция в современной Германии сквозь призму конфликтологии // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2011. – Т. 7, № 3. – С. 182–191.
- Голосов Г.В.* Партийные системы стран мира: региональное и хронологическое распределение, модели устойчивости // Политическая наука. – М., 2012. – № 3. – С. 71–104.
- Гольман М.И.* Монголия. Демократы снова у власти // Азия и Африка сегодня / РАН. Институт Востоковедения. Институт Африки. – М., 2013. – № 3. – С. 13–16.
- Гончаров И.И.* Фактор праворадикальных партий в современной европейской политике: Дис. ... канд. полит. наук. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2009. – 202 с.
- Григоренко Е.* Современные траектории развития партийных систем на постсоветском пространстве // Мировая экономика и международные отношения / РАН. ИМЭМО. – М., 2011. – № 6. – С. 73–83.

- Григорьев И.С.* Муниципальные выборы во Фландрии в 2006 г. в контексте роста популярности фламандской националистической партии «Флаамс Беланг» // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2008. – Т. 4, № 1. – С. 86–103.
- Гришин Н.В.* Партии как привилегированный субъект избирательного процесса: Результаты институционального эксперимента // Политическая наука. – М., 2015. – № 1. – С. 12–29.
- Гришина А.М., Мелешикина Е.Ю.* Механизмы сохранения власти доминантной партии в условиях авторитарного режима в Мексике // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – № 1. – С. 83–94.
- Громогласова Е.* Партийное измерение кризиса в Европейском союзе // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2013. – № 4. – С. 59–70.
- Громогласова Е., Либман А.* Политико-эконометрический анализ трансформации партийных систем в Евросоюзе // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2015. – № 4. – С. 5–17.
- Громыко А.А.* Мал золотник, да дорог (Малые партии Британии) // Современная Европа. – М., 2005. – № 2. – С. 86–102.
- Гудков Д.С.* Глобальные вызовы современности и проблема трансформации партий и партийных систем // Власть. – М., 2012. – № 2. – С. 28–31.
- Гудошников Л.М.* Многопартийность на Тайване. – М.: Восточная литература, 1999. – 158 с.
- Гулемчиненко О.В.* Роль демократической партии и групп интересов в борьбе за реформу здравоохранения в США в период администраций У. Клинтона и Б. Обамы: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ, 2012. – 282 с.
- Гуревич Э.М.* Партия Народного действия Сингапура: 50 лет у власти // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития / РАН. Институт Востоковедения. – М., 2010. – Вып. 14. – С. 256–277.
- Гуревич Э.М.* Сингапур после выборов 2011 г. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития / РАН. Институт Востоковедения. – М., 2012. – Вып. 18. – С. 244–264.
- Гуселетов Б.П.* Проблема институционализации социал-демократических (социалистических) партий в странах Центральной и Восточной Европы и СНГ: Дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02 / РАН. Ин-т Европы. – М., 2013. – 440 с.
- Гуселетов Б.П.* Становление социал-демократических и социалистических партий стран Центральной и Восточной Европы и СНГ: идеино-политическая самоидентификация в рамках современного мирового социалистического движения. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2011. – 162 с.
- Гущина О.Н.* Современные радикальные партии в странах Западной Европы: сравнительный анализ: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2011. – 197 с.
- Дабаян Э.С.* К вопросу об эволюции партийно-политической системы Коста-Рики // Латинская Америка / РАН. Институт Латинской Америки. – М., 2003. – № 7. – С. 32–39.
- Демиденко С.В.* Деятельность Рабочей партии Курдистана (РПК) и ее роль в вооруженной борьбе турецких курдов (1973–1999): Дис. ... канд. ист. наук. – М.: Московский городской педагогический ун-т, 2003. – 213 с.

- Дёмин Ю.А. Коммунистическая партия Ирана, ее деятельность и взаимоотношения с Коминтерном: 1917–1937 годы: Дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2006. – 270 с.
- Демчук А.Л., Соколов В.И. Выборы в Канаде: смена правящей партии // США и Канада: экономика, политика, культура. – М., 2015. – № 12 (552). – С. 20–36.
- Дерябина С.Р. Буржуазные партии и становление внешней политики Веймарской Германии. – Оренбург: Изд-во ООИПКРО, 2005. – 170 с.
- Доленко Д.Д. Правовые основы деятельности политических партий в РФ и ФРГ: сравнительно-правовой анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саранск: Челяб. гос. ун-т, 2011. – 210 с.
- Дорофеев С.Н. Эволюция правового статуса политических партий в Российской Федерации и Германии: сравнительно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 196 с.
- Другов А.Ю., Куликова М.О. Индонезия в 2009 г.: две выборные кампании и их эпилог // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития / РАН. Институт Востоковедения. – М., 2010. – Вып. 14. – С. 79–105.
- Дударь Т.А. От каудильизма к демократии. Особенности складывания и функционирования партийных систем в Чили и Аргентине до начала 70-х годов XX в. // Латинская Америка / РАН. Институт Латинской Америки. – М., 2004. – № 7. – С. 121–134.
- Дунаева Ю.В. Социально-политические размежевания в странах Центральной и Восточной Европы // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2004. – № 4. – С. 89–100.
- Евстратенкова М.А. Избирательная система Швейцарской конфедерации: Автограф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 21 с.
- Еремина Н.В. «Британская национальная партия»: факторы роста и сдерживания // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2008. – Т. 4, № 1. – С. 36–48.
- Ерохин А.В. Националистические движения и партии стран Западной Европы: историческая перспектива и актуальные политические процессы: Дис. ... канд. полит. наук. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2006. – 179 с.
- Ефимов А.В. Роль Партии либеральных демократов в эволюции современной партийно-политической системы Великобритании: 1997–2005: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. – 243 с.
- Жуков Д.С. Квебекский фактор эволюции партийно-политической системы Канады в конце XX – начале XXI века: Дис. ... канд. полит. наук. – Наук / РАН. Институт США и Канады. – М., 2013. – 173 с.
- Жуковский И.И. Партийная система Республики Польша: Учеб. пособие. – Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та им. И. Канта, 2011. – 216 с.
- Жуковский И.И. Становление партийной системы Республики Польша 1989–2008 гг.: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: МГИМО-Университет 2009. – 181 с.
- Жуковский И.И. Становление партийной системы Республики Польша. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – 183 с.
- Журавлева (Селиванова) В.Ю. Демократы и республиканцы в Конгрессе: партийное противостояние // США и Канада: экономика, политика, культура. – М., 2006. – № 6 (438). – С. 110–123.

- Журавлева В.Ю. Политические партии США в институтах власти и в обществе // США и Канада: экономика, политика, культура. – М., 2005. – № 4 (424). – С. 53–71.
- Загладин Н. Демократическая партия США: от либерализма к идеологии «третьего пути» // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2000. – № 7. – С. 61–71.
- Зайков К.С. Норвежская рабочая партия и социал-демократическое движение Норвегии: 1945–1973 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2007. – 198 с.
- Зарубина О.В. Взаимосвязь партийной и избирательной системы Великобритании // В мире научных открытий. – Красноярск, 2012. – № 4.3. – С. 11–24.
- Заславская Н.Г. Деятельность политический групп партии Европейских социалистов и Европейской народной партии в Европейском парламенте (1994–1999 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2000. – 189 с.
- Иванова Е.В. Формирование крайне правого движения в Бельгии на примере партии «Влаамс Беланг» // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2008. – Т. 4, № 1. – С. 68–85.
- Ивановский З.В. Бразильской Партии трудящихся – четверть века // Латинская Америка / РАН. Институт Латинской Америки. – М., 2005. – № 4. – С. 47–56; 2005. – № 5. – С. 49–59.
- Ивановский З.В. Партии и выборы: закономерности и особенности правового регулирования // Латинская Америка / РАН. Институт Латинской Америки. – М., 2008. – № 3. – С. 15–33.
- Ильина С.А. Идеология австрийской социал-демократии в 1980–1990-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов: Тамб. гос. ун-т, 2009. – 245 с.
- Исаев Б.А. Развитие партийной системы Великобритании // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2008. – Т. 4, № 4. – С. 240–266.
- Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем: Учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 366 с.
- Исаев Б.А. Трансформация партийной системы Японии в середине XX – начале XXI вв. // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2010. – Т. 6, № 1. – С. 207–225.
- Исмаилов Р.Р. Конституционный статус политических партий в современных федеративных государствах Европы: сравнительно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2010. – 166 с.
- Кабанов Ю.А. Пиратские партии: мировые тенденции развития // Полития. – М., 2015. – № 2. – С. 128–142.
- Казадаев В.А. Тенденции развития многопартийности и политического плюрализма в Словакии // Власть / РАН. Институт социологии. – М., 2013. – № 9. – С. 69–73.
- Казанцева Н.А. Идейно-политическая платформа Либеральной партии Канады в информационную эпоху: Дис. ... канд. полит. наук. – Чита: Читинский гос. ун-т, 2006. – 178 с.
- Кардашов С.Н. Модернизация программы социал-демократической партии Германии и ее организационно-коммуникативная стратегия: 1992–2000 гг.: Дис. ... канд. полит. наук. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – 153 с.

- Каринцев О.И.* Националисты в Европейском союзе: Альянс европейских национальных движений. – М.: Университетская книга, 2013. – 83 с.
- Каринцев О.И.* Роль Евросоюза и его взаимодействие с национал-демократами в современный период. – М.: Университетская книга, 2014. – 99 с.
- Каринцев О.И., Чернышов С.И.* Партийная система Европейского Союза: теория и методика исследования. – М.: Изд-во ИКАР, 2008. – 124 с.
- Качалова А.В.* Роль средств массовой информации в деятельности политических партий Австрии на современном этапе: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: Дипломат. акад. МИД РФ, 2007. – 158 с.
- Кербиков М.Д.* Свободная демократическая партия и ее роль в консервативном правительстве Г. Коля: 1982–1990 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. – 279 с.
- Кирилкина И.Л.* Состояние и основные тенденции развития белорусской партийной системы // Полис: Политические исследования. – М., 2001. – № 4. – С. 108–113.
- Кирчанов М.* Религиозные партии в Грузии: политические платформы и идеологические трансформации // Центральная Азия и Кавказ. – Стокгольм: Central Asia & Central Caucasus Press AB, 2014. – Т. 17, вып. 2. – С. 106–112.
- Кислицына И.С.* Политические партии в коммуникативном пространстве Интернета: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: РАНХиГС, 2009. – 152 с.
- Комаров А.Н.* Идеология и политика канадских консерваторов: 1980-е – 2010-е гг.: Дис. ... докт. ист. наук. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ), 2015. – 530 с.
- Комаров А.Н.* Прогрессивно-консервативная партия Канады в 1984–1993 г.: положение партии и эволюция ее политики по конституционному вопросу: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: Московский гос. открытый педагогический ун-т им. М.А. Шолохова, 2004. – 247 с.
- Кондратьева Т.С.* Британская национальная партия и проблема иммиграции // Актуальные проблемы Европы. – М., 2012. – № 4. – С. 123–150.
- Кондратьева Т.С.* Великобритания: Позиция ведущих политических партий страны по проблеме иммиграции // Актуальные проблемы Европы. – М., 2015. – № 4. – С. 85–111.
- Коргунюк Ю.Г.* Как проигрывают доминирующие партии, или Чему учит мексиканский опыт // Полития. – М., 2010. – № 2. – С. 167–179.
- Коргунюк Ю.Г.* Секреты партийного процветания (рецензия) // Полития. – М., 2008. – № 3. – С. 174–184.
- Коргунюк Ю.Г.* Система с доминирующей партией и режим политической конкуренции // Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства / РАН. ИНИОН. – М., 2009. – С. 44–71.
- Коргунюк Ю.Г., Мелешкина Е.Ю.* Организационное устройство «Единой России» и Партии коммунистов Республики Молдова: взгляд изнутри // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2010. – Т. 6, № 1. – С. 95–127.
- Костюк Р.В.* Левые силы Франции и европейское строительство, 1980–1990-е гг.: Дис. ... докт. ист. наук. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2003. – 657 с.
- Косухин Н.Д.* Особенности становления многопартийности в Африке // Мир и политика. – М., 2009. – № 5 (32). – С. 71–82.

- Крылов А.Б.* Особенности формирования многопартийной системы в Абхазии // Центральная Азия и Кавказ. – Стокгольм: Central Asia & Central Caucasus Press AB, 2002. – № 2 (20). – Режим доступа: http://www.ca-c.org/journal/2002/_journal_rus/sac-02/07.kryru.shtml (Дата посещения: 10.01.2016.)
- Кукаркина О.В.* Союз за французскую демократию в политической жизни современной Франции: 1998–2007 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. – 239 с.
- Кулик А.Н.* Трансформация партий в постиндустриальном обществе: кризис легитимности и ориентиры для политической системы России // Политическая наука. – М., 2010. – № 4. – С. 8–28.
- Куликов А.А.* Развитие партийной идеологии в России и Великобритании: сравнительный анализ: 1990-е – 2000-е гг.: Дис. ... канд. полит. М.: Наук / РАН. Институт Европы. – М., 2008. – 157 с.
- Курносов Д.Д.* Британская национальная партия: эволюция и перспективы // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2008. – № 1. – С. 23–35.
- Курносов Д.Д.* Эволюция праворадикальных партий и движений в современной Великобритании: Дис. ... канд. полит. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2015. – 165 с.
- Курочкин А.В.* Эволюция правовой институционализации политических партий в зарубежных странах // Евразийский юридический журнал. – М., 2014. – № 11 (78). – С. 204–207.
- Кутузова В.М.* Роль умеренных националистических партий в политической системе Испании: Дис. ... канд. полит. наук / РАН. Ин-т Латинской Америки. – М., 2007. – 203 с.
- Кутырев Г.И.* Политические партии Испании и Португалии в контексте неоинституциональной трансформации: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2015. – 278 с.
- Ланко Д.А.* Партийно-политическая система Эстонской Республики в середине 2010-х годов // Балтийский регион / Балтийский Федеральный ун-т им. И. Канта. – Калининград, 2015. – № 2 (24). – С. 67–77.
- Латков А.В.* Проблемы трансформации левых партий в современных политических системах государств Центральной и Восточной Европы: Дис. ... канд. полит. наук. – Саратов: Саратовский гос. социально-экономический ун-т, 2004. – 209 с.
- Левтонова Ю.О.* Филиппины: проблема радикальной оппозиции // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития / РАН. Институт Востоковедения. – М., 2012. – Вып. 19. – С. 186–200.
- Лещуков В.С.* Трансформация партийных систем России и Украины в 1991–2011 годы: сравнительный анализ: Дис. ... канд. полит. наук. – Саратов: РАНХиГС: Поволжский институт управления им. А.П. Столыпина, 2012. – 171 с.
- Любин В.П.* Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники, 1892–2006 гг.: Дис. ... докт. ист. наук / РАН. Институт всеобщей истории. – М., 2007. – 464 с.
- Маврин О.В.* Процесс трансформации партий и партийных систем современного общества: Дис. ... канд. социол. наук. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2004. – 143 с.

- Партии и партийные системы: современные тенденции развития / Б.И. Макаренко, И.М. Локшин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Н.В. Петров. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2015. – 302 с.
- Макаренко Е.Ю.* Социально-политические расколы и их влияние на взаимодействие партий в Израиле. Дис. ... канд. полит. наук. – СПб: СПбГУ, 2009. – 175 с.
- Матвеев Е.В.* Динамика партийной системы Федеративной республики Германии: 1945–2010: Дис. ... канд. полит. наук. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2011. – 153 с.
- Матвеева Е.А.* Между Европой и политикой: европейская интеграция в идеологии и стратегиях политических партий Италии, (1994–2006 гг.). – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – 232 с.
- Машьянова Л.Д.* Индийский национальный конгресс: защита социально-политических и экономических интересов индийской диаспоры в Британской Восточной Африке: 1885–1934 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Владимир: Владимирский госуд. педагог. ун-т, 2006. – 181 с.
- Мегем М.Е., Рекеда С.В.* Система финансирования политических партий Латвии // Вестник БФУ им. И. Канта. – Калининград, 2014. – Вып. 6. – С. 103–111.
- Мелешкина Е.Ю.* Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука. – М., 2006. – № 1. – С. 137–163.
- Мосяков Д.В.* О ситуации в Камбодже и возможных прогнозах ее дальнейшего развития // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития / РАН. Институт Востоковедения. – М., 2015. – Вып. 27. – С. 73–78.
- Невакишенов А.Е.* Партийная проблематика США в американской историко-политической мысли второй половины XX века: Дис. ... канд. ист. наук. – Томск: Томский гос. ун-т, 2008. – 191 с.
- Новикова И.Н., Толстова Е.В.* Партийная система Швеции в свете парламентских выборов 2010 г. // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2011. – Т. 7, № 3. – С. 165–181.
- Павленко П.А.* Либерально-демократическая партия в политической системе современной Японии: (1955–2001). – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 263 с.
- Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра / Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Г.М. Михалевой. – М.: КМК, 2012. – 164 с.
- Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / Под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунюка, А.Е. Любарева, Г.М. Михалевой. – М.: КМК, 2015. – 200 с.
- Пасынкова В.В.* «Партии-преемники», профсоюзы и государство в России и странах Центральной и Восточной Европы: моделирование взаимоотношений: Дис. ... канд. полит. наук. – СПб.: Европейский ун-т, 2008. – 225 с.
- Пашковский Е.А.* Трансформация партийной системы Украины в 2012–2014 гг. // Известия Российской государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – СПб., 2014. – № 172. – С. 156–160.
- Перегудов С.П.* Партии и группы интересов: к новой модели взаимодействия // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 1. – С. 45–59.

- Перегудов С.В. Выборы 2010 года в Великобритании: слом двухпартийной системы или очередной сбой? // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2010. – № 10. – С. 12–21.
- Петелин Б.В. Германская политика ХДС/ХСС: содержание, концепции, методы и результаты: 1982–1990 гг.: Дис. ... докт. ист. наук. – Вологда: Вологодский гос. педагогический ун-т, 2003. – 457 с.
- Погадаев В.А. Всеобщие выборы в Малайзии: новый мандат Национального фронта // Азия и Африка сегодня / РАН. Институт Востоковедения. Институт Африки. – М., 2013. – № 7. – С. 26–28.
- Подвинцев О.Б. Партийные системы бывших союзных республик как отражение разнонаправленных тенденций развития постсоветского пространства // Россия и современный мир / РАН. ИИОН. – М., 2008. – № 3 (60). – С. 168–174.
- Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / Коргунюк Ю.Г., Мелешкина Е.Ю., Михалева Г.М. (ред.). – М., КМК, 2010. – 212 с.
- Пономарева Е.Г. Социально-политические размежевания и развитие партийных систем на постюгославском пространстве // Политическая наука. – М., 2004. – № 4. – С. 126–151.
- Порошин А.В. Режим с доминантной партией как перспектива политической трансформации посткоммунистических государств // Политическая наука / РАН. ИИОН. – М., 2014. – № 3. – С. 232–248.
- Потапенко Т.Г. Британские политические партии и европейская интеграция 1970–1992 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002. – 221 с.
- Поцелуев С.П. Символические партии как культурно-политический феномен: немецкий опыт в российской перспективе // Полис: Политические исследования. – М., 2015. – № 4. – С. 22–33.
- Путей В.В. Политические партии КНР, Тайваня и Сянгана и объединение китайской нации: Дис. ... канд. полит. наук. – Уссурийск: Уссурийский гос. педагогический ун-т, 2001. – 198 с.
- Пшизова С.Н. От агрегирования интересов к политическому спин-контролю // Политическая наука. – М., 2010. – № 4. – С. 143–166.
- Работяжев Н.В. Лейбористская партия Великобритании на пути адаптации к современному миру // Полития. – М., 2014. – № 2. – С. 118–140.
- Ремизова Е.С. Хиндутва-идеология культурного национализма, и ее влияние на политику Бхаратия джаната парти в области образования и культуры в период 1998–2004 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: Московский госуд. институт международных отношений (Университет) МИД России, 2009. – 22 с.
- Робская С.А. Развитие политических партий Косово в условиях независимости (по итогам парламентских выборов 2010 г.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура / Астраханский гос. ун-т. – Астрахань, 2012. – № 2. – С. 131–137.
- Роговицкий Д.А. Народная партия и Испанская социалистическая рабочая партия в 1996–2004 гг.: разногласия и консенсус: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. – 216 с.

- Руга В.Э. Эволюция идейно-теоретических воззрений ведущих политических партий США: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: Московский педагогический гос. ун-т, 2001. – 166 с.
- Рябиченко А.В. Трансформация партийно-политической системы Швеции в конце XX – начале XXI века и партия «Шведские демократы»: Дис. ... канд. ист. наук. – Калининград: Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, 2014. – 202 с.
- Саюров Н.Ф. Партии в политической системе современного германского общества: Дис. ... докт. полит. наук. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – 401 с.
- Сидоров В.В. Теории формирования партийных коалиций в зарубежной политической науке // Политическая наука. – М., 2014. – № 1. – С. 211–222.
- Симоненко О.А. Современные парлотократические режимы и их перспективы в незападных политических системах АТР // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – Хабаровск, 2013. – № 4 (31). – С. 263–272.
- Симония А.А. Мьянма в преддверии парламентских выборов // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития / РАН. Институт Востоковедения. – М., 2010. – Вып. 14. – С. 208–221.
- Скимерских А.В., Толочко А.В. Оппозиционные партии в России и Узбекистане: специфика институционализации в постсоветский период // Правовая политика и правовая жизнь / РАН. Институт государства и права. Саратовский филиал. – Саратов, 2009. – № 1. – С. 72–79.
- Скоробогатых Н.С. «Австралийские Зелёные»: их роль и место во внешней политике // Азия и Африка сегодня. – М., 2014. – № 1. – С. 34–37.
- Скоробогатых Н.С. Австралийский Союз на пути к выборам 2013 г. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – М., 2012. – Вып. 18. – С. 208–225.
- Скоробогатых Н.С. Феномен Партии одной нации в контексте политики мультикультурализма в Австралии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – М., 2011. – Вып. 16. – С. 241–261.
- Скулкин И.А. Триумф и крушение Институционально-революционной партии: логика функционирования политических систем с гегемонистской партией // Полития. – М., 2010. – № 3–4. – С. 297–302.
- Славин Б.Ф. Социал-демократические партии перед вызовом глобализации // Полития. – М., 2002. – № 2. – С. 118–122.
- Смирнов Д.А. XVIII съезд КПК: подтверждение стратегии «научного развития» // Азия и Африка сегодня / РАН. Институт Востоковедения. Институт Африки. – М., 2013. – № 4. – С. 2–11.
- Смоляков В.А. Особенности и эволюция партийной системы Японии // Социальные и гуманистические науки на Дальнем Востоке / Дальневосточный путей сообщения. – Хабаровск, 2015. – № 1 (45). – С. 152–159.
- Сморгунов Л.В. «Новые партии», управляемость и потребности инновационной политики в России // Политическая наука. – М., 2010. – № 4. – С. 191–211.
- Современные политические партии: Учебно-методический комплекс / Сост. С.И. Бойко. – М.: РГГУ, 2013. – 78 с.
- Согрин В.В. Двухпартийная система США: преемственность и обновление // Полис: Политические исследования. – М., 2003. – № 3. – С. 164–170.

Соколов Д.А., Смирнов Д.С. Демократическая партия США на пороге выборов 2006 года // США и Канада: экономика, политика, культура. – М., 2006. – № 10. – С. 47–59.

Социал-демократия в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления»: Материалы международной научно-практической конференции «Кризис европейской социал-демократии: причины, формы проявления, пути преодоления» / Ред.: В.Я. Швейцер, А. Коллектив. – М.: Ключ-С, 2010. – 264 с.

Спасский Е.Н. Германские политические партии в процессе и после объединения Германии. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС; Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2006. – 167 с.

Степанчук Л.Г. Становление государства «всеобщего благоденствия» в Новой Зеландии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – М., 2012. – Вып. 18. – С. 299–314.

Сучков Г.В. Исламский экстремизм в Индонезии на стыке XX и XXI столетий: структура, цели и идеологическая подоплека деятельности «Джемаа ислямия» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития / РАН. Институт Востоковедения. – М., 2012. – Вып. 19. – С. 146–160.

Тарасенко С.Р. Проблема европейского строительства в идейно-политических доктринах современных крайне правых партий Европейского союза: Автографат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2009. – 18 с.

Тарасов И.Н. К проблеме общей периодизации трансформации партийных систем стран Центрально-Восточной Европы // Наука и общество. – Саратов, 2012. – № 1. – С. 107–111.

Телков А.С. Политические партии и партийные системы: направления институциональной трансформации: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: МГУ, 2002. – 187 с.

Технология создания партии: Учеб. пособие / Под ред. А. Чадаева, В. Быковой. – М.: Европа, 2007. – 137 с.

Тивоненко Е.В. Проблема ирландской автономии в политике либеральной партии Великобритании: Сентябрь 1885 – март 1894 годов: Дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2001. – 214 с.

Тихонов Д.Ю. Современное состояние и развитие партийной системы Грузии // Теория и практика общественного развития. – М., 2011. – № 6. – С. 171–173.

Токарев А.А. Возникновение Национального фронта освобождения Анголы (ФНЛА) и его участие в антиколониальной борьбе и гражданской войне в Анголе: Дис. ... канд. ист. наук / РАН. Институт Африки. – М., 2003. – 214 с.

Токарев А.А. Институционализация украинского национализма: идеологические различия между партиями «Свобода» и «Правый сектор» // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2014. – № 6 (39). – С. 144–152.

Томин Л.В. Бразильская партия трудящихся. Между идеализмом и прагматизмом // Политика, государство и право. – М., 2014. – № 3. – Режим доступа: <http://politika.sci.ru/2014/03/1396> (Дата посещения: 12.11.2015.)

Травкина Н.М. США: партии, бюджет, политика. – М.: Наука, 2008. – 274 с.

- Травкина Н.М., Маргелова С.А. Демократы и республиканцы перед выборами в США // США и Канада: экономика, политика, культура. – М., 2014. – № 7 (535). – С. 53–72.
- Треглазова Е.В. Развитие партийной системы Канады // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2015. – № 9–1 (40). – С. 113–114.
- Трегубова О.Г. Эволюция немецкой школы партологии XIX – нач. XX вв.: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2010. – 201 с.
- Тулупов Д.С. Современная политика «Датской народной партии» в отношении иммигрантов // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2008. – Т. 4, № 1. – С. 58–67.
- Турушева Н.В. Политика Коммунистической партии Китая в области культуры в период реформ: 1978–2012 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – Томск: Томский госуд. ун-т, 2013. – 196 с.
- Тыновский А.С. Трансформация партии «Национальный альянс» в Италии в 1994–2009 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. – 297 с.
- Урляпов В.Ф. Итоги всеобщих выборов в Малайзии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития / РАН. Институт Востоковедения. – М., 2013. – Вып. 21. – С. 155–163.
- Урляпов В.Ф. Малайзия в преддверии всеобщих выборов // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития / РАН. Институт Востоковедения. – М., 2012. – Вып. 18. – С. 89–113.
- Усов В.Н. КНР: от «культурной революции» к реформам и открытости, (1976–1984 гг.)/ РАН. Институт Дальнего Востока. – М., 2003. – 189 с.
- Фадеев А.М. Участие политической группы Партии европейских социалистов в формировании основ политики социального регулирования в ЕС, (1990–2000 годы): Дис. ... канд. ист. наук. – Иваново: Ивановский госуд. ун-т, 2007. – 205 с.
- Фомин-Нилов Д.В. Норвежская рабочая партия: путь к власти: 1887–1935: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: Государственный ун-т гуманитарных наук, 2005. – 218 с.
- Формирование партий и партийных систем в современной России и послевоенной Германии: сходства и различия // Власть. – М., 2003. – № 12. – С. 7–58.
- Фурман Е.Д. Становление партийной системы в постсоветской Литве. – М.: ЛиброКом, 2009. – 200 с.
- Хейфец В.Л. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики: Дис. ... докт. истор. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2010. – 783 с.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Формирование и развитие латиноамериканского левого движения в 1918–1929 гг. В 2 т. – СПб.: ГУАП, 2012. – Т. 1. – 389 с.; Т. 2. – 321 с.
- Хейфец Л.С. Антиимпериалистический вектор в деятельности левого движения Мексики в 1920-е гг. // Хейфец В.Л. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики. – СПб.: Наука, 2006. – С. 214–269.
- Хейфец Л.С. Компартия Эквадора и III Интернационал. У истоков зарождения коммунистического движения Эквадора // Латинская Америка / РАН. Институт Латинской Америки. – М., 2004. – № 8. – С. 20–38.
- Хейфец Л.С. Мехико – Москва, 1919–1920 годы. К истории создания коммунистической партии в Мексике // Латинская Америка. – М., 2001. – № 3. – С. 50–65; № 5. – С. 40–57.

- Хейфец Л.С.* Формирование и эволюция связей III Интернационала и латиноамериканского коммунистического движения, (1918–1929 гг.): Дис. ... докт. ист. наук. – М.: Институт Латинской Америки РАН, 2007. – 1439 с.
- Хенкин С.М.* Позиции основных партий Испании по проблеме иммиграции: Опыт сопоставления // Актуальные проблемы Европы. – М., 2012. – № 4. – С. 184–200.
- Холодковский К.Г.* Противостояние левые – правые: анахронизм или смена координат? // Полис: Политические исследования. – М., 2006. – № 6. – С. 81–96.
- Худолей Д.М.* Анализ связанных и параллельных избирательных систем // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – Пермь, 2013. – № 4 (22). – С. 93–100.
- Хуснитдинов А.З.* Особенности развития партийно-политической системы Индии и электоральных процессов на рубеже XX–XXI вв.: Дис. ... канд. ист. наук. – М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – 227 с.
- Царегородцева И.А.* Внутрисуфийский раскол и создание первой партии суфиеv в Египте // Ближний Восток и современность / Институт Ближнего Востока. – М., 2013. – Вып. 47. – С. 294–300.
- Целищев А.О.* Веймарская Социал-демократическая партия Германии и консервативная республика, (1925–1928 гг.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 423 с.
- Чакран А.А.* Роль партий в политической системе Бенина после 1960 года // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – Воронеж, 2014. – № 3. – С. 128–130.
- Чередов И.Г.* Факторы современной трансформации партийных систем Великобритании, Германии и Франции: Дис. ... канд. полит. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2009. – 247 с.
- Чернышев А.Л.* Электоральные процессы 2014–2015 гг. в Боливии: теряет ли MAS поддержку после девяти лет у власти? // Латинская Америка / РАН. Институт Латинской Америки. – М., 2015. – № 12. – С. 60–65.
- Чернышев С.И.* Партийная система Республики Корея // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – Уфа, 2012 а. – № 4 (16). – С. 46–53.
- Чернышев С.И.* Партийная система Австрии // Вопросы политологии. – М., 2013 а. – № 1 (9). – С. 162–171.
- Чернышев С.И.* Партийная система Дании // Вопросы политологии / РУДН. Национальный союз политологов. – М., 2013 б. – № 3 (11). – С. 153–163.
- Чернышев С.И.* Партийная система Финляндии // Вопросы политологии / РУДН. Национальный союз политологов. – М., 2012 б. – № 2 (6). – С. 115–127.
- Чернышев С.И.* Партийная система Швейцарии // Вопросы политологии. – М., 2013 с. – № 2 (10). – С. 169–180.
- Чернышев С.И., Амиантов А.А.* Партийная система Украины // Вопросы политологии / РУДН. Национальный союз политологов. – М., 2013. – № 4 (12). – С. 132–146.
- Чернышев С.И., Копалкина Е.* Партийная система Нидерландов // Вопросы политологии. – М., 2012. – № 4 (8). – С. 159–166.
- Швейцер В.Я.* Региональные и этнические партии в современной Европе («круглый стол») // Современная Европа. – М., 2006. – № 3. – С. 136–148.
- Швейцер В.Я.* Европа: партии и выборы («круглый стол») // Современная Европа. – М., 2003. – № 3. – С. 114–116.

- Шендрикова М.А.* Партийное строительство в развивающихся демократиях // Политическая наука. – М., 2012. – № 3. – С. 318–324.
- Шимов Я.В.* Гражданское общество и правящая элита в переходный период: чешский вариант // Полис: Политические исследования. – М., 2001. – № 3. – С. 149–159.
- Шимов Я.В.* История формирования и особенности развития многопартийной политической системы в Чешской Республике в конце XX – начале XXI вв.: Дис. ... канд. ист. наук / РАН. Институт славяноведения. – М., 2003. – 256 с.
- Шкель С.Н.* Политические партии в условиях авторитарной режимной среды: Опыт постсоветского Казахстана // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – № 1. – С. 93–113.
- Шуберт К., Кочев И.А.* Конец партийной демократии в Германии? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – Томск, 2011. – № 3. – С. 76–92.
- Шубин В.Г.* Выбор Зимбабве // Азия и Африка сегодня / РАН. Институт востоковедения. Институт Африки. – М., 2014. – № 1. – С. 29–33.
- Шубин В.Г.* Социалистический Интернационал и Африка: век 21-й // Азия и Африка сегодня / РАН. Институт востоковедения. Институт Африки. – М., 2013. – № 10. – С. 26–31.
- Шубина М.В.* Современные праворадикальные националистические партии в Западной Европе: Дис. ... канд. полит. наук., 2006. – 191 с.
- Шуленина Н.В., Себастьян К.Г.П.* Переход к многопартийной системе в рамках демократизации Мексики // Евразийский союз: вопросы международных отношений / Национальный союз политологов. – М., 2013. – № 1 (2). – С. 123–131.
- Шумилин А.* Проблема двухпартийности во внешней политике США // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2005. – № 5. – С. 16–25.
- Шурков А.А.* Индекс эффективного количества партий как инструмент анализа партийных и избирательных систем // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – М., 2015. – Т. 8, № 3 (41). – С. 84–90.
- Щепкин Е.А.* Роль СДПГ в процессе европейской интеграции (1969–1982 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж: Воронежский госуд. ун-т, 2004. – 348 с.
- Ямалова Э.Н.* Политическое представительство и проблемы обратной связи в новых демократиях: опыт постсоветской Литвы // Политика и общество. – М., 2015. – № 4. – С. 514–521.
- Япония: полвека правления либерал-демократов / Э.В. Молодякова [и др.] – М.: АИРО-XXI, 2010. – 278 с.
- Яхлов А.В.* Веймарская республика: партийная система. Политические силы и их программы // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – СПб., 2005. – № 3. – С. 80–89.
- Яшлавский А.* Союз за народное движение – из партии власти в оппозицию: кризис французских правых // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2013. – № 12. – С. 34–46.
- Golosov G.* Party system nationalisation in Sub-Saharan Africa: Empirical evidence and an explanatory model // International area studies review. – L., Seoul; Oslo, 2016. – P. 1–18. – Mode of access: <http://ias.sagepub.com/content/early/2016/02/01/2233865916629383.abstract> (Дата посещения: 10.02.2016.)

Golosov G.V. Factors of party system fragmentation: A crossnational study // Australian journal of political science. – L., 2015. – Vol. 50, N 1. – P. 42–60.

Golosov G.V. Factors of party system nationalization // International political science review. – N.Y., 2014. – October 4. – P. 1–15. – Mode of access: <http://ips.sagepub.com/content/early/2014/10/03/0192512114552864.abstract> (Дата посещения: 10.02.2016.)

Golosov G.V. Party systems, electoral systems, and legislative fragmentation: A cross-national empirical study // Party politics. – L., 2015. – P. 1–11. – Mode of access: <http://ppq.sagepub.com/content/early/2015/09/15/1354068815603624.abstract> (Дата посещения: 10.02.2016.)

В.С. АВДОНИН, Е.Ю. МЕЛЕШКИНА*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В ИНСТИТУТАХ РАН СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

Аннотация. Анализируются результаты экспертного опроса о развитии политических исследований в академических институтах. Даётся общая характеристика методологии и параметров опроса, выявляются достижения и проблемы в этой сфере, возможности ее дальнейшего развития в этих организациях. На основе материалов опроса авторы формулируют ряд предложений по стимулированию развития политических исследований в институтах РАН.

Ключевые слова: политическая наука; академические институты; социология науки; экспертный опрос.

* **Авдонин Владимир Сергеевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, e-mail: avdoninvla@mail.ru; **Мелешкина Елена Юрьевна**, доктор политических наук, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ, профессор департамента политологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ (Москва), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru

Vladimir Avdonin, Institute of Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia), e-mail: avdoninvla@mail.ru; **Meleshkina Elena**, Institute of Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia); Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia); National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru

V. Avdonin, E. Meleshkina
Political science in the institutes of Russian Academy of Sciences
in the light of an expert poll

Abstract. The results of an expert poll about political researches in the academic institutes are analyzed. The methodology of the project and goals of the expert poll are highlighted. Achievements and problems of the political science in the academic institutes are revealed. The authors introduce a number of motions about development of political researches in the academic institutes.

Keywords: political science; academic institutes; sociology of science; expert poll.

Значение институтов Академии наук для становления и развития политической науки в современной России трудно переоценить. Историко-научные и научоведческие исследования, архивные и мемуарные материалы свидетельствуют о значительной роли академической составляющей в утверждении этой области науки в нашей стране и в признании ее частью мировой политической науки [Воробьев, 2004 а; Ильин, 1999; Патрушев, 2004; История Российской ассоциации... 2015; Пляйс, 2002; Политическая наука в современной России... 2004; Политическая наука в России... 2006; Политическая наука в России... 2008; Черкасов, 2000 и др.].

Сегодня ситуация не столь однозначна. Актуальный анализ с позиций научоведения, социологии науки и политики в области науки, который был проведен в рамках проекта «Политическая наука в институтах РАН», показывает, что политическая наука в этих институтах сегодня находится в сложном положении. В ходе работы по проекту была собрана обширная эмпирическая информация о деятельности в этой области науки в 19 институтах РАН, входящих в структуру четырех отделений Академии, Президиума и трех территориальных научных центров, были изучены материалы национальной информационно-аналитической системы РИНЦ, проведены обсуждения, круглый стол и семинары, организован экспертный опрос. Собранные материалы и их анализ показывают, что политическая наука в институтах РАН по-прежнему остается ключевым компонентом российской политической науки как в институциональном, так и в исследовательском плане. В институтах Академии производится большая часть наиболее цитируемых монографий в области политической науки, работает большинство

наиболее цитируемых ученых, издаются основные рейтинговые журналы в данной научной отрасли [подробнее см.: Авдонин, 2015; Авдонин, 2016]. В то же время в ее актуальном развитии обнаруживается немало проблем, которые были отмечены в нашем исследовании.

Сгруппировать и проанализировать эти проблемы помогают материалы экспертного опроса, проходившего в рамках нашего проекта в институтах РАН в прошедшем году. Некоторые результаты опроса представлены ниже.

Основные параметры и методологические установки исследования

Непосредственно в ходе опроса было проинтервьюировано 15 респондентов, работающих как в академических институтах, расположенных в столице, так и в организациях вне Москвы¹. Большая часть экспертов – лица, занимающие руководящие должности разного уровня в своих институтах и, соответственно, способные оценить организационный аспект политических исследований.

Организаторов опроса интересовало мнение респондентов по трем группам вопросов: общая оценка состояния политических исследований в академических институтах, имеющиеся здесь проблемы, а также возможности и перспективы. Кроме того, были заданы вопросы об отношении респондентов к политическим исследованиям за пределами Академии – в вузах и в различных экспертных структурах – и об их отношении к преобразованиям, предусмотренным реформой РАН.

Структуру опроса и проблемное поле полученных материалов мы формировали с учетом разработанной в рамках проекта методологии комплексного изучения науки, которая базировалась на классической традиции социологии науки, идущей от Р. Мертона и его школы, и дополненную системной социологией науки Н. Лумана и его последователей, теорией социальных полей П. Бурдье

¹ Фактически число опрошенных экспертов больше, так как помимо опроса мы знакомились с мнениями ученых академических институтов и в ходе других мероприятий проекта – круглых столов, семинаров и др. [см., например: Круглый стол... 2015].

[Luhmann, 2009; Merton, 1972; Merton, 1977; The Cambridge history of science... 2003; Бурдье, 2007; Мотрошилова, 2010; Социология науки... 2010; Этос науки... 2005 и др.].

С этой точки зрения наука рассматривается как познавательная деятельность в рамках определенной социальной институционализации, т.е. получение, накопление и трансляция знаний в науке обусловлены определенными социально-институциональными параметрами, вне которых знание утрачивает статус научного. Ключевую роль здесь играет изучение институционализации профессиональных научных сообществ, в том числе автономной, конституирующей и координирующей роли академических сообществ в развитии науки. Учитывая, что в академических сообществах более рельефно выражены признаки науки как таковой (автономия и этос науки, престиж научной профессии, фундаментальность и строгость академического знания и другие), они не только выступают в качестве ядер профессиональных научных сообществ, но и являются факторами их автономии относительно других социальных полей или подсистем общества.

В рамках этого подхода обычно выделяются интерналистские (внутринаучные) и экстерналистские (внешние по отношению к самой науке) факторы и проблемы. При этом интерналистские могут включать как содержательно-когнитивные, так и институциональные (относящиеся к институционализации научных сообществ) аспекты науки, а экстерналистские – прежде всего, аспекты внешнего контекста. Еще одну, промежуточную, группу могут составлять проблемные факторы, которые трудно идентифицировать однозначно как интерналистские или экстерналистские.

Состояние политических исследований в академических институтах

Как показало наше исследование, состояние политической науки в академических институтах оценивается экспертами неоднозначно.

С одной стороны, респонденты отмечали более высокий уровень осуществляемых в них исследований по сравнению с вузовской наукой и аналитическими центрами: «уровень политической науки в вузах страны на порядок ниже уровня в академиче-

ских институтах», «на долю РАН приходится большая часть всех публикаций. Это по всем наукам, но все равно показательно. И это притом что сотрудников в РАН гораздо меньше. Значит, они работают более плодотворно» и т.д. В качестве причин этого назывались целевая ориентированность деятельности, наличие специально отведенного рабочего времени для осуществления исследования, сформированные традиции и особый «климат». Как отметил один из респондентов, «для ученого важно находиться в поле концентрации знаний и Академия наук такую возможность давала».

Опрошенные особо подчеркивали особую загруженность преподавателей вузов аудиторной работой и отчетностью, которая практически не оставляет возможности для проведения исследований: «в последнее время вузовские преподаватели “выше головы” завалены «часами», формальными отчетами, заполнением электронных журналов и прочей бюрократической работой», «в вузах еще больше растет груз бюрократических процедур и размеры учебной нагрузки; наукой всерьез заниматься скоро станет некогда, а сотрудникам аналитических центров, как правило, не хватает глубины научного подхода, широты взглядов и академической свободы, в том числе в выборе тем исследования и подходов к ним», «люди, которые профессионально преподают, у них нет времени на науку, тем более при нынешних нагрузках: сейчас нормы преподавательские такие... страшные нормы, когда профессор 1000 часов имеет нагрузки».

Здесь экспертные оценки в основном подтверждаются данными научометрического анализа. В академических институтах действительно производится заметно больше монографий, а также публикаций, имеющих более высокие показатели цитирования, в них также больше публикаций в журналах с высокими импакт-факторами, больше число исследователей с высоким индексом цитирования. Но по валовым, чисто количественным показателям университеты стали производить в последние годы больше публикаций, чем институты РАН, при этом показатели их цитирования существенно ниже.

В интерналистских сюжетах содержательного плана эксперты часто останавливались на основных тематических и субдисциплинарных направлениях исследований в академических институтах. Многие отмечали здесь значимость исследований в области теории и методологии политической науки, сущности и структуры

политического знания, его онтологических, эпистемологических, аксиологических оснований, философии политики, истории политической мысли и политической науки, т.е. направлений, связанных с рефлексией, самосознанием политической науки, ее самостоятельным статусом рационального и критического познания мира политического. Рассмотрение этих фундаментальных для политической науки вопросов, по мнению большинства экспертов, является естественной прерогативой научных исследований в академических институтах.

В качестве активно развитых в институтах направлений также часто назывались исследования политических институтов и процессов, исследования в области политической социологии, сравнительной политологии, политической антропологии и этнологии, исследования политической культуры и идентичности, политической модернизации, международные, международно-региональные и страноведческие (в том числе российской политики). Не раз отмечалось, что направления исследований в институтах зачастую связаны с научными школами и традициями, сложившимися там ранее, что позволяет повышать качество исследований, эффективнее решать их научные задачи. В частности, респонденты упоминали о таких школах и традициях в области исследований политической идентичности, исследований социально-политических движений и гражданского общества, социально-политических модернизаций и цивилизационного развития, политического прогнозирования. Отмечалось наличие научных школ и традиций в институтах РАН международного профиля – в области европейских интеграционных и страновых исследований, американистики, востоковедения, в том числе китаистики, арабистики, африканистики¹. Здесь приоритет академических исследований экспертами практически не оспаривался.

На фоне этих сравнительно развитых направлений эксперты отмечали и актуальную для академических институтов тематику, разработка которой пока лишь начата и не имеет устойчиво сформировавшихся традиций. Здесь у разных экспертов были разные мнения, но чаще других назывались исследования в области политической дискурсологии, политологии массмедиа и новой техно-

¹ Подробнее о научных школах в академических институтах см.: [«Круглый стол»... 2015; Пинюгина, 2015].

логической среды, исследования политических технологий, новой политэкономики / экономической политологии и др. В связи с этим некоторые эксперты обсуждали вопрос о целесообразности и перспективности развития новых направлений исследований в академических институтах, учитывая как те заделы, которые имеются в институтах в этих областях, так и возможности кооперации исследований в рамках академии.

Проблемы развития политической науки в академических институтах

С другой стороны, респонденты отмечали наличие серьезных проблем, стоящих перед академической политической наукой. В целом все проблемы можно условно разделить на две группы: те, которые свойственны российской политологии в целом, и те, которые присущи политическим исследованиям в академических институтах или имеют в них специфическое проявление.

Среди проблем, выделенных на основе экспертных интервью, отметим следующие.

Во-первых, это ресурсная обеспеченность, в первую очередь недостаточное финансирование, которое мотивирует ученых к зарабатыванию на жизнь в других местах порой в ущерб проведению научных исследований. Необходимость решения задачи по собственному финансовому обеспечению «на стороне» противоречит, по мнению, некоторых экспертов, самой природе научных исследований: «Настоящая фундаментальная работа здесь, в науке, требует спокойствия. Люди должны быть спокойны, прежде всего, за свое непосредственное бытие, не думать о зарплате, не тратить на это время». Особенно остро проблема недостаточного финансирования ощущается тогда, когда речь идет о молодых ученых: «Даже если у молодых людей есть интерес к науке, интерес этот не поощряется и не поддерживается государством. И люди, которые имеют научные интересы и пытаются эту проблему решить, устраиваются не в академию, а в организации, где больше платят».

Помимо собственно финансирования есть проблема обеспеченности иными ресурсами: «Должно быть очень хорошее снабжение литературой, информационными базами, доступ к элек-

тронным ресурсам – чего не хватает всем академическим институтам».

Некоторые респонденты ссылались на опыт других стран, где существует система государственной поддержки ученых. В частности один из опрошенных упоминал опыт Китая: «У них существуют программы – боюсь ошибиться в деталях, но лет 8–10 назад – а там тоже существует Академия общественных наук (у них две больших академии – просто наук и общественных наук). Вот тогда я уже разговаривал с китайскими коллегами уровня научного сотрудника и старшего сотрудника... Так вот они тогда уже все получили жилье. Да, не в центре Пекина, где-то четвертое кольцо, но заметьте жилье не по 50 метров, а в среднем по 100 кв. м. Система была сложная, не вполне бесплатная, но все сотрудники могли себе это позволить. И китайцы решили проблему, потому что была государственная программа».

Проводимую же российским государством политику в сфере поддержки научных исследований, особенно в Академии наук, большинство опрошенных оценили негативно, некоторые резко отрицательно: «То, что сейчас делается, я называю уничтожением фундаментальной науки», «перспективы академической науки в России очень тревожные... ФАНО проводит “зачистку” российской академической науки совершенно в неолиберальном стиле».

Во-вторых, тесно связанная с предыдущей проблема – привлечение молодежи в академические институты. Следствием ее существования является нарушение преемственности поколений, «поколенческая дыра». Речь в первую очередь идет об исследователях возрастной группы от 30 до 40 с небольшим лет, которых в стенах академических институтов очень мало. Это отрицательно сказывается на развитии научных школ и направлений. Как отметил один из экспертов, «если я не знаю ни одного человека на 20 лет моложе, занимающегося теми же проблемами – вот он разрыв. Это уже проблема. Нет преемственности. Эта преемственность очень важна и с точки зрения науки, и с точки зрения организации науки. У каждого поколения в науке должен быть свой шанс, и ученый должен реализовать этот шанс, внести свой вклад. Если по каким-то причинам образуется поколенческая дыра, то это уже деформированная структура научной школы. Хотим мы этого или не хотим, но традиция оказывается нарушена. То есть то, что

должны были люди тридцатилетние, условно говоря, внести – они не внесли и никогда не внесут».

В-третьих, отсутствие тесных научных контактов между академическими институтами и отдельными научными коллективами. Речь идет об информационных контактах, обмене малотиражной и серой литературой, участии в совместных научных проектах и мероприятиях.

Существующие контакты во многом основаны на личных связях или исторически сложившихся обстоятельствах, типа закрытия Института сравнительной политологии и перехода его сотрудников на работу в некоторые другие институты РАН, в частности Институт социологии и Институт Европы. Одной из причин подобного рода, по мнению ряда респондентов, является отсутствие рабочих потребностей для таких межинститутских контактов.

В результате политическая наука в академических институтах значительно фрагментирована. Как отметил один из респондентов, «информированность о деятельности друг друга есть, но она стихийная, не системная, никак не институционализирована помимо РАПН, где тоже фактически не выделена как особое направление работы. У руководства РАН руки до консолидации политологического сообщества в рамках своей системы тоже не доходят. Отношения между политологами, занимающимися внешней политикой и внутренними политическими процессами действительно почти никакие или того хуже... Тут сказывается и различие тематик и различие в подходах к определению своей миссии».

В целом наш опрос показал, что по структуре контактов и профессиональным интересам можно выделить две группы институтов, внутри которых контакты осуществляются чаще, чем между группами: страноведческие и региональные институты, с одной стороны, и институты общего профиля, – с другой.

В-четвертых, это вопросы качества, профессионализма исследований, и в первую очередь их методологическая слабость. Респонденты отмечали, что это общая проблема для российской политической науки. В целом российские ученые на мировом уровне, к сожалению, представляют интерес преимущественно только как носители экспертного знания о России. Признанных на мировом уровне исследователей, известных своими работами в других тематических областях, очень немного.

Это справедливо и для академических институтов. Однако в них проблемы профессионализма, методологической обеспеченности исследований и т.п. имеют свою специфику. В частности, одной из причин существования этих проблем является размытость границ научной дисциплины – политологии. Как отметил один из респондентов, «политические исследования шире, чем политическая наука». Одним из проявлений этого является идентификационная проблема. Она проявляется в ситуациях, когда ученые, занимающиеся политическими исследованиями на хорошем профессиональном уровне, порой не относят себя к политологам, а те, кто выполняет исследования, не отвечающие профессиональным политологическим стандартам, порой называют себя политологами. Размытость дисциплинарных границ, идентификационная неопределенность ослабляет мотивацию к освоению новых профессиональных навыков, методологических подходов и методов.

Разобщенность и слабая кооперация политических исследований разных направлений в академических институтах, которую отмечали эксперты, имеет и определенную объективную основу в структуре самой политической науки. Она является весьма рыхлой, дивергентной, междисциплинарной, что отмечается в качестве одной из проблем политической науки во многих международных исследованиях. [Almond, 1990; Becher, Trowler, 2001; Trent, Stein, 2012]. В связи с этим одной из задач ее развития являются сознательные усилия по поддержанию связей и взаимодействий в этом расходящемся поле, активизация научной кооперации. При их отсутствии «разбегание» исследовательского поля будет лишь усиливаться.

Задача институционализации таких взаимодействий и коопераций становится критически важной. Но на формальном уровне ее реализовать сложно, так как здесь возможно столкновение с тем, что эксперты назвали «отсутствием рабочих потребностей» в кооперации ученых разных направлений и субдисциплин. В связи с этим особенно важной может быть роль исследований и разработок в области методологии политической науки, которые бы способствовали интеграции поля политических исследований. И здесь роль институтов РАН, где разработка методологических вопросов политической науки сообразуется с задачами развития фундаментальных исследований, могла бы быть особенно важной для всего российского политологического сообщества. При этом,

разумеется, необходимо и развитие организационных форм кооперации и интеграции исследований в институтах РАН, о которых говорили эксперты.

Возможные механизмы стимулирования политических исследований в академических структурах

В ходе опроса эксперты высказывали некоторые интересные предложения по развитию академической науки, среди которых отметим следующие.

Во-первых, превращение ученого из объекта управления наукой в субъекта научной деятельности. Это предполагает формирование новой системы оценки и поощрения научных кадров, где главную роль «судей» играют ученые, а не чиновники. Как отметил один из респондентов, «почему при научометрической системе право оценивать труд и статус ученого по количественным показателям будет не у меня как эксперта, а у не знающего порой ничего чиновника? Какой тогда статус ученого?.. Нужно, чтобы именно ученый, а не только институт стал субъектом науки. Я поэтому и говорю о закреплении статуса ученого, профессионально занимающегося наукой... У нас индивидуальная наука, не конвейер, не бухгалтерия. Поэтому мы должны прописать статус этого отдельного человека».

Во-вторых, субъектная роль ученого может быть закреплена в особом правовом статусе ученого (включая вузовского работника), который предполагал бы определенные нормы рабочего времени, отводимого на исследования, и соответствующую заработную плату.

В-третьих, поощрение за счет бюджетного финансирования и государственных фондов межинститутской кооперации в плане организации и проведения совместных исследований.

В-четвертых, обмен публикациями между академическими институтами, особенно малотиражной и серой литературой.

В-пятых, организация системы повышения профессионального уровня молодых ученых, работающих в институтах РАН.

В-шестых, это создание межинститутских площадок для совместной научной саморефлексии.

На основе результатов опроса, а также других исследований, выполненных в ходе реализации нашего проекта, его участниками

были сформулированы следующие предложения, направленные на развитие и повышение эффективности политических исследований в институтах РАН.

Во-первых, это механизмы преодоления разобщенности академического политологического сообщества. Важную роль в этом процессе сможет сыграть создание постоянной площадки или площадок для обсуждения актуальных вопросов, налаживанию обмена информацией и литературой по политических исследованиям в академических институтах. Такими площадками могли бы быть:

- межинститутский сайт по политическим наукам, отдельный или на базе одного из существующих ныне институтских сайтов;
- специальный Совет по политической науке на базе институтов РАН (возможно использование в качестве такого инструмента уже существующих структур типа Межинститутского совета по изучению партий и партийных систем, действующего в институтах международного профиля, или одного из координационных подразделений РАПН);
- созданная на основе материалов проекта и пополняемая в мониторинговом режиме база данных по действующим подразделениям институтов, в которых осуществляются политические исследования, их исследовательским проектам, изданиям, мероприятиям;
- межинститутские академические исследовательские проекты, поддержанные российскими фондами или ФАНО в приоритетном плане.

Во-вторых, это механизмы привлечения молодых кадров и обеспечение преемственности поколений.

Здесь полезной могли бы оказаться активизация кооперации между молодыми исследователями в институтах РАН (Советами молодых ученых, созданными в институтах).

Также было бы целесообразно создать систему специальных конкурсных исследовательских позиций (должностей) в академических институтах для молодых, но уже зарекомендовавших себя ученых, демонстрирующих хорошие показатели научной активности, со специальными требованиями к деятельности и особой заработной платой.

Позитивную роль могло бы сыграть и формирование системы межинститутской подготовки аспирантов, в частности организация межинститутских занятий по специальности и участие аспирантов в исследовательских проектах в других институтах.

В-третьих, меры по повышению качества и уровня методологической обеспеченности политических исследований, преодолению их фрагментарности, укреплению связи российских исследователей из академических институтов с международными исследовательскими организациями и сетевыми структурами. Позитивную роль здесь могли бы сыграть следующие направления деятельности:

- организация серии семинаров с привлечением исследователей из разных академических институтов, посвященных методологическим вопросам изучения той или иной сферы политической жизни;
- приглашение исследователей к созданию и расширению межинститутских дискуссионных площадок, предполагающих оценку и обсуждение исследовательского проекта одного института с учеными из других институтов;
- формирование дискуссионной площадки научных журналов, издаваемых академическими институтами для координации и повышения качества редакционной и публикационной политики;
- облегчение доступа исследователей к зарубежной литературе, международной периодике, базам данных.

В-четвертых, механизмы развития относительно новых для политической науки тематических сфер и областей, например связанных с использованием в политической жизни новой информационно-технологической среды.

Полезными в этом отношении могли бы оказаться уже проходящие в академических институтах семинары и практикумы или специально проводимые для дискуссий на соответствующую тему.

В-пятых, меры по укреплению связей с «вузовской» политической наукой. Для решения этой задачи могут быть задействованы следующие механизмы:

- семинар или ряд семинаров для обсуждения возможностей развития связей между академической политологией и вузовской наукой;
- вузовско-академические семинары, сайты, совместные исследовательские и образовательные проекты, сборники и иные издания с участием академических ученых, осуществляющих преподавательскую деятельность;

– развитие инструментов привлечения в академические институты талантливых выпускников и ученых из вузов (практика и стажировки в институтах РАН, аспирантура, докторантура).

Нами были сформулированы и некоторые другие предложения по развитию политической науки в академических институтах. Однако они не имеют прямого отношения к результатам экспериментального опроса. В целом его результаты позволили более отчетливо увидеть накопленный в академических институтах потенциал и проблемы, а также наметить пути их преодоления.

Список литературы

- Авдонин В.С. Наука по валу и по уму // Независимая газета. Приложение. НГ-Наука. – М., 2016. – 27 января. – С. 11.
- Авдонин В.С. Политическая наука в институтах РАН: Институциональное изменение и неукометрические показатели // Политическая наука. – М., 2015. – № 3 – С. 27–52.
- Бурдье П. Социология социального пространства. – М.: Алетейя, 2007. – 288 с.
- Воробьев Д.М. Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества // Полис: Политические исследования. – М., 2004. – № 4. – С. 169–178.
- Ильин М.В. Десять лет академической политологии – новые масштабы научного знания // Полис: Политические исследования. – М., 1999. – № 6. – С. 135–143.
- История российской ассоциации политической науки / Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 360 с.
- Круглый стол: «Политическая наука в институтах РАН: История, современное состояние, перспективы» // Политическая наука. – М., 2015. – № 3. – С. 237–251.
- Мотрошилова Н.В. Создание Р. Мертоном классических парадигм социологии науки: взгляд их XXI века // Социология науки и технологий. – М., 2010. – Т. 1, Вып. 4. – С. 45–83.
- Патрушев С.В. Российская ассоциация политической науки: Формирование и консолидация политологического сообщества // Россия и современный мир. – М., 2004. – № 1. – С. 217–221.
- Пинюгина Е.В. Политическая наука в востоковедческих институтах Российской академии наук: тематика и методология в новых политических условиях // Перспективы: Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. – 22.12.2015. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/misl/koncept/politicheskaja_nauka_v_vostokovedcheskih_institutah_rossijskoj_akademii_nauk_tematika_i_metodologija_v_novyh_politicheskikh_uslovijah_2015-12-22.htm (Дата посещения: 12.02.2016.)
- Пляйс Я.А. Отечественная политология на рубеже XX и XXI вв. // Полис: Политические исследования – М., 2002. – № 2 – С. 175–179.

- Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра (Материалы научного семинара) // Полис: Политические исследования. – М., 2006. – № 1. – С. 141–150.
- Политическая наука в России: Проблемы, направления, школы, (1990–2007) / Редколл.: О.Ю. Малинова и др. – М.: РОССПЭН, 2008. – 463 с.
- Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. Ежегодник РАПН. – М.: РОССПЭН, 2004. – 456 с.
- Черкасов П.П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. – М.: Весь мир, 2004. – 572 с.
- Социология науки: Учебное пособие / Сост. Э. Мирский. – Режим доступа: <http://www.courier-edu.ru/pril/posobie/0.htm> (Дата посещения: 18.03.2015.)
- Этос науки на рубеже веков // Философия науки / РАН. Институт философии. – М., 2005. – Вып. 11. – 342 с.
- Almond G.A. A Discipline divided: Schools and sects in political science. – Newbury Park, California: Sage publications, 1990. – 348 p.
- Becher T., Trowler P.R. Academic tribes and territories: Intellectual inquiry and the culture of disciplines. – Buckingham: Open univ. press, 2001. – 239 p.
- Luhmann N. Die Wissenschaft der gesellschaft. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2009. – 732 S.
- Merton R. The Sociology of science: An episodic memoir // The Sociology of science in Europe / Ed. by R. Merton, J. Gaston. – Chicago: Southern Illinois univ. press, 1977. – P. 3–144.
- Merton R.K. The institutional imperatives of science // Sociology of science / Ed. B. Barnes. – L.: Penguin Books, 1972. – P. 65–79.
- The Cambridge history of science. The modern social sciences / Ed. by Th. M. Porter, D. Ross. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2003. – Vol. 7. – 790 p.
- The world of political science: A critical overview of the development of political studies around the globe: 1990–2012 / J. Trent, M. Stein (eds). – Opladen; Farmington Hills: Barbara Budrich publishers, 2012. – 188 p.

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

А.С. ДЁГТЕВ *

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ ОБ ОТНОШЕНИЯХ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В РОССИИ

Аннотация: Эволюция модели отношений государства и бизнеса в постсоветской России нашла отражение в отечественных политологических исследованиях. Их можно разделить на четыре предметные категории: системные аспекты отношений, GR и лоббизм, экономическая политология и корпоративная социальная ответственность.

Ключевые слова: джиар; лоббизм; экономическая политология; корпоративная социальная ответственность (CSR).

**A.S. Degtev
Russian political science analysis of government-business relations in Russia**

Abstract. The evolution of government-business relations in Russia has been analyzed by numerous Russian researchers. For subjects can be pointed out within government-business relations studies: systemic elements of relations, GR and lobbying, economic political science and corporate social responsibility.

Keywords: GR; lobbying; economic political science; corporate social responsibility (CSR).

* **Дёгтев Андрей Сергеевич**, аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ, эксперт Центра научной политической мысли и идеологии, e-mail: andrej.dyogtev@gmail.com

Andrew Degtev, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), Centre for Scientific and Political Thought and Ideology (Moscow, Russia), e-mail: andrej.dyogtev@gmail.com

После распада СССР в России начались бурные процессы демократизации и перехода к рынку, т.е. одновременно происходили два перехода – от автократии к демократии и от административно-плановой экономики к рыночной. Одним из главных итогов изменений в экономической сфере стало появление бизнеса как самостоятельного политического игрока. Достаточно быстро сформировались новая сфера политического взаимодействия – отношения власти и бизнеса – и, как следствие, новый предмет для изучения политической наукой.

За последующие два с лишним десятилетия российская политическая наука накопила внушительный багаж знаний об отношениях власти и бизнеса в нашей стране. В тематическом плане можно выделить четыре основных направления исследований в рамках обозначенного предмета:

- рассмотрение системных аспектов отношений власти и бизнеса;
- GR и лоббизм;
- экономическая политология;
- корпоративная социальная ответственность.

Системные аспекты отношений власти и бизнеса

Под системными аспектами отношений власти и бизнеса имеются в виду общие принципы и особенности взаимодействия государственных органов власти и предпринимательского сообщества, которые образуют особую сферу межсубъектных коммуникаций, являющуюся, в свою очередь, элементом политической системы страны. Развитие отношений власти и бизнеса в России в 1990-е – 2000-е годы нашло отражение в многочисленных работах отечественных авторов.

Система взаимодействия государства с бизнес-сообществом в России претерпела ряд изменений на протяжении двух с половиной десятилетий, прошедших с распада СССР. Однако поистине фундаментальные трансформации произошли в ней в начале 2000-х годов; они были связаны с деятельностью президента В. Путина. Переустройство модели отношений власти и бизнеса, которое имело место в те годы, было детально изучено и описано российскими политологами. Их общая точка зрения заключается в

том, что в начале 2000-х годов был осуществлен переход от отношений равноправного диалога бизнеса с властью к логике подчинения предпринимательского сообщества государству.

Как пишет В. Фокин, в 1990-е годы «почти официально был учрежден круг своего рода «доверенных олигархов», т.е. наиболее крупных предпринимателей. Лица и компании из этой категории пользовались при поддержке президентской власти неограниченными льготами в вопросах приватизации, а в дальнейшем – при получении государственных заказов» [Фокин, 2011, с. 62].

Встраивание олигархов в систему государственной власти происходило по мере роста их экономического могущества. Если в первые годы реформ говорили о «новой» или «демократической» номенклатуре и «номенклатурном капитализме», то позднее все чаще стали упоминаться «олигархия» и «олигархический капитализм» [Зудин, 2006, с. 130]. Переломный же момент наступил во время президентских выборов 1996 г. Чтобы избраться на второй срок, Б. Ельцин обратился за помощью к крупному бизнесу. «”Ценой вопроса” стала передача огромных государственных активов компаниям – спонсорам избирательной кампании Б. Ельцина (известные залоговые аукционы 1995–1996 гг.)... Свидетельством окончательной победы “олигархической” модели элитообразования стал состав сформированного летом 1996 г. правительства, представившего в качестве сообщества отраслевых лоббистов» [Гаман-Голутвина, 2008, с. 106].

Но этой системе не было суждено просуществовать долго. Первый удар по благополучию олигархического корпуса нанес дефолт 1998 г. «К моменту избрания В. Путина на пост Президента России распад «олигархической» модели, утвердившейся во взаимоотношениях между властью и бизнесом в последний период правления Б. Ельцина, принял фактически необратимый характер» [Зудин, 2001 б, с. 171].

Окончательную точку в процессе ухода от модели «олигархической координации» поставил новый президент В. Путин. При нем был провозглашен принцип «равноудаленности» власти в отношениях с представителями предпринимательского сообщества. Новая формула взаимодействия бизнеса с государством означала «благоприятный предпринимательский климат в обмен на политическую лояльность» [Зудин, 2001 б, с. 180]. Конечно, в новой реальности предприниматели не лишились возможности получить

привилегированный статус в отношениях с государственными органами. Однако «если раньше он означал прямое или косвенное участие в принятии важнейших решений, то теперь – это лишь право на доступ в “гостиную” большой политики. Вход же на “кухню”, где готовятся и принимаются важнейшие решения, оказался прочно закрыт» [Зудин, 2001 а, с. 213]. Те олигархи, которые активно выступали против предложенных правил игры, не сумели эффективно противостоять государству. Б. Обрамович и В. Гусинский были вынуждены покинуть страну после открытых на них уголовных дел. М. Ходорковский был арестован, а затем и признан виновным в уклонении от уплаты налогов.

Произошедшие изменения вполне соотносились с исторической логикой архетипов власти в России. Как заметила О. Гаман-Голутвина, «те, кто рассчитывал получить карманного президента, были плохо знакомы с русской историей. В России не только поэт – больше, чем поэт: верховная власть здесь значит много больше, чем в западном политикуме» [Гаман-Голутвина, 2006]. По сути государство вернуло себе ту доминирующую роль, которая всегда была свойственна ей ввиду особенностей российской политической культуры.

Одновременно происходила институционализация диалога власти с бизнесом. При правительстве был создан Совет по предпринимательству. Начались регулярные встречи с советами и ассоциациями предпринимателей. Сильно возросла роль РСПП. В его составе было создано бюро, в которое вошли крупнейшие бизнесмены страны. При непосредственной роли государства были созданы объединения, отражающие интересы преимущественно малого и среднего бизнеса, – «Опора России» и «Деловая Россия». В 2004 г. был создан Координационный совет, объединивший представителей «Деловой России» и «Опоры» с целью выработки общей позиции для ее трансляции государству.

После закрепления новых правил взаимодействия государства с деловым сообществом при президенте В. Путине одной из наиболее популярных тем политологических исследований в этой области стали объединения бизнеса – главным образом ассоциации. Повышенный интерес к ним был вызван относительным ростом их влияния. Та часть бизнеса, которая лишилась возможности контактировать с властью напрямую, перешла к реализации своих интересов через отраслевые сообщества. Активизация строительства

ассоциаций и повышения интенсивности взаимодействия государства с ними даже позволили поставить вопрос о формировании в России неокорпоративной модели [Зудин, 2001 б].

Проблематика профессиональных объединений бизнеса была подробно рассмотрена рядом авторов. Обширное исследование российских ассоциаций было проведено в рамках серии «Независимый экономический анализ» [Яковлев, 2010]. Авторы рассмотрели стимулы к созданию ассоциаций, их внутреннюю организацию и направления деятельности. Проанализировали основные аспекты взаимоотношений бизнес-ассоциаций с государством. Оценили масштабы участия промышленных предприятий в бизнес-ассоциациях. Примечательно, что эмпирический материал собирался исследователями не в режиме стороннего наблюдения, а, что называется, из первых рук – путем проведения большого количества интервью с представителями делового сообщества.

А. Зудин проанализировал эволюцию отношений власти с бизнес-ассоциациями в течение 2000-х годов [Зудин, 2010]. Он выявил такие отличительные черты позднего образца взаимодействия ассоциаций с государством, как консолидация ассоциаций, их интеграция в политico-институциональный порядок, инициирование ассоциаций отдельными компаниями, переориентация на вопросы макроэкономического развития, возрастание консультационной роли бизнеса и наделение ассоциаций функциями саморегулирования.

Политические стратегии групп интересов делового сообщества А. Зудин разделяет на «лоббизм», электоральную стратегию и институционализацию, под которой понимается официальное закрепление бизнесом своего присутствия в системе органов власти и управления [Зудин, 1996].

Конечно, накопленный исторический опыт отношений власти и бизнеса в постсоветской России требовал не только специализированных разработок, но и системного обобщения. В качестве примеров таких работ можно привести исследование под редакцией С. Перегудова [Перегудов, Лапина, Семененко, 1999] и работу Я. Паппэ и Я. Галухиной [Паппэ, Галухина, 2009].

С. Перегудов, Н. Лапина и И. Семененко проанализировали истоки и эволюцию российской системы функционального представительства, начиная с советских времен. Рассмотрели политическую роль предпринимательских ассоциаций. Описали техноло-

гии и проблемы лоббизма в постсоветской России. Провели сравнение российских реалий с практиками коллективного представительства интересов бизнеса в ЕС и т.д. Исследование Перегудова и его коллег позволило фундаментально осмыслить тот путь, который прошла российская система отношений власти и бизнеса к концу 1990-х годов.

Спустя десятилетие Я. Паппэ и Я. Галухина провели не менее обширный анализ системной роли крупного бизнеса в России. Их исследование имеет главным образом экономический характер и посвящено истории российского бизнеса. Однако политический аспект взаимодействия бизнеса и государства проходит рефреном через всю работу. Авторы рассмотрели этапы и механизмы формирования интегрированных бизнес-групп и компаний. Выявили фундаментальные сдвиги в системе включенности отечественного бизнеса во внутренние и внешние политические и экономические процессы. Классифицировали интегрированные бизнес-группы и компании.

GR и лоббизм

GR (government relations) является особой формой «информационно-коммуникационной системы в политической сфере, представляющей совокупность информационных потоков, которые постоянно формируются вокруг целенаправленных взаимодействий представителей бизнеса и государства и способны к своему устойчивому воспроизведению благодаря деятельности специально создаваемых организационных структур» [Сергеев, с. 106]. Иными словами, GR отвечает за построение устойчивых связей бизнеса с властным сообществом. GR направлен на минимизацию регулятивных рисков, оптимизацию законотворческой и законоисполнительной деятельности.

Конечно, GR в значительной мере представляет собой не столько научную отрасль знания, сколько набор чисто прикладных навыков и разработок, реализуемых специалистами в недрах бизнес-структур. Юридические фирмы, GR-агентства, структурные подразделения коммерческих фирм постоянно работают в сфере налаживания диалога с властью. Одним словом, речь идет о специализированном ремесле. Тогда возникает вопрос, в чем же за-

ключается функция политической науки для GR. На самом деле она имеет несколько проявлений.

Во-первых, политологические исследования помогают сформулировать универсальные стратегии поведения бизнеса. Иными словами, политология в сфере GR вырабатывает типовой алгоритм воздействия на власть в стандартных ситуациях [Дегтярёв, 2013].

Во-вторых, политическая наука производит научное описание того, что происходит в сфере GR, систематизирует и обобщает накопленные сведения.

В-третьих, политология занята построением научных теорий в сфере GR.

В-четвертых, GR как научная дисциплина ищет пути применения зарубежного опыта регулирования отношений власти и бизнеса в российских условиях [Котиев, 2009].

Родственной GR-дисциплиной является лоббизм. Их предметы настолько близки, что часто между ними ставится знак равенства. В действительности отличительной чертой лоббизма является его практический характер. Если произнося слово «GR», политолог прежде всего имеет в виду устойчивую систему отношений между бизнесом и властью, то говоря о лоббизме, он скорее представляет себе совокупность отдельных практик продвижения деловых интересов в государственных учреждениях. Как отмечает И. Дмитриев, «основная задача специалиста в области GR определяется уже не как решение конкретной проблемы, а как установление неформального диалога с властью. “Джиарщики” – строители прочных мостов, ведущих из корпорации во властные структуры. Впоследствии по этим “мостам” пройдут лоббисты с конкретными “интересными” предложениями» [Дмитриев, 2005].

Отечественной наукой был наработан существенный багаж знаний в сфере GR и лоббизма. Анализ зарубежного опыта в приложении к российской специфике позволяет выработать нетривиальные модели организации системы представительства интересов бизнеса в нашей стране. Однако, к сожалению, распространение коррупционных практик в административно-политическом процессе и активное включение в них бизнес-сообщества препятствуют реализации эффективных теоретических наработок и рекомендаций. Принятие закона о лоббизме позволило бы продвинуться в направлении решения этой проблемы.

Экономическая политология

Попыткой выделить новые грани предмета отношений бизнеса с государством и обществом стало выдвижение новой дисциплины – экономической политологии. Экономическая политология по сути ориентируется на консультационное сопровождение деятельности бизнеса в той или иной стране. Именно поэтому помимо традиционного предмета политологии в виде социальных отношений по поводу власти она затрагивает и вопросы извлечения прибыли. Если говорить более конкретно, то к предметному полю экономической политологии относятся обеспечение политической безопасности бизнеса, профилактика политических рисков, а также выработка оптимальной стратегии поведения в отношении общества и государства в стране пребывания.

Фокус экономической политологии соседствует с предметной сферой GR. Однако он явно шире, так как не только включает в себя вопросы связей с административно-правительственными органами, но и рассматривает политическую субъектность бизнеса, который для экономической политологии превращается из актора, всего лишь воздействующего на власть, в претендента на то, чтобы самому стать властью.

Предметное поле экономической политологии А.Д. Богатуров делит на четыре блока.

Во-первых, «специфические преломления предметов теоретико-методологического цикла политологии».

Во-вторых, политическая безопасность бизнеса – правовые основы ведения бизнеса, анализ политических рисков, типология конфликтов, анализ способов воздействия государства на бизнес.

В-третьих, роль общественного мнения и общественных ожиданий в отношении бизнеса.

Наконец, механизмы влияния бизнеса на власть и страновые особенности лоббизма [Богатуров, 2011].

Экономическая политология является молодой подотраслью политической науки. Она ориентируется на накопление и систематизацию опыта отношений между бизнесом, властью и обществом в разных странах мира, не обходя стороной и Россию.

Корпоративная социальная ответственность

Корпоративная социальная ответственность (КСО) заключается в том, что бизнес, помимо соблюдения законов и производства качественного продукта / услуги, добровольно берет на себя дополнительные обязательства перед обществом [Туркин, 2007]. На первый взгляд, КСО не имеет прямого отношения к предмету политологии. В определенной степени это утверждение соответствует правде. Изучение КСО действительно является неотъемлемой частью менеджмента. Однако в этой науке она изучается в основном с точки зрения планирования стратегии фирмы. Иными словами, политический аспект взаимодействия с государственными органами интересен не сколько теоретикам менеджмента, сколько политологам. В первую очередь исследователей в области менеджмента волнуют технические вопросы организации коммерческой деятельности предприятия и его взаимодействия со стейкхолдерами. Однако сфера взаимодействия с государством в ходе реализации социально ответственной деятельности фирмы имеет особое значение как минимум по двум причинам.

Во-первых, роль государства является определяющей для фирмы. Государство является главным регулирующим политическим субъектом в обществе, именно за ним остается последнее слово при определении общих правил игры.

Во-вторых, социальная ответственность является пространством столкновения и согласования интересов бизнеса и государства. Согласно теории просвещенного эгоизма КСО рассматривается как своеобразный бизнес. Расходы фирмы на КСО, по мнению сторонников данного подхода, несмотря на сокращение прибыли в краткосрочном периоде, позволяют добиться долгосрочного экономического эффекта, так как дают возможность создать благоприятное социальное окружение, а значит, обзавестись ценным социальным капиталом.

Значительная часть российских работ, посвященных корпоративной социальной ответственности, представляют собой анализ эволюции западных подходов к этой теории. Например, масштабный обзор теории КСО провел Ю. Благов, выделив несколько этапов в ее развитии и рассмотрев основные подходы, среди которых присутствуют корпоративная социальная восприимчивость, корпоративная социальная деятельность, концепция заинтересован-

ных сторон, корпоративное гражданство и корпоративная устойчивость [Благов, 2010]. Концепцию корпоративного гражданства всесторонне рассмотрел С. Перегудов [Перегудов, 2006]. Однако далеко не все работы посвящены сугубо теоретическому аспекту. Помимо обзорного характера многие исследования имеют явное прикладное значение, так как нацелены на поиск способов применения зарубежного опыта для России [Перегудов, 2008; Семененко, 2005; Витковская, 2007].

Часть литературы посвящена изучению собственно российских реалий КСО [Туркин, 2007; Лапина, 2006]. Основные особенности российской практики КСО и ее отличия от зарубежных аналогов достаточно подробно осмыслены в российском научном дискурсе. Несмотря на то что масштабы участия российского бизнеса в социальных практиках относительно велики, присутствуют существенные различия на уровне мотиваций и структуры благотворительной деятельности в России и на Западе [Туркин, 2007].

К сожалению, ни общество, ни государство не в состоянии пока сформировать полноценный запрос на социальную ответственность бизнеса, как это происходит на Западе [Яровой, 2009].

Заключение

Отношения власти и бизнеса являются многогранным и динамичным предметом для изучения. Сфера взаимодействия государства и предпринимательского сообщества не только является политологической областью исследований, но и затрагивает локус специализации иных дисциплин. К наукам, делящим с политологией данное тематическое поле, относятся экономика и менеджмент, социология и право. Это открывает возможность для междисциплинарных исследований. Однако политический аспект деятельности бизнеса остается специфическим полем исследования именно политологии.

С момента распада СССР и перехода к рынку отечественная политология шла нога в ногу с процессом эволюции отношений власти и бизнеса. Был накоплен существенный массив исследований в этой сфере. Помимо ставших уже классическими предметных политологических жанров в сфере отношений власти и бизнеса появляются и новые дисциплинарные направления. Например,

экономическая политология. Возможная трансформация российской экономической модели может открыть новые грани для всестороннего изучения системы координации государства и делового сообщества.

Список литературы

- Бизнес-ассоциации в России: внутренняя структура, эволюция отношений с государством, роль в модернизации экономики. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ» / Под ред. А.А. Яковлева. – М.: Московский общественный научный фонд; Автономная некоммерческая организация «Проекты для будущего: научные и образовательные технологии», 2010. – № 219. – 190 с.
- Благов Ю.Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции. – СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. – 272 с.
- Богатуров А.Д. Понятие экономической политологии и особенности ее проблемного поля в России // Полис: Политические исследования. – М., 2011. – № 4. – С. 8–19.
- Витковская Л. Социальная ответственность бизнеса и государства в обществе // Проблемы теории и практики управления. – М, 2007. – № 4. – С. 41–49.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.
- Гаман-Голутвина О.В. «Революция элит» как реальность постсоветской России. Приватизация государства в условиях «демократии беспорядка» 1990-х гг. // Политические отношения и политический процесс в современной России: Хрестоматия / РАН. ИНИОН; Ред. и сост. Е.Г. Пономарева. – М., 2008. – Т. 2. – С. 104–117.
- Дегтярёв А.А. Проблема учета «внешних» и «внутренних» правил при осуществлении GR-работы в современной России // Корпоративное управление и социальная ответственность бизнеса / Под ред. Е.Б. Завьяловой, В.Б. Кондратьева. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – С. 270–282.
- Дмитриев И. Джипар в России больше, чем пиар // Версия. – М., 2005. – 14 марта.
- Зудин А.Ю. Ассоциации бизнеса и государство: что изменилось? – М., 2010. – Режим доступа: <http://opesc.hse.ru/data/2010/03/15/1233446158/Zudin-Doklad-11-03.pdf> (Дата посещения: 13.02.2016.)
- Зудин А.Ю. Бизнес, ассоциации и государство: сравнительный анализ отношений на Западе и в «постсоциалистических» странах // Технологии политики. – М., 2006. – С. 109–142.
- Зудин А.Ю. Неокорпорativизм в России? Государство и бизнес при Владимире Путине // Pro et Contra. – М., 2001 (а). – Т. 6, № 4. – С. 171–198.
- Зудин А.Ю. Россия: бизнес и политика. Стратегия власти в отношениях с группами давления бизнеса // МЭиМО – М., 1996. – № 5. – С. 17–25.

- Зудин А.Ю. Бизнес и государство: к новой модели взаимоотношений // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2001 (б). – С. 212–219.
- Котиев Д. Интересен ли для России опыт Запада в области GR // Власть. – М., 2009. – № 11. – С. 118–120.
- Лапина Н. Социальная ответственность бизнеса: какое будущее для России? // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2006. – № 6. – С. 31–38.
- Перегудов С.П. Группы интересов и Российское государство / С.П. Перегудов, Н.Ю. Лапина, И.С. Семененко. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 350 с.
- Перегудов С.П. Корпоративное гражданство как новая форма отношений бизнеса, общества и власти / РАН. ИМЭМО. – М., 2006. – 194 с.
- Перегудов С.П. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 447 с.
- Российский крупный бизнес: первые 15 лет: экон. хроники 1993–2008 / Под ред. Я.Ш. Паппэ, Я.С. Галухиной. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2009. – 423 с.
- Семененко И.С. Корпоративное гражданство: западные модели и перспективы для России // Полис: Политические исследования. – М., 2005. – № 5 – С. 23–40.
- Сергеев В. Тенденции политического взаимодействия бизнеса и государства в современной России // Власть. – М., 2013. – № 7. – С. 105–108.
- Туркин С.В. Как выгодно быть добрым: Сделайте свой бизнес социально ответственным. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 381 с.
- Фокин В.Ю. Политическая практика государственно-частного партнерства в России // Полис: Политические исследования. – М., 2011. – № 4. – С. 60–69.
- Яровой А. Возможности власти в развитии социальной ответственности российского бизнеса // Власть. – М., 2009. – № 10. – С. 15–19.

И.А. ЗАРАНКИН*

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕКРУТАЦИИ ЭЛИТ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. В статье освещаются исследования рекрутации элит в российской политической науке. В частности, показано, что подобные исследования позволяют понять связь между развитием общества и элитаобразованием, процесс институционализации элиты, взаимозависимость между различными властями в регионах и другие закономерности.

Ключевые слова: рекрутация; каналы рекрутации; элиты; карьерные траектории.

I.A. Zarankin

Studying of elite recruitment in the Russian political science

Abstract. In this article studies of the elite recruitment in the Russian political science are analyzed. In particular it is shown that studying of recruitment helps to understand connection between the development of society and the elite formation, the process of the elite institutionalization, interdependence of different regional powers and other regularities.

Keywords: recruitment; recruitment channels; elites; career trajectories.

Понятие «рекрутация» (рекрутование, рекрутинг) является одним из наиболее заметных в такой субдисциплине политической науки, как элитология. Как справедливо отмечал социолог А.В. Дука,

* **Заранкин Илья Александрович**, аспирант департамента политологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ, e-mail: iazarankin@gmail.com.

Zarankin Ilya, the National research university Higher school of economics (Moscow, Russia), e-mail: iazarankin@gmail.com.

«рекрутование элит является одной из фундаментальных характеристик общества и его властных групп» [Дука, 2012, с. 79]. Он отмечает, что в процессе рекрутования значимую роль играет социальная дифференциация. Американский политолог Л. Селигман утверждал, что рекрутация элит, с одной стороны, отражает ценностную систему общества, степень ее прочности и противоречий, степень и тип репрезентативности системы, основы социальной стратификации и ее связь с политической системой, а также структуру и изменения политических ролей. С другой стороны, в качестве независимой переменной образцы рекрутования элит определяют способы политического участия и статус, влияют на выбор проводимой политики, на распределение статуса и престижа, а также на стабильность системы [Seligman, 1964, p. 612–613].

На наш взгляд, исследование рекрутации элит важно, прежде всего, по двум причинам.

Во-первых, исследование каналов (путей «продвижения к вершине политической иерархии» [Гаман-Голутвина, 2000, с. 97–103]) и механизмов рекрутации (принципов «выдвижения в ее состав новобранцев» [там же]) дает нам возможность понять, каким образом формируется данная элита, каков бассейн (пул) ее рекрутации. Особенно важны в данном случае каналы рекрутации элиты, так как тогда можно выявить «способы горизонтального передвижения членов политической элиты в системе разнообразных каналов рекрутования» [там же], т.е. проницаемость данных каналов. Понятие «рекрутация» тесно связано с термином «карьерная траектория», однако если в первом случае речь идет об отборе политических акторов на властные позиции, то во втором – о процессе их перемещения на пути к этим должностям.

Во-вторых, как известно, качество управления во многом зависит от компетентности чиновников, вследствие чего встает вопрос об эффективности подготовки и рекрутации (отбора) госслужащих. Одной из причин неэффективности деятельности управлеченческого аппарата страны является «неоптимальная система рекрутирования кадров государственной службы в связи с размытостью критериев набора и отсутствием продуманной системы ее организации» [Эффективность государственного управления... 2009].

В настоящей статье будут рассмотрены исследования рекрутации элит в российской политической науке. Несмотря на то что отечественная элитология развивалась с запозданием по отноше-

нию к западной, в постсоветский период было написано немало работ по данной теме, представляющих интерес. Речь пойдет о наиболее значимых исследованиях, касающихся рекрутации как российских (советских) элит на региональном и федеральном уровне, так и западных.

В первую очередь интерес ряда исследователей касался отечественных элит, выявления закономерностей их рекрутации по сравнению с той, которая осуществлялась в западных государствах. Так, политолог О.В. Гаман-Голутвина исследовала исторические закономерности рекрутации российской элиты, отметив ее связь с развитием государства. Она отмечает, что исторически российское государство формировалось в условиях отставания от западной цивилизации, внешней агрессии, большой территории и сурового климата. «Это противоречие между потребностями государства в развитии и возможностями их удовлетворения, между задачами государства и необходимыми для их решения ресурсами есть основное противоречие российского политического развития» [Политические элиты России... 2006], – пишет политолог. В итоге для России стала характерна мобилизационная модель развития посредством максимального использования всех доступных ресурсов, что являлось противоположностью инновационной модели, где такого дефицита не было. Вследствие этого, если в инновационной модели элитаообразования рекрутируются представители институтов государства и гражданского общества, то в мобилизационной элита формируется в недрах государства, что приводит к власти высший эшелон бюрократии. Следовательно, выявляется связь между исторической моделью развития государства и способом рекрутации элиты.

Политолог Г.К. Ашин также отмечал исторические различия в формировании элит России и стран Запада. Говоря о России, Ашин отмечает исторически сложившийся закрытый характер формирования элиты, которая в этом случае «формируется из представителей узкого привилегированного слоя, воспроизводится на своей собственной ограниченной базе» [Ашин, 1998, с. 86]. Октябрьский переворот не покончил с закрытым рекрутированием, однако, учитывая тот факт, что доступ к властным позициям стал возможным для представителей социальных низов, система рекрутования стала менее закрытой, или полузакрытой, считает он. Изменение советской системы в эпоху перестройки с появлением

относительно свободных выборов не улучшило качество элиты. Тем не менее, несмотря на то что, по мнению Ашина, существующие механизмы отбора не обеспечивают приток во власть наиболее достойных людей, все же на протяжении российской истории «просматривается движение от закрытой элиты к элите если еще не открытой, то гораздо менее закрытой» [Ашин, 1998, с. 95]. Переход к открытому типу рекрутации элит необходим, однако, считает политолог, «не следует полагаться на стихийность, иначе переход от отрицательного к положительному отбору элиты, растягиваясь во времени, представит угрозу самой российской государственности» [там же, с. 95].

Тема трансформации советской элиты в постсоветскую в период с 1981 по 2003 г. подробно раскрывается в книге О.В. Крыштановской «Анатомия российской элиты». Она отмечает, что «обычно в работах по мобильности используется термин “рекрутация” для обозначения процесса набора в группу» [Анатомия российской элиты, 2005]. Однако в связи с тем, что рекрутация обозначает лишь процесс входа в элиту, в то время как процесс выхода в данном случае не подразумевается, в своей работе социолог использует термины «инкорпорация» и «экскорпорация» (вход и выход из элиты соответственно). Она вводит понятие «корпорации-поставщики» для обозначения организаций, через которые происходит рекрутация, и обратный этому термин «корпорации-приемщики» [там же].

Социолог говорит, что при Брежневе советская элита была закрытой, однако с началом перестройки появляется новый канал рекрутации – «альтернативные выборы» [там же]. При Ельцине образуется множество центров власти (полиархия), однако при Путине выстраивается «вертикаль власти», сопровождавшаяся значительным притоком военных и бывших сотрудников спецслужб. Аналогичным образом исследователь проанализировала становление российской бизнес-элиты, показав роль «комсомольской экономики» в ее генезисе [там же].

Говоря о трансформации региональной элиты в России, Крыштановская отмечает «естественный ход» ее обновления [Крыштановская, 2003, с. 5]. Различие лишь в том, что в советское время «корпорацией-поставщиком» была КПСС, а в постсоветское – председатели горисполкомов и депутаты. Несмотря на введение альтернативных выборов, элита продолжала пополняться представителями старого политического класса, отмечает социолог.

В контексте региональных исследований необходимо упомянуть социолога А.В. Дуку, который написал ряд работ по рекрутации региональных элит. В частности, он занимался вопросом, касающимся степени институционализации российских элит, т.е. внутренних механизмов встроенности в социальные отношения, устойчивости их деятельности, легитимности существования и функционирования, а также самовоспроизводства [Дука, 2003, с. 126]. Последний фактор, отмечает исследователь, является немаловажным, так как с ним «связано наличие своего, характерного для данной группы бассейна рекрутования и создание кадрового резерва в административных структурах, наличие собственной социальной базы» [там же, с. 129]. В работе, посвященной институционализации политических элит Санкт-Петербурга, он выделяет несколько этапов их становления.

На первом из них (1990–1991) происходила двойная институционализация, т.е. институционализация протестного движения и новой властной группы, однако это положило начало конфликту между законодательной и исполнительной властью города. На втором этапе (1991–1993), который Дука называет «институционализацией через частичную рецессию» [там же, с. 131], ряд лидеров протестного движения не вписались во властные структуры, каждый ее участник вписывался туда индивидуально, и поэтому институционализация контрэлиты не состоялась. На третьем этапе (1993–1996) происходила консолидация ресурсов, когда сначала исполнительной власти удалось одержать победу над Городским советом, однако после формирования нового Городского (а затем Законодательного) собрания, в котором уже было больше представителей класса чиновников, отношения между ветвями власти стали нормализовываться. В то же время борьба за контроль над ресурсами привела и к частичной институционализации преступного мира. На четвертом этапе (1996–2002) после избрания мэром города В.А. Яковleva вместо А.А. Собчака происходит стабилизация, укрепление властных групп. На последнем из них после 2003 г. федеральный центр, добившись отставки Яковleva, взял под контроль власть в городе, в результате чего происходит «реноменклатуризация власти» [там же, с. 143]. Таким образом, по мнению социолога, в этот период институционализация политико-административной элиты города частично завершается. Это исследование показывает, каким образом рекрутация элит выступает в роли независимой пе-

ременной, успешно объясняя устойчивость власти и ее самовоспроизводство.

Одной из наиболее важных работ в этом контексте является докторская диссертация Д.Г. Сельцера «Политическая трансформация номенклатурной организации власти в России (субрегиональный уровень, 1985–2005 гг.)» [Политическая трансформация... 2007], в которой автор рассмотрел карьерные траектории представителей региональной номенклатуры с целью понять, сохранила ли она свое влияние в постсоветское время. В результате своего исследования Сельцер приходит к выводу о том, что кризис номенклатурной организации власти и реформы Горбачева привели к ее крушению и постепенному уходу представителей номенклатуры с властных позиций. Исследователь считает, что партийной номенклатуре не удалось обменять власть на собственность. Ее в ранние ельцинские годы заменила советская номенклатура, затем хозяйственная, а в конце 1990-х годов – «вненомеклатурные» хозяйственники, к которым в начале 2000-х добавились менеджеры.

Социолог Д.Б. Тев на примере исследования социально-профессионального бассейна и факторов рекрутования вице-мэров крупнейших региональных городов показал, что источник рекрутования политических акторов может являться отражением существующих отношений, с одной стороны, между мэром и муниципальной администрацией, а с другой – между губернатором и бизнесом. Мэры муниципального города, по мнению Тева, зависят от губернатора и бизнеса, которые, в свою очередь, заинтересованы в контроле над властью в крупных городах. Вследствие этого на пост вице-мэра часто назначаются люди, являющиеся ставленниками региональной власти и бизнеса [Тев, 2014, с. 330]. Кроме того, как отмечает социолог, почти половина вице-мэров ранее работали в муниципальных администрациях, что говорит об идущем процессе профессионализации. При этом при назначении важную роль играют личные связи мэра с его заместителями. Другой особенностью является назначение вице-мэрами выходцев из тех сфер, которые этим заместителям предстоит курировать. Эта практика назначений, по мнению автора статьи, «способствует тому, чтобы вице-мэры превращались в орудие защиты интересов тех отраслей (например, строительного бизнеса), которые они призваны регулировать в интересах всего местного сообщества» [там же, с. 347].

Другим примером изучения региональной элиты современной России с помощью биографических баз данных является работа А.С. Быстровой, посвященная исследованию региональных административных элит за период с 2009 по 2012 г. Она отмечает, что при создании административного корпуса регионов роль играет прежде всего личная лояльность. Кроме того, сохраняется эндо-генность региональной элиты (т.е. совпадение места рождения и элитной позиции, места получения первого высшего образования и элитной позиции, а также места предшествующей работы и элитной позиции), что, по мнению Быстровой, «косвенно свидетельствует о недостаточной горизонтальной и вертикальной мобильности и об ограниченных возможностях продвижения на более высокие уровни элиты» [Быстрова, 2014, с. 295]. При этом выросла доля представителей силовых структур, а среди администраторов возросло число представителей административно-управленческой сферы, в то время как количество бизнесменов сократилось.

Рекрутации региональных элит в целом уделяется много внимания в отечественной элитологии. Среди российских регионалистов, касавшихся этой темы, можно выделить В.Я. Гельмана, А.В. Кынева, Н.В. Петрова, Р.Ф. Туровского, А.С. Титкова и многих других, даже если само понятие «рекрутация» они могли не использовать.

В то же время ряд работ отечественных политологов были посвящены рекрутации зарубежных элит. В этом смысле стоит выделить работу О.В. Гаман-Голутвиной, посвященной исследованию элит стран – членов БРИК. Политолог отмечает, что в Бразилии, как и в России, традиционными пулами (бассейнами) рекрутации элиты были «государственный аппарат, региональные администрации, политические партии и общественно-политические движения, крупный бизнес – федерального и регионального уровня, университетская среда» [Гаман-Голутвина, 2014, с. 58]. До 1985 г., т.е. до начала демократизации политической системы страны, в Бразилии значимую роль в рекрутации играла армия. Однако, несмотря на схожие черты элит обеих стран, в центре борьбы между ними стоят разные вопросы: если для Бразилии это модернизация, то для России – «доступ к эксклюзивным ресурсам» [там же, с. 61].

В Китае, отмечает исследователь, где меритократия является важной ценностью, основным бассейном рекрутации является партийно-государственный аппарат, однако на первый план выходит «качество образования и эффективность работы» [там же, с. 64].

При этом армия не выступает в качестве кадрового резерва, а рекрутация представителей бизнеса происходит достаточно редко. В Индии, где исторически значимую роль играют кастовая система и культ знания, большое значение имеют выходцы из интеллектуальной среды. При этом растет значимость среднего класса. Важнейшим каналом для карьерного продвижения являются парламентские выборы. По мнению Гаман-Голутвиной, «общей характеристикой моделей рекрутования властных групп в странах БРИК является их приверженность ценностям развития и способность конвертировать эту приверженность в управленческие практики» [Гаман-Голутвина, 2014, с. 69].

Если говорить о сравнительных исследованиях, то также необходимо отметить работу А.Е. Чириковой и Н.Ю. Лапиной, посвященную рекрутации женщин на высшие посты в России и во Франции. Они отмечают, что сегодня количество женщин, попадающих на эти посты, существенно растет, однако это происходит в разных условиях: в российском обществе, в отличие от Франции, нет «ощутимого запроса на женское лидерство» [Женщина на высших этажах власти... 2009]. Кроме того, во Франции значимую роль в рекрутации элит играют политические партии и высшие учебные заведения. В свою очередь российская специфика состоит в том, что «резервуаром рекрутования административно-политической элиты является бизнес-элита» [там же]. Тезис о том, что продвижение женщин в политике усиливает демократизацию, верен для Франции, где, как правило, они приходят из гражданского общества, а не для России, где продвижение связано с лояльностью и известностью первым лицам государства, считают исследователи.

В контексте Франции необходимо также упомянуть работу Н.Ю. Лапиной, посвященную исследованию карьерных траекторий и мотиваций французских политиков. Несмотря на то что именно в этой работе слово «рекрутация» не употребляется, речь идет о том, как французские политики попадают на властные позиции.

Политолог выделяет четыре мотива, которые побуждают французских политиков идти во власть: «стремление изменить жизнь; личная преданность вождю; желание продолжить дело своей семьи; стремление социально адаптироваться» [Лапина, 2014, с. 137]. При этом во Франции можно встретить разные модели карьеры: модель постепенного продвижения в политику (когда политики двигаются от регионального уровня к центральному, по-

лучая опыт работы в местных органах власти), аппаратная карьера (карьера в партии), административно-бюрократическая (привлечение кандидатов из структур исполнительной власти), модель наследования (передача политического капитала внутри семьи), а также приход из бизнеса. Следовательно, если, по словам французского социолога П. Бирнбаума, Третья французская республика была «республикой учителей и адвокатов», Четвертая – депутатов, Пятая в первые 20 лет своего существования – «республикой высших государственных служащих», то сегодня, отмечает Лапина, это «республика партийных функционеров», где главную роль играют политические партии [Лапина, 2014, с. 160; Les sommets de l'Etat... 1977]. Как пишет исследователь, кризис политических партий во Франции «в значительной степени является результатом сложившегося механизма отбора и продвижения партийных кадров на выборные должности» [Лапина, 2014, с. 137].

Подводя итог, мы можем сказать, что тема рекрутации элит занимает важное место в отечественной политологии. В этой статье было рассказано лишь о нескольких исследованиях рекрутации, которые в свою очередь позволили понять связь между развитием общества и элитаобразованием (О.В. Гаман-Голутвина), выявить, как происходила трансформация советской элиты в российскую (О.В. Крыштановская), рассмотреть процесс институционализации властной группы (А.В. Дука) и взаимозависимость между различными властями (Д.Б. Тев) в регионе, сравнить рекрутацию элит в России и других странах (О.В. Гаман-Голутвина; А.Е. Чирикова, Н.Ю. Лапина). Надеемся, что будущие работы по рекрутации элит помогут выявить новые закономерности в политической науке.

Список литературы

- Ашин Г.К. Формы рекрутования политических элит // Общественные науки и современность. – М., 1998. – № 3. – С. 83–96.
- Быстрова А.С. Региональные административные элиты после смены губернаторов (по материалам биографических баз 2009 и 2012 годов) // Власть и элиты / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – С. 295–317.
- Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис: Политические исследования. – М., 2000. – № 3. – С. 97–103.

- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты стран БРИК: Опыт сравнительного анализа // Власть и элиты / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – С. 56–69.
- Гаман-Голутвина О.В. Элитообразование и внутриэлитные расколы относительно характера, направлений и скорости модернизации // Модернизация и демократизация в странах БРИКС: сравнительный анализ. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 106–157.
- Гаман-Голутвина О.В., Сморгунов Л.В., Соловьев А.И., Туровский Р.Ф. Эффективность государственного управления в Российской Федерации в 2008 году // Политическая система России: Доклад Института общественного проектирования. – М., 2009. – Режим доступа: <http://www.inop.ru/files/Chapter2.pdf> (Дата посещения: 04.02.2016.)
- Дука А.В. Институционализация политico-административной элиты в Санкт-Петербурге // Полития. – М., 2003. – № 2. – С. 126–149.
- Дука А.В. Социальная дифференциация и рекрутование элит // Политический класс в современном обществе / Под ред. Гаман-Голутвина О.В. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 78–107.
- Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – Режим доступа: http://anatomia-elity.narod.ru/anatomia_elity.html (Дата посещения: 04.02.2016.)
- Крыштановская О.В. Формирование региональной элиты: Принципы и механизмы // Социологические исследования. – М., 2003. – № 11. – С. 3–13.
- Лапина Н.Ю. Политическая элита Франции: Мотивация, карьерные траектории, профессия политика в начале XXI в. // Власть и элиты / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – С. 137–160.
- Сельцер Д.Г. Политическая трансформация номенклатурной организации власти в России (субрегиональный уровень, 1985–2005 гг.): Автореферат дис. ... докт. полит. наук. – М., Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2007. – 43 с.
- Тев Д.Б. Вице-мэры крупнейших региональных столиц: Социально-профессиональный бассейн и факторы рекрутования // Власть и элиты / А.В. Дука. – СПб.: Интерсоцис, 2014. – Т. 1. – С. 330–347.
- Чирикова А.Е., Лапина Н.Ю. Женщина на высших этажах власти. Российские практики и французский опыт / РАН. Институт Социологии. – М., 2009. – 72 с.
- Birnbaum P. Les sommets de l'Etat: essai sur l'élite du pouvoir en France. – Paris: Editions du Seuil, 1977. – 186 p.
- Seligman L.G. Elite Recruitment and political development // The Journal of politics. – Chicago, 1964. – Vol. 26. – P. 612–626.

Я.А. ЧИЖЕВСКИЙ*

**РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
ПРЕДСТАВЛЯЕМ НЕОЛОГИЗМЫ
«АСИММЕТРИЧНЫЙ КОНФЛИКТ»
И «ГИБРИДНАЯ ВОЙНА»¹**

Аннотация. Скоротечные изменения в военно-политической обстановке приводят к появлению в российском военно-политическом дискурсе неологизмов, сложно поддающихся концептуализации и операционализации. Беглый анализ дискурсивного поля, сложившегося в последнее время вокруг термина «гибридная война», позволяет сделать вывод о шаткости понятия вне его привязки к феномену асимметричных конфликтов. В статье автор определяет «асимметричный конфликт» как идеальный тип, что позволяет выстроить сетку понятий в целях дальнейшего изучения феномена «гибридных боевых действий», а также построения прогнозов относительно развития военно-политической обстановки.

Ключевые слова: асимметричный конфликт; гибридная война; гибридный конфликт; нелинейная война.

Y.A. Chizhevskiy

The development of military-political discourse: Introducing neologisms «asymmetric conflict» and «hybrid war»

Abstract. Rapid changes in political and military situation lead to evolvement of the Russian politico-military discourse. Coined definitions are difficult to conceptualize. Screening of the recent hybrid war discourse shows that the term can hardly be

* Чижевский Ян Андреевич, аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, e-mail: chizhevskyyan@gmail.com.

Yan Chizhevskiy, Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: chizhevskyyan@gmail.com

¹ Статья выполнена по гранту РГНФ N 15-37-01207/

defined without establishing the links to the well-studied phenomena, such as asymmetric conflict. This article provides a pure type definition to the asymmetric conflict, which allows to interlink the relevant terms aiming at further studying the phenomenon of hybrid warfare, as well as at providing the outlook for development of politico-military situation.

Keywords: asymmetric conflict; hybrid war; hybrid conflict; non-linear war.

Многие авторитетные зарубежные и отечественные исследовательские центры, изучающие проблемы конфликтов, сходятся в том, что в будущем вооруженные (военные) конфликты будут оставаться ключевым аспектом политики государств [см.: Подберезкин, 2014, с. 124]. Конфликты продолжают развиваться и усложняться, их развитие носит все более нелинейный характер. Такие социальные факторы, как религия и технологии, оказывают все более значительное влияние на форму современных конфликтов, изменяя их структуру и динамику, вследствие чего большинство вооруженных столкновений уже нельзя рассматривать сквозь призму традиционных подходов и методов анализа.

На сегодняшний день сформировалось несколько исследовательских групп по изучению международных отношений (далее – МО), социально-политических конфликтов, стратегического и геополитического планирования, которые по-разному представляют будущее вооруженных конфликтов. В меньшинстве остаются сторонники позиции, согласно которой напряженность в отношениях между Россией и Западом, процессы милитаризации и перевооружения стран Азии, религиозные и политические потрясения на Ближнем Востоке, распад и несостоительность ряда Африканских государств приведут к новым конвенциональным конфликтам.

Большинство исследователей придерживаются противоположных взглядов: будущие войны – это войны нового поколения, так называемые «гибридные войны». Это понятие появилось в российском военно-политическом дискурсе в 2014 г. и было неоднозначно воспринято научным и экспертным сообществом [см.: Белозеров, Соловьев, 2015, с. 8]. Наиболее распространены три точки зрения: понятие введено западными военными теоретиками и политиками в пропагандистских целях для обвинения России в событиях, разворачивающихся на территории юго-востока Украины; понятие отражает реальный феномен современных военно-

политических отношений; понятие позволяет раскрыть сущностно значимые связи современного военно-политического процесса.

Беглый анализ литературы, посвященной теме «гибридной войны», позволяет сделать вывод об отсутствии в российском военно-политическом дискурсе устойчивой когнитивной связи между «асимметричным конфликтом» и «гибридной войной». Целью данной статьи является описание соотношения этих понятий.

Теория асимметричных конфликтов пережила второй исторический подъем после трагедии 11 сентября 2001 г., когда к списку постмодернистских акторов геополитического действия стали относить террористические неправительственные организации (ТНПО). В сентябре 2001 г. президент США Дж. Буш-мл. в выступлении перед «Цитаделью» (корпусом кадетов) заявил, что вооруженные силы (далее – ВС) США должны стать достаточно гибкими в интеллектуальном плане для того, чтобы эффективно противостоять враждебным силам и быть готовыми ответить на новые вызовы. Он также отметил, что «военная культура США должна поощрять новое мышление, инновации и эксперименты» [Bush, 2001]. Спустя два года этот призыв был зафиксирован юридически. В опубликованном в апреле 2003 г. «Руководстве по планированию изменений» министр обороны США Дональд Рамсфельд писал: «Мы должны мыслить иначе и делать упор на силы и средства, способные быстро адаптироваться к непредвиденным обстоятельствам. Мы должны изменить не только арсенал наших средств, мы должны изменить образ мысли, ход боевой подготовки, технику ведения боя» [Rumsfeld, 2003, р. 7].

«Асимметричные боевые действия» – многогранное понятие. На данный момент не существует единого общепринятого определения асимметричного конфликта [Geiß, Siegrist, 2011]. Еще несколько лет назад некоторые эксперты утверждали, что концепт асимметрии в МО «раскручен более, чем того требует здравый смысл» [Blank, 2003]. Наиболее часто этот термин употребляется в контексте несоразмерности военного и технологического потенциалов противников [Geiß, 2006]. Л.В. Дериглазова отмечает, что понятие асимметричного конфликта часто применяют для харак-

теристики отношений между несопоставимыми по силе и статусу противниками [Дериглазова, 2005]. Автор подчеркивает парадоксальный характер отношений противоборствующих сторон, когда более слабый противник способен нанести серьезный ущерб и наложить свою волю более сильному. Вместе с тем слабому в военном отношении противнику редко когда удается одержать победу над сильной стороной (уничтожить или максимально ослабить ее). Л.В. Дериглазова подробно анализирует содержание понятия «асимметричный конфликт» в зарубежной (в частности, в американской) литературе, однако в монографии «Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными» ей не удалось избежать сужения и приглушения собственных концептуальных выводов относительно сути изучаемого явления [Степанова, 2009, с. 170].

Ввиду этого полезным оказывается исследование Стокгольмского международного института исследования проблем мира «СИПРИ», результаты которого отражены в монографии Е.А. Степановой «Тerrorизм в асимметричном конфликте. Идеологические и структурные аспекты» в 2008 г. [Stepanova, 2008]. Автор высказывает сомнения в успешности контртеррористической деятельности как таковой, отмечая, что комбинация таких факторов, как религиозный экстремизм и сетевая структура террористических групп, делает террористов невосприимчивыми к традиционным способам ведения войны. Терроризм, по мнению Степановой, можно определить как разновидность тактики, используемой в локальных или региональных асимметричных вооруженных конфликтах [Stepanova, 2008, р. 8]. Данная тактика обязательно предполагает использование или угрозу использования одностороннего насилия в отношении некомбатантов в рамках асимметричной (непропорциональной) конфронтации. Согласно положениям доклада «СИПРИ», конфликт является асимметричным, если он отвечает трем критериям: террористы преследуют политические цели; мирные граждане являются объектами терактов; стороны конфликта обладают разным потенциалом и используют различные методы ведения войны. Последний критерий является ключевым, поскольку, как заключает автор, асимметричное насилие (включая террористические атаки) не является оружием слабых государств в войне против других слабых акторов или оружием сильных в отношении слабых [Stepanova, 2008, р. 12–14]. Асимметрия в вооруженных

конфликтах, по мнению автора, выражается не только в военных, технологических и экономических диспропорциях, но и в потенциалах, статусе и сопутствующих ресурсах противоборствующих сторон.

Подробный анализ отличий современных конфликтов от конвенциональных войн прошлого осуществил М. Гросс [см.: Gross, 2010]. Отличительной чертой последних двух десятилетий является рост числа асимметричных конфликтов, так называемых «новых войн» [см.: Kaldor, 2006, р. 3–16, 378–384]. По мнению Гросса, современные вооруженные конфликты отличаются от войн прошлого по трем аспектам. Во-первых, в современных конфликтах стирается различие между вооруженными силами и гражданским населением. Во-вторых, в современных конфликтах отсутствует моральное равенство воюющих сторон, когда противники придерживаются общих правил ведения войны. В-третьих, современные конфликты отличает использование запрещенных мер. Гросс приходит к выводу, что изменилась сама этика войны и на это есть две причины: в условиях современных асимметричных конфликтов противники не могут придерживаться «старых принципов ведения боевых действий», так как они не способны пре-взойти и уничтожить противника; более слабый противник не может использовать методы ведения борьбы и боевые системы, аналогичные тем, которые использует сильный оппонент [Gross, 2010, р. 160].

Определение «асимметричности» по Гроссу фактически сводится к конфликту между сильным и слабым. Д. Статман, критикуя Гросса, пишет, что для констатации преимущества в силе необходим четкий критерий. «Аль-Каида» не имеет собственной армии, и потенциал этой организации формально нельзя сравнивать с потенциалом армии США [см.: Statman, 2012, р. 467–469]. Если же критерием силы является возможность нанесения противнику урона без значимых потерь, тогда, по мнению Статмана, можно констатировать превосходство «Аль-Каиды» над Соединенными Штатами.

Одним из основных исследовательских вопросов, которые ставят перед собой теоретики «войн четвертого поколения», является вопрос о том, почему в условиях асимметричных конфликтов более сильный соперник зачастую несет несоизмеримо большие потери или даже терпит поражение. Мак утверждает, что в условиях асимметричной войны относительная заинтересованность в

положительном исходе конфликта во многом объясняет успех или неудачу военной кампании [Mack, 1975]. Аргументация исследователя может быть сведена к трем основным тезисам: относительная мощь объясняет степень заинтересованности в исходе, относительная заинтересованность объясняет относительную политическую слабость (отсутствие консолидированной жесткой позиции по вопросу ведения военной кампании), относительная политическая слабость – причина поражения сильных государств. Демократические страны проигрывают «малые войны», поскольку не способны на протяжении долгого времени склонять общественное мнение к ведению войны. Увеличение военных расходов, человеческие жертвы и материальные затраты постепенно приводят к тому, что война утрачивает свою легитимность и рациональную обоснованность в глазах народа.

Определенного прорыва в изучении асимметричных конфликтов добился И. Арреган-Тофт [Arreguin-Toft, 2001]. Исследователь выдвигает иную гипотезу о причине побед или поражений сильных и слабых противников в асимметричных конфликтах. Исследователь классифицирует «стратегии» участников асимметричного конфликта по единственному основанию: конвенционности (конвенциональности). Таким образом, у каждой стороны есть две альтернативные стратегии. Наступающая сторона (сильный противник) выбирает между прямым наступлением и так называемым варварством (намеренное и систематическое нанесение вреда гражданскому населению для того, чтобы сломить волю противника). Обороняющаяся сторона (слабый противник) выбирает между прямой обороной и диверсионно-террористической войной (далее – ДТВ). Арреган-Тофт исходит из тех же предпосылок, что и К. Вальц, который писал, что судьба каждой страны зависит от того, как эта страна реагирует на действия других [Waltz, 1979, р. 127]. Результат боевых действий, по Аррегану-Тофту, определяется стратегическим выбором противников: при «симметричных» стратегиях побеждает сильный противник, в случае «асимметричного выбора» победу одерживает слабый (табл. 1).

Таблица 1
Ожидаемые эффекты влияния стратегического взаимодействия на исход конфликтов (ожидаемые победители отражены в ячейках матрицы)

		Стратегия слабого противника	
		Конвенциональная стратегия (прямая оборона)	Неконвенционная стратегия (ДТВ)
Стратегия сильного противника	Конвенциональная стратегия (прямое наступление)	Сильный актор	Слабый актор
	Неконвенционная стратегия («варварство»)	Слабый актор	Сильный актор

Источник: [Arreguin-Toft, 2001, p. 98].

Эмпирическое исследование, проведенное Арреганом-Тофт, подтверждает справедливость его тезиса. Стратегическое взаимодействие при наличии двух альтернатив изучается в рамках теории игр и теории ходов. В таблице 2 представлена модель Аррегана-Тофта.

Таблица 2
Стратегическое взаимодействие в условиях асимметричного конфликта (аппарат теории игр)

		Стратегия слабого противника	
		Конвенциональная стратегия (прямая оборона)	Неконвенционная стратегия (ДТВ)
Стратегия сильного противника	Конвенциональная стратегия (прямое наступление)	$(X_1; -X_1)$	$(-X_2; X_2)$
	Неконвенционная стратегия («варварство»)	$(-X_3; X_3)$	$(X_1 - \alpha; -X_1 - \beta)$

Источник: составлено автором.

При выборе обеими сторонами конвенционной стратегии выигрыш сильной стороны будет наибольшим: $(X_1; -X_1)$. Если обе стороны изберут неконвенциональную стратегию, выигрыш сильной стороны снизится, но ухудшится и положение слабого противника: $(X_1 - \alpha; -X_1 - \beta)$. При выборе различных стратегий побеждает слабый противник, однако нельзя однозначно определить, какой исход для него более предпочтителен: $(-X_2; X_2)$ или $(-X_2; X_3)$. В соответствии с предпосылками теории игр выбор стратегий делается единовременно под «взглядом неведения». В реальной же ситуации противники могут осознать, какой именно стратегии придерживается противник и «адаптироваться» к ней. Такая ситуация может быть описана с помощью теории ходов (табл. 3, 4).

Таблица 3
**Стратегическое взаимодействие в условиях
асимметричного конфликта (аппарат теории ходов:
первый ход делает слабый противник)**

		Стратегия слабого противника	
		Конвенционная стратегия	Неконвенционная стратегия
Стратегия сильного противника	Всегда прибегать к конвенционной стратегии	$(X_1; -X_1)$	$(-X_2; X_2)$
	Всегда прибегать к неконвенционной стратегии	$(-X_2; X_2)$	$(X_1 - \alpha; -X_1 - \beta)$
	Выбирать стратегию противника	$(X_1; -X_1)$	$(X_1 - \alpha; -X_1 - \beta)$
	Выбирать отличную от противника стратегию	$(-X_3; X_3)$	$(-X_2; X_2)$

Источник: составлено автором.

Рациональным выбором сильного игрока будет выбор стратегии противника, что, по мнению Аррегана-Тофта, обеспечит ему победу в войне: $(X_1; -X_1)$ или $(X_1 - \alpha; -X_1 - \beta)$.

Таблица 4

**Стратегическое взаимодействие в условиях
асимметричного конфликта (аппарат теории ходов:
первый ход делает сильный противник)**

		Стратегия сильного противника	
		Конвенционная стратегия	Неконвенционная стратегия
Стратегия слабого противника	Всегда прибегать к конвенционной стратегии	$(-X_1; X_1)$	$(X_2; -X_2)$
	Всегда прибегать к неконвенционной стратегии	$(X_2; -X_2)$	$(-X_1 - \beta; X_1 - \infty)$
	Выбирать стратегию противника	$(-X_1; X_1)$	$(-X_1 - \beta; X_1 - \infty)$
	Выбирать отличную от противника стратегию	$(X_2; -X_2)$	$(X_2; -X_2)$

Источник: составлено автором.

Рациональным выбором слабого игрока станет выбор стратегии, отличной от стратегии противника, что, как считает И. Арреган-Тофт, должно принести ему гарантированную победу: $(X_2; -X_2)$ или $(X_2; -X_2)$.

Основываясь на анализе экспертных мнений, автор предложил несколько концептуальных оснований определения асимметрии в контексте изучения современных конфликтов: асимметрия военно-политических потенциалов противников (регулярные / иррегулярные войска, иерархическая / сетевая организационная структура, ресурсообеспеченность и т.д.); асимметрия характера боевых действий (одна сторона выбирает конвенциональную стратегию, другая – неконвенциональную); асимметричные боевые действия как синоним диверсионно-террористической тактики или «варварства» (уничтожение мирного населения, разрушение объектов гражданской инфраструктуры, применение оружия массового уничтожения и т.п.); асимметрия целей, преследуемых сторонами (затягивание конфликта / наращивание темпа военной операции с целью скорейшего выполнения боевых задач). Таким образом, асимметричный конфликт можно определить как идеальный тип, который в военно-политическом дискурсе является «крайним случаем» и

контекстным антонимом «конвенционального конфликта». Такая трактовка позволяет очертить значительную часть спектра конфликтов по оси «конвенциональный конфликт – асимметричный конфликт», где последний определяется наличием всех указанных выше признаков асимметрии, а первый – их отсутствием.

Асимметричный конфликт – разновидность (частный случай) вооруженного конфликта, предполагающая непропорциональный (неравный) характер отношений, асимметрию потенциалов противоборствующих сторон, свойственный сегодняшней военно-политической ситуации, в условиях которой:

1) слабая сторона стремится придерживаться стратегии, отличной от стратегии сильного противника, чаще всего использует нетрадиционные методы ведения войны с целью нанесения материального и психологического ущерба и достижения политической победы, что предполагает навязывание более сильному противнику невыгодной модели протекания конфликта, «растягивания» его временных рамок;

2) сильная сторона в условиях асимметричного противостояния сталкивается с рядом проблем: невозможностью соблюдения принципов и норм МГП, давлением со стороны мирового сообщества, внутриполитического сообщества и СМИ, невозможностью в короткие сроки решить стратегические задачи и т.д.

По мнению отдельных исследователей, теоретические дебаты о «конвенциональных» и «асимметричных» конфликтах привели к возникновению ложной дилеммы, что значительным образом отдаляет теоретические модели настоящей и будущей войны от реальности. В действительности в XXI в. боевые действия часто имеют черты как конвенциональных, так и асимметричных конфликтов [см.: Reeves, Barnesby, 2013], что позволяет назвать такие конфликты «гибридными», т.е. в широком смысле – смешанными. Термин «гибридные боевые действия» был введен в 2002 г. майором У.Дж. Неметом в диссертационном исследовании «Будущие войны и Чечня: пример гибридных боевых действий» [Nemeth, 2002]. Автор термина писал: «В будущем возникнет необходимость бороться с угрозами асимметричных гибридных боевых действий. Необходимо помнить о том, что современные виды диверсионно-террористических тактик, будучи продолжением методов ведения войны до-государственными субъектами, становятся

все более эффективными благодаря новейшим технологиям и современным методам мобилизации» [Nemeth, 2002, p. 29].

Как отмечает Фрэнк Г. Хоффман, дихотомический выбор в условиях «черно-белой» бинарной системы упрощает планирование обороны и принятие решений о распределении ресурсов [Hoffman, 2009]. Аналитическая призма дихотомии в отличие от предложенной в данной статье понятийной оси не позволяет использовать наработанные аналитические схемы для построения прогнозов развития военно-политической обстановки и для выработки соответствующих рекомендаций.

На начало 2016 г. в российском политическом дискурсе прочно укрепился термин «гибридная война», а не «гибридное противостояние» или «гибридный конфликт». При этом понятие гибридной войны имеет весьма размытые рамки и остается неопределенным. Так, например, одна из трактовок, получившая наибольшее распространение на Западе в контексте конфликта на юга-востоке Украины и активно обсуждаемая в России [Захаров, 2014], значительным образом сужает данное понятие. Франк Ван Каппен, бывший советник НАТО, предлагает следующую дефиницию: «Гибридная война – это смешение классического ведения войны с использованием нерегулярных вооруженных формирований. Государство... совершает сделку с негосударственными исполнителями – боевиками, группами местного населения, организациями, связь с которыми формально полностью отрицается... Всю грязную работу можно переложить на плечи негосударственных формирований» [Захаров, 2014]. Данное определение низводит комплексность понятия «гибридная война» до одной из ее вариаций, а именно – *опосредованной войны*.

Похожее определение гибридной войны было предложено заместителем генерального секретаря НАТО А. Вершбоу. Гибридная война – это сочетание военной угрозы, скрытой интервенции, тайной поставки оружия и систем вооружения, экономический шантаж, дипломатическое лицемерие и манипуляции в средствах масовой информации с прямой дезинформацией [Vershbow, 2015].

А. Рац в докладе «Гибридная война России на Украине: лишая противника возможности оказывать сопротивление» выводит понятие «гибридная война» на более высокий уровень. По его мнению, гибридная война – это комплекс мер военного и невоенного характера с применением дипломатических, экономических,

политических, социальных, информационных и военных средств [Racz, 2015, р. 87]. П. Топычканов справедливо критикует такую трактовку, отмечая размытость определения и отсутствие концептуальных признаков, однако не предлагает альтернативы [Топычканов, 2015].

А.И. Неклесса считает, что природа феномена гибридной войны, в основе которого лежит «глобальная трансформация институтов общества “индустриального” при транзите к “постиндустриальному”», комплексна и сложна. По мнению ученого, гибридная война – это сумма неопределенных по принадлежности, неатрибутированных силовых, форсированных, агрессивных действий в широком диапазоне, вкупе с разнообразными инструментами, расширяющими возможности конвенциональной политики и применяемыми с целью деконструкции нежелательных обстоятельств, подчинения либо деструкции противника [Неклесса, 2015].

Во избежание методологической путаницы необходимо развести понятия «гибридная война» и «гибридный конфликт». Термин «гибридная война» подходит для описания совокупности информационных, политико-экономических и дипломатических усилий на стратегическом уровне взаимодействия противников. Во-первых, в рамках проблемного поля гибридной войны в международном и отечественном военно-политическом дискурсе колossalное внимание уделяется императиву интеллекта, который воплощается в использовании в кибер- и информационной войне высокотехнологических систем [Неклесса, 2015]. В. Овчинский, Е. Ларина предлагают использовать для этого термин «многомерные нелинейные войны» [Ларина, Овчинский, 2015] – как один из синонимов «гибридных войн». Во-вторых, в контексте гибридной войны как системы военно-политических отношений огромное значение приобретают дипломатические усилия сторон. Понятие же «гибридный конфликт» имеет гораздо более узкое значение и позволяет описать «смешанные» боевые действия противников, проводимые на оперативно-тактическом уровне и имеющие признаки как асимметричных, так и конвенциональных конфликтов.

Таким образом, по мнению автора, концептуальным основанием для конкретного содержательного определения феноменов гибридного конфликта и гибридной войны служит система координат, в которой горизонтальная ось «конвенциональный кон-

фликт – асимметричный конфликт» пересекается с вертикальной осью, характеризующей уровни взаимодействия противников (рис. 1).

Рис. 1.

Когнитивная схема понятий: гибридный конфликт, гибридная война

* * *

В современном российском военно-политическом дискурсе отсутствует консенсус в отношении таких понятий, как асимметричный конфликт, конвенциональный конфликт, гибридная война, гибридный конфликт, опосредованная война, а также ряда других понятий, не рассмотренных в рамках данной статьи (сетецентрическая война [Подберезкин, Харкевич, 2015], комбинированная война [Hoffman, 2009], информационная война и т.д.). По мнению автора, идеальный тип «асимметричный конфликт», описанный в рамках статьи, является эффективным инструментом для определения понятия «гибридный конфликт». Предложенная трактовка позволяет не только развести термины «гибридная война» и «гибридный конфликт», но и использовать в дальнейшем наработанные аналитические инструменты в целях военно-политического анализа и прогнозирования развития военно-политической обстановки в ходе гибридных боевых действий.

Список литературы

- Белозёров В.К., Соловьев А.В.* Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. – М., 2015. – № 9. – Режим доступа: <http://jour.iras.ru/index.php/vlast/article/view/2949> (Дата посещения: 02.02.2016.)
- Дериглазова Л.* Парадокс асимметрии в международном конфликте // Международные процессы. – М., 2005. – Т. 3, № 3(9). – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/nineth/007.htm> (Дата посещения: 10.02.2016.)
- Захаров М.* «Гибридная война» в степях Украины: Кто сделал первый выстрел? // Мир и политика. – М., 2014. – 21 мая. – Режим доступа: <http://mir-politika.ru/13626-gibridnaya-voyna-v-stepyah-ukrainy-kto-sdelal-pervyy-vystrel.html> (Дата посещения: 02.02.2016.)
- Ларина Е., Овчинский В.* Пятое измерение войны // ЗАВТРА. – М., 2013. – 2 декабря. – Режим доступа: <http://www.zavtra.ru/content/view/pyatoe-izmerenie-vojny> (Дата посещения: 30.04.2015.)
- Неклесса А.И.* 10 тезисов о гибридной войне // ИНТЕЛРОС. – М., 2015 – Сентябрь. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/27726-12-tezisov-o-gibridnoy-voynie.html (Дата посещения: 02.02.2016.)
- Подберезкин А.И., Харкевич М.В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 581 с.
- Степанова Е.* Асимметричный конфликт как нематематическая категория // Индекс безопасности. – Т. 17, № 2(97). – Режим доступа: <http://www.pircenter.org/media/content/files/0/13406429690.pdf> (Дата посещения: 20.02.2015.)
- Топычканов П.* «Гибридная война» – научный термин или пропагандистский штамп? // РСМД. – М., 2015. – 20 июля. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6340#top-content (Дата посещения: 02.02.2016.)
- Arreguin-Toft I.* How the Weak Win Wars // International security. – Cambridge, 2001. – Vol. 26, N 1. – P. 98–102.
- Blank S.J.* Rethinking asymmetric threats. U.S. Army war college // Strategic studies institute. – Carlisle, 2003. – Mode of access: <http://www.comw.org/rma/fulltext/0309blank.pdf> (Дата посещения: 10.02.2016.)
- Bush G.W.* Address to the corps of cadets. – The South Carolina, 2001. – 11 December. – Mode of access: <http://www.citadel.edu/root/presbush01> (Дата посещения: 10.02.2016.)
- Geiß R.* Asymmetric conflict structures // The international review of the red cross. – Cambridge, 2006. – Vol. 88, N 864. – P. 757–777.
- Geiß R., Siegrist M.* Has the armed conflict in Afghanistan affected the rules on the conduct of hostilities? // The International review of the Red Cross. – Cambridge, 2011. – Vol. 93. – N 881. – P. 11–46.
- Gross M.L.* Moral dilemmas of modern war: Torture, assassination, and blackmail in an age of asymmetric conflict. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 321 p.
- Hoffman F.G.* Hybrid threats: Reconceptualizing the evolving character of modern conflict // Institute for national strategic studies (INSS). – Washington. – 2009. – April – 8 p. Mode of access: <http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Publications/Detail/?lang=en&id=98862> (Дата посещения: 01.01.2016.)

- Kaldor M.* Old and new wars: Organized violence in a global era. – Cambridge: Polity, 2006. – 416 p.
- Mack A.* Why big nations lose small wars: The politics of asymmetric conflict // World politics. – Cambridge, 1975. – Vol. 27, N 2. – P. 175–200.
- Nemeth W.J.* Future war and Chechnya: a case for hybrid warfare. Naval postgraduate school. – Monterey, 2002. – 100 p. – Mode of access: http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/5865/02Jun_Nemeth.pdf?sequence=1 (Дата посещения: 02.02.2016.)
- Off target: The conduct of the war and civilian casualties in Iraq // Human rights watch report. – N.Y., 2003. – 157 p.
- Racz A.* Russia's hybrid war in Ukraine breaking the enemy's ability to resist // FIIA Report 43. – Helsinki, 2015. – N 101. – Mode of access: <http://stratcomcoe.org/andras-racz-russias-hybrid-war-ukraine-breaking-enemys-ability-resist> (Дата посещения: 02.02.2016.)
- Reeves S.R., Barnsby M.R.E.* The new griffin of war // Harvard international review. – Cambridge, 2013. – Mode of access: <http://hir.harvard.edu/mobile-mightthe-new-griffin-of-war> (Дата посещения: 02.02.2016.)
- Rumsfeld D.H.* Transformation planning guidance. – Washington, DC: Department of defense, 2003. – Mode of access: <http://www.iwar.org.uk/rma/resources/transformation/elements-of-transformation.pdf> (Дата посещения: 10.02.2016.)
- Snyder G.H., Diesing P.* Conflict among nations: bargaining, decision making, and system structure in international crises. – Princeton: Princeton univ. press. – New Jersey, 1977. – 600 p.
- Statman D., Gross M.L.* Moral dilemmas of modern war: Torture, assassination, and blackmail in an age of asymmetric conflict // Journal of moral philosophy. – Amsterdam, 2012. – Vol. 9, Issue 3. – P. 467–469.
- Stepanova E.* Terrorism in asymmetrical conflicts: Ideological and structural aspects // SIPRI research report. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2008. – N 23. – Mode of access: http://academos.ro/sites/default/files/sipri_report_23_terrorism_in_asymmetrical_conflict_ideological_and_structural_aspects_0.pdf (Дата посещения: 20.02.2015.)
- Vershbow A.* Speech by NATO Deputy Secretary General Ambassador Alexander Vershbow at the Interparliamentary conference on CFSP/CSDP. – Riga, 2015. – 5 March. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_117919.htm?selectedLocale=en (Дата посещения: 05.02.2015.)
- Waltz K.* Theory of international politics. – N.Y.: McGraw-Hill, 1979. – 251 p.

ОБСУЖДЕНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ (VII ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНГРЕСС ПОЛИТОЛОГОВ, 19–21 НОЯБРЯ 2015 г., МОСКВА, МГИМО МИД РФ)

19–21 ноября 2015 г. в МГИМО состоялся VII Всероссийский конгресс политологов «Политическая наука перед вызовами современной политики», организованный Российской ассоциацией политической науки (РАПН). Конгрессу предшествовала огромная подготовительная работа, проведенная Организационным комитетом во главе с президентом РАПН О.В. Гаман-Голутвиной и Программным комитетом во главе с председателем Научного совета РАПН Л.В. Сморгуновым. Конгресс был организован при содействии многих учреждений, журналов и организаций, среди которых следует отметить МГИМО, Общероссийскую общественную организацию – Общество «Знание» России, Российский гуманитарный научный фонд, ИНИОН РАН, журналы «Полис», «Власть», «Политическая наука», издательство «Аспект Пресс» и др.

В нынешнем году конгресс был приурочен к 60-летней годовщине основания РАПН (1955–2015). В 1955 г. советские обществоведы впервые приняли участие в III конгрессе Международной ассоциации политической науки в Стокгольме (Швеция), что дало импульс созданию в нашей стране сообщества исследователей политики в форме Ассоциации политической науки. С этого события РАПН отсчитывает свою историю.

В работе Конгресса приняли участие более 1000 отечественных и зарубежных специалистов в области политологии. Ученые и специалисты представляли более 90 университетов, академических институтов и центров из 50 российских регионов, прежде всего

Москвы и Санкт-Петербурга, а также 30 стран мира (Германии, Франции, США, Великобритании, Швейцарии, Италии, Испании, Ирана, Израиля, Польши, Венгрии, Украины, Армении, Казахстана и др.).

На церемонии открытия конгресса и на пленарном заседании присутствовали и выступали известные ученые, организаторы науки, политики. В приветственной телеграмме Председателя Государственной думы Федерального собрания РФ С.Е. Нарышкина говорилось: «В этом году мы отмечаем 60-летие Российской ассоциации политической науки. В течение этого немалого срока Ассоциация успешно содействует развитию политологии и укреплению международного сотрудничества в данной сфере. Сегодня Всероссийский конгресс политологов, организуемый РАПН, объединяет ученых и экспертов из более чем 30 государств. Это свидетельствует о значительных достижениях отечественной политической мысли и ее высоком авторитете. Уверены, итоги вашей дискуссии будут способствовать укреплению контактов между учеными разных стран, консолидации профессионального сообщества и совершенствованию политологии в целом». С приветствием от Совета Федерации Федерального собрания РФ выступил заместитель председателя Совета Федерации И.М.-С. Умаханов. Он подчеркнул, что от представителей политологической науки, специалистов в сфере исторических, экономических, философских и правовых знаний ждут новых идей и предложений, осуществление которых могло бы помочь преодолеть сползание мира в пучину насилия, войнам, столкновениям различных религиозных и этнических групп населения. И. Умаханов выразил уверенность в том, что в ходе Конгресса прозвучит немало «прорывных и свежих идей». От Администрации Президента Российской Федерации выступила заместитель начальника Управления по общественным проектам О.Ю. Васильева, отметив заслуги организации в развитии отечественной политологии. Приветствие от Московской городской думы зачитал депутат Думы К.В. Щитов. От Ассоциации ведущих вузов России с приветственным словом выступил ректор Балтийского федерального университета им. Канта А.П. Клемешев. От зарубежных ассоциаций с приветствиями Конгрессу выступили Г.С. Котаджян – Президент Ассоциации политической науки Армении, Булл Мартин – директор Европейского консорциума поли-

тических исследований и Пабло Онате – президент Европейской конфедерации ассоциаций политической науки.

На пленарном заседании были заслушаны содержательные доклады и выступления. Президент РАПН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО О.В. Гаман-Голутвина отметила, что обстоятельства резко актуализируют политическую науку: возникшие во второй половине XX в. глобальные вызовы и угрозы не только не утратили своего острого характера, но, более того, в начале XXI в. они усилились, они наслаждаются друг на друга, производя кумулятивный эффект. Еще одно качественное изменение – созданные после Второй мировой войны институты глобального управления, прежде всего ООН, обеспечили 70 лет без глобальных войн, но, к сожалению, казавшая вечной память о войне к сегодняшнему дню начинает стираться. «Есть вещи по-важнее мира, сказал когда-то Александр Хейг, и эта фраза передает сегодняшнее состояние умов на Западе», – подчеркнула выступавшая. О.В. Гаман-Голутвина напомнила, что к Давосскому форуму 2015 г. был опубликован доклад о глобальных рисках, ожидающих человечество в ближайшее время, и там впервые за 20 лет эксперты поставили на первое место geopolитические риски межгосударственных конфликтов. Новые вызовы и угрозы являются собой вызов политической науке, заявила президент РАПН, и необходимо осмысливать эти вызовы. Ректор МГИМО, сопредседатель Президиума РАПН А.В. Торкунов поздравил присутствовавших с открытием конгресса и остановился на значении и вкладе РАПН в изучение, понимание и решение важнейших проблем современности. Звучание темы конгресса – «Политическая наука перед вызовами современной политики» – сегодня очень актуально, подчеркнул ректор МГИМО. Призывы к сотрудничеству к сплочению мирового сообщества перед лицом общей опасности, общего врага понятны и эмоционально востребованы, отметил он, но мы знаем, что подобное объединение может быть недолговечным. Политические шаги вдохновляются идеалами, искренними порывами, но эгоистические расчеты, национальные интересы, к сожалению, в конечном счете берут верх над высокоморальными побуждениями, и общего для всех решения часто не существует. Политическая наука подсказывает нам, что открывшееся окно возможностей для построения широкой международной коалиции может оказаться недолгим, заявил А.В. Торкунов. На фоне общего осознания тер-

рористической угрозы противоречия между Россией и Западом никуда не исчезли. Вместе с тем сегодня появляется редкая возможность, когда наши западные партнеры не могут пренебречь российской точкой зрения хотя бы в отношении такой узловой проблемы, как борьба с терроризмом. Перед российскими политиками стоит задача максимально использовать ближайшие несколько месяцев для формирования подлинно кооперативной повестки дня, которая отвечала бы идеалам более безопасного, полицентричного мироустройства, но одновременно обеспечивала бы устойчивый баланс ведущих мировых игроков. Такая ситуация, подчеркнул А.В. Торкунов, демонстрирует важность и значимость политологического знания. В современном мире успех сопутствует тем, кто умеет быстро и эффективно адаптироваться к меняющейся международной среде и, соответственно, готов к адекватному анализу и способен предложить надежный прогноз, подчеркнул ректор МГИМО. Заместитель министра иностранных дел РФ С.А. Рябков отметил, что после того как в 1955 г. российские ученые приняли участие в конгрессе политологов в Стокгольме, Российской ассоциацией политической науки пройден немалый и славный путь. Нет сомнений, заявил он, что рефреном в дни конгресса будет звучать мысль о том, что мы живем в эпоху ускоряющихся перемен. Менее чем за поколение на наших глазах масштабы и скорость происходящего в мире резко возросли. Прогресс технологий, глобальная информационная финансово-экономическая новая реальность, ускорение миграционных потоков воздействуют на исторический процесс как таковой, стимулируют его более быстрое движение, повышают частоту смены политических сценариев, подчеркнул С.А. Рябков. Калейдоскопически меняются сюжеты, с которыми приходится иметь дело политикам дипломатам, военным. Суть происходящих изменений, если говорить про международные отношения, отметил замглавы российского МИДа, как известно, мы связываем с перераспределением глобальной мощи, появлением новых центров силы и влияния. Все более очевидно, что в одиночку ни одна страна, каким бы потенциалом она ни располагала в различных областях, не может не только управлять миром, но и справляться со всем спектром современных вызовов и угроз, стоящих перед ней самой. Варварский теракт против российского авиалайнера, трагедия в Париже, как и другие террористические акты в Турции, Ираке, Ливане, Египте, подчеркивают

меняющуюся природу вызовов безопасности и необходимость совместных коллективных действий по их предотвращению. Мир находится на этапе, когда мы переходим от известных моделей и схем функционирования международных отношений к чему-то неведомому, непросчитываемому. Это серьезный вызов сам по себе, заявил российский дипломат, но это и возможность, которая открывается для того, чтобы в буквальном смысле формировать новые международные отношения. Смена вех или даже смена эпох носит многомерный противоречивый характер, затрагивает не только международные отношения. Отсюда очевидная востребованность междисциплинарного подхода, в том числе в политологической науке. Политическая наука пред вызовами современной политики – это то, о чем нужно вести речь, заключил С.А. Рябков.

На пленарном заседании также выступали директор Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН А.А. Дынкин, начальник Управления государственной политики в сфере высшего образования Министерства образования и науки РФ А.Б. Соболев, научный руководитель Института востоковедения РАН В.В. Наумкин, профессор Департамента политической науки и бывший директор Гарримановского института Колумбийского университета (США) Роберт Легвольд, депутат Европейского парламента (Латвия) Татьяна Жданок, главный редактор журнала «Россия в глобальном мире» Ф.А. Лукьянов, декан факультета политологии МГИМО А.Д. Воскресенский, декан факультета социальных наук НИУ ВШЭ А.Ю. Мельвиль.

Участники конгресса были ознакомлены с результатами двух проектов, поддержанных грантами Президента РФ. Результаты проекта «Российская политическая наука: истоки и перспективы», выразившиеся в издании пяти книг, представила О.В. Гаман-Голутвина. Результаты проекта «Российская цивилизация в пространстве, времени и мировом контексте» представил Председатель Совета РАПН по международному сотрудничеству, директор Центра евро-атлантической безопасности МГИМО А.И. Никитин.

На специальном заседания за выдающиеся заслуги в становлении и организации политической науки были вручены «Медали Г.Х. Шахназарова» российским политологам Андрею Мельвилю (НИУ ВШЭ), Александру Никитину (МГИМО), Сергею Патрушеву (ИС РАН), Сергею Перегудову (ИМЭМО РАН), Александру

Соловьеву (МГУ им. М.В. Ломоносова), Анатолию Торкунову (МГИМО), Мидхату Фарукшину (К (П) ФУ),

В ходе конгресса было проведено 148 заседаний, из которых по основной теме конгресса – 21 заседание, по основным направлениям политической науки – 56 заседаний (из них 14 совместно с ИК РАПН), специальные заседания – 9, круглые столы – 15, презентаций книг и журналов – 9, презентаций проектов – 2, специальных заседаний исследовательских комитетов – 15, заседаний инициативных групп по созданию исследовательских комитетов – 1, заседаний IV Форума молодых политологов – 11, пленарных лекций – 6. В рамках конгресса проходило заседание IV Форума молодых политологов с 91 докладом студентов и аспирантов из 27 регионов России.

На конгрессе обсуждались следующие основные темы:

- ✓ трансформация современной политики: глобальное, региональное и национальное измерения;
- ✓ человек и вызовы трансформирующейся политики;
- ✓ социокультурное многообразие современного мира и политика;
- ✓ глобальное политическое управление: теоретические модели и политическая реальность;
- ✓ современное государство: суверенитет и взаимозависимость;
- ✓ неравенство и борьба за справедливость: национальные и международные политические стратегии;
- ✓ экономические кризисы и политика экономического роста;
- ✓ терроризм и глобальное сотрудничество в вопросах безопасности;
- ✓ экологические вызовы современной политике;
- ✓ Россия в современном мире: национальные интересы и международное сотрудничество;
- ✓ вызовы и перспективы политики развития России;
- ✓ политика Евразийского экономического сотрудничества;
- ✓ украинский кризис: национальное, региональное и международное измерения;
- ✓ Европейский союз и европейские исследования.

В работе конгресса приняли активное участие представители крупных российских центров политической науки и образования: институты РАН, университеты, академии.

В работе конгресса принимали участие такие исследовательские центры, как ВЦИОМ, Фонд ИНДЭМ, Центр политических технологий (Москва), Центр Наследие им. Питирима Сорокина (Сыктывкар) и др.

В работе конгресса приняли участие представители Администрации Президента РФ, обеих палат Федерального собрания РФ, Министерства иностранных дел РФ, Министерства образования и науки РФ и др.

В рамках конгресса были проведены специальные заседания Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ, Академии политической науки, Международной ассоциации конфликтологов.

Насыщенной была международная программа конгресса. В конгрессе участвовали около 50 зарубежных исследователей из 30 стран мира. Были представлены Европейский парламент, Европейский консорциум политических исследований, Конфедерация европейских ассоциаций политической науки, Ассоциация политической науки Армении, Пагушские конференции по проблемам науки и мировой политики. Помимо специальных заседаний, круглых столов и пленарных лекций видных зарубежных исследователей была проведена координационная встреча руководителей (представителей) международных, региональных и национальных ассоциаций с обсуждением перспектив сотрудничества.

Проведены Общее ежегодное собрание РАПН и Собрание Молодежного совета РАПН.

Деятельность Конгресса получила широкое освещение в СМИ. Изданы программа конгресса, материалы конгресса на бумажном и электронном носителях.

*O.B. Гаман-Голутвина,
Л.В. Сморгунов,
Л.Н. Тимофеева*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
Научный журнал
2016 № 2

Политическая наука в современной России

Редактор-составитель номера
д-р полит. наук *O.B. Гаман-Голутвина*

*Издание рекомендовано Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные ре-
зультаты диссертации на соискание ученой степени доктора и
кандидата наук» по политологии*

**Адрес редколлегии: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект 51/21.
НИИОН РАН. Отдел политической науки.
E-mail: politnauka@inion.ru**

Оформление обложки И.А. Михеев
Компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректор Я.А. Кузьменко

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 31/V – 2016 г. Формат 60 x84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 17,0 Уч.-изд. л. 18,1
Тираж 500 экз. Заказ № 44

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий**
Тел. / Факс: (499) 120-45-14
E-mail: inion@bk.ru
E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)
Отпечатано в НИИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02) 9

